UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00283858 9

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/bylinyliat00liat

56

Былины

вступительная статья Е. А. ЛЯЦКАГО.

104 с

ИЗДАНІЕ
Т-ВА
„ОГНИ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Printed in USS

PG
3114
L53

LIBRARY
JAN 6 1966
UNIVERSITY OF TORONTO

1037396

Пѣсни о богатыряхъ и удалыхъ молодцахъ добраго стараго времени, „старины“ или „старинки“, какъ ихъ называютъ сами сказители, поются еще и понынѣ въ глухихъ уголкахъ сѣверной Россіи и Сибири. Тамъ онѣ доживаютъ свой вѣкъ, утрачивая мало-по-малу свой строгій эпическій характеръ, дробясь на болѣе мелкіе сюжеты, какъ бы вывѣтриваясь и ветшая.

Прежде, когда народная среда, хранившая былины, жила болѣе или менѣе обособленною жизнью, хранить старинныя пѣсни было легко, было досужно и запоминать ихъ и пѣть. Пока не было школы, да прямоѣзжихъ дорогъ въ глухія мѣста, да отхожихъ промысловъ въ столичныя губерніи, пока вся жизнь нашего сѣверянина замыкалась въ неторопливый кругъ подручной крестьянской работы—рыбной ловли, охоты да пашни, былины, дѣйствительно, хранили, подобно историческимъ пѣснямъ, самые отдаленные отзвуки сѣдой

старины. Для молодыхъ поколѣній онѣ служили исторіей въ лицахъ, школой нравственнаго воспитанія и источникомъ художественныхъ наслажденій. Еще лѣтъ сто до нашего времени „старинки“ были, можно думать, зауряднымъ явленіемъ въ любой олонецкой деревушкѣ. Хорошихъ сказителей было еще много во второй половинѣ прошлаго вѣка, когда собиратели ревностно бросились записывать отъ нихъ былинные тексты. Эти записи, да еще старинный сборникъ былинъ, связанный съ именемъ Кирши Данилова, составили, главнымъ образомъ, ядро нашего былевого творчества, въ которомъ обозначились и основные былинные сюжеты и игравшее до послѣдняго времени столь видную роль дѣленіе богатырей на старшихъ и младшихъ, на кіевскихъ и новгородскихъ. Позднѣйшія записи у Бѣлаго моря и на Печорѣ обнаружили еще много свѣжей и живой поэзіи, но она отличается уже другимъ характеромъ и къ прежнему „ядру“ имѣетъ, по сюжетамъ, отдаленное отношеніе. Искавшіе новыхъ былевыхъ сюжетовъ въ Олонецкомъ краѣ, этомъ сердцѣ сѣверно-русской поэзіи, не могли найти ни одного, который не былъ бы извѣстенъ по записямъ Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга. Новѣйшіе собиратели объясняли это обстоятельство тѣмъ, что вымираніе былевого творчества вмѣстѣ съ послѣдними лучшими сказителями сопровождается глубокими измѣненіями въ духовномъ быту крестьянъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій ихъ экономической и промышленной жизни.

Въ этомъ отношеніи наблюденія изслѣдователей сводились къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Годъ отъ году жизнь на Сѣверѣ становилась сложнѣе; рыбныя и лѣсныя богатства привлекали къ себѣ тысячи новыхъ русскихъ людей, промышленныхъ, бойкихъ, смышленныхъ, грамотныхъ. Старымъ хозяевамъ края пришлось и приходится тѣсниться на „вольныхъ" промыслахъ, пускать ихъ въ свою среду и самимъ вступать съ ними въ разнообразныя промышленныя и культурныя отношенія. Стали рубить вѣковые лѣса, вылавливать рыбу въ рѣкахъ и озерахъ... И во многихъ мѣстахъ глухого, долго невѣдомаго, но славнаго своимъ обиліемъ Сѣвера жизнь пошла бѣднѣе и озабоченнѣе, обнаружилась потребность въ дополнительномъ заработкѣ то на заводѣ и фабрикѣ, то въ отхожемъ промыслѣ. Прежній патріархальный бытъ началъ разрушаться, а вмѣстѣ съ нимъ началъ отходить въ прошлое прежній обычай и старинный дорогой и самобытный нарядъ. Хотя медленно и съ трудомъ, но стала проникать въ сѣверную деревню грамотность и, на смѣну отжившимъ, выдвигать новые интересы для мысли и ближайшихъ потребностей жизни. Старыя пѣсни издавна сторонились грамотныхъ людей, и грамотные люди не съ прежней охотой запоминали старыя пѣсни. Онѣ стали удѣломъ сравнительно немногихъ любителей старины и поэзіи. Въ устахъ молодого поколѣнія основные былинные сюжеты утрачивали свою устойчивость и принимали новыя, чуждыя исконному духу черты.

II.

До второй половины прошлаго вѣка былъ извѣстенъ одинъ только сборникъ былинъ, народное происхожденіе котораго и подлинность у многихъ возбуждали сомнѣніе. То были упомянутыя выше знаменитыя „Древнія Россійскія стихотворенія Кирши Данилова“, впервые напечатанныя въ началѣ прошлаго вѣка. Но эта единственная въ то время книга былинъ долго не привлекала къ себѣ вниманія изслѣдователей. Когда же появились собранія былинъ Кирѣевскаго, Рыбникова, позже Гильфердинга, они сразу обратили на себя глубокое и пристальное вниманіе. Люди науки стали изучать былины съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія—художественной, исторической, культурно-бытовой. Славянофилы, отыскивавшіе въ характерѣ русской національности черты исконно-самобытныя, присущія только славянской расѣ, увидѣли въ былинахъ свидѣтельство яркой духовной мощи, которая служила для нихъ прообразомъ исключительно русскаго національнаго типа. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, однако, что и былины и богатырскіе типы далеко не составляютъ явленія, свойственнаго только русскому или даже славянскому національному генію. У народовъ Запада и Востока, у скандинавовъ и кавказскихъ горцевъ оказались сюжеты, во многомъ сходные съ сюжетами нашихъ былинъ. Началось историко-сравнительное изслѣдованіе параллелей въ сюжетахъ и обра-

боткѣ, и это изслѣдованіе лишило былины ореола національной исключительности. Оно ввело ихъ въ общія съ другими народами условія эпическаго пѣснотворчества, при которыхъ роль индивидуальной обработки—у каждаго народа—сводилась къ приспособленію сюжета къ его музыкально-поэтическимъ потребностямъ и вкусамъ, сообразно духу языка и умственному и художественному уровню среды.

Вниманіе изслѣдователей вскорѣ остановилось на одномъ обстоятельствѣ. Оказалось, что былины сохранились лишь въ одномъ опредѣленномъ районѣ, въ однородномъ болѣе или менѣе составѣ населенія, занявшемъ этотъ районъ въ опредѣленную историческую эпоху. Самые тщательные поиски собирателей не дали ни одной малорусской или бѣлорусской былины, хотя и обнаружили наличность сказокъ съ отдаленными отголосками сюжетовъ и былевыхъ именъ. Былины-пѣсни оказались только въ великорусскихъ губерніяхъ, и то не во всѣхъ: онѣ сосредоточились сотнями въ олонецкой губерніи, десятками протянулись по архангельской, пробрались въ сибирскія, проникли внизъ по Волгѣ въ область уральскаго казачьяго войска и южнѣе до терской области—чѣмъ дальше отъ Сѣвера, тѣмъ все болѣе теряя типично-сѣверныя былевыя черты и сливаясь въ обработкѣ съ историческими и разбойничьими пѣснями казацкаго творчества. Во внутреннихъ великорусскихъ губерніяхъ были сдѣланы лишь единичныя записи бы-

линъ, съ значительными искаженіями въ сюжетахъ. Видно, что въ этихъ мѣстностяхъ заносные мотивы не приростали, не перенимались; видно—общія условія народной жизни здѣсь не были благопріятны для переимки и распространенія былинъ. Былины хранила только суровая природа Сѣвера, съ безконечными озерами, лѣсами и каменистыми пашнями, какъ бы оберегала отъ косого глаза затаенность патріархальнаго быта, примитивнаго, не знавшаго грани между вѣрой и суевѣріемъ. Казалось, наконецъ, что идеалы свободной народной силы, олицетворяемые въ богатырскихъ типахъ, могли развиться лишь въ населеніи, не знавшемъ крѣпостного рабства. Сѣверныя губерніи, въ значительной своей части, совмѣщали въ себѣ эти условія. Однако этого одного было бы еще недостаточно, чтобы объяснить себѣ происхожденіе и живучесть „старины“ въ сѣверномъ краѣ.

Изученіе былинъ со стороны сюжета, способовъ художественной обработки и языка приводило къ заключенію, что былины сложились не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ позднѣе были записаны. Если сѣверный край былъ благопріятенъ для сохраненія былевого преданія на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, то его отдаленность отъ центровъ культурной жизни не могла бы населить фантазію пѣвца образами южной кіевской степи, съ заѣзжими богатырями, стекающимися со всѣхъ сторонъ—съ Запада, Юга и Востока—на службу и „почестные“ пиры ко князю Владиміру. Для этого

былины отражаютъ слишкомъ сложный и разнообразный міръ русской жизни, взятой въ различные моменты—то дружинно-княжескаго уклада, то буйнаго приволья богатаго, близкаго къ заморскимъ краямъ города.

Такимъ городомъ, гдѣ умѣли цѣнить и память о колыбели городовъ русскихъ и о дружинникахъ, стояльцахъ за русскую землю, гдѣ любили собирать и слушать на пирахъ заморскихъ пѣвцовъ, заѣзжихъ скомороховъ и своихъ доморощенныхъ „веселыхъ людей", гудцовъ и гусельниковъ, былъ древле славный Господинъ Великій Новгородъ,—пока звучалъ его вѣчевой колоколъ, пока не зналъ онъ надъ собой власти суровой и хитрой Москвы.

Когда Москва сломила во второй половинѣ XV в. Новгородскую вольницу, то, чтобы не дать ей возродиться, великій князь Иванъ III сталъ тысячами выводить семейства купцовъ и дѣтей боярскихъ и разсылать ихъ по отдаленнымъ окраиннымъ городамъ, на мѣсто же ихъ переселять въ Новгородъ дѣтей боярскихъ и купцовъ изъ московскихъ городовъ. Московскіе люди вытѣснили старые новгородскіе порядки, завели здѣсь свои обычаи и свою рѣчь, тянувшуюся къ Москвѣ. Ближайшая же къ Новгороду обонежская пятина осталась нетронутой, а въ ней—и та поэтическая старина, которая проникла въ нее, какъ одно изъ культурныхъ вліяній Новгорода, этого средоточія умственныхъ и художественныхъ возбужденій для всѣхъ прилегающихъ земель. Затаилась здѣсь старина

эта глубоко, какъ дорогое духовное наслѣдіе, съ которымъ связалась память о великомъ и славномъ прошломъ. Отсюда, вмѣстѣ съ колонизаціей изъ новгородскихъ выходцевъ, неотступно шедшей на Востокъ и внизъ по Волгѣ, разносились и былевыя пѣсни,—такъ попали онѣ въ Сибирь, удержались кое-гдѣ въ Поволжьѣ, дотянулись до самыхъ предгорій Кавказа...

III.

Въ наше время на Сѣверѣ нѣтъ сказителей былинъ по профессіи, въ родѣ каликъ перехожихъ съ ихъ духовными стихами. Одни „сказываютъ" ихъ лучше, другіе хуже, но поютъ при случаѣ всѣ—и старъ, и младъ, и мужики, и бабы, поютъ большаю частью за работой, за плетеніемъ сѣтей или шитьемъ. Присутствующіе слушаютъ пѣніе съ глубокимъ вниманіемъ, переживая и содержаніе и настроеніе пѣсни. Лишь изрѣдка откликаются они замѣчаніями, выражающими ихъ удивленіе или сочувствіе тому, о чемъ поется въ пѣснѣ. Подобно древне-греческому хору, слушатели отзываются въ моменты наибольшаго драматизма разсказа, какъ бы съ намѣренною цѣлью поддержать пѣвца выраженіемъ сочувствія тому настроенію, которое находитъ въ пѣснѣ его свою самую вдохновенную, самую чуткую форму. Пѣсня стала домашнимъ дѣломъ, не возводящимъ пѣвца на степень профессіональнаго артиста. Но въ до-петровскую старину по Руси разгуливали толпы пѣвцовъ и потѣшныхъ

людей, своихъ и захожихъ, среди которыхъ были и ряженые музыканты и акробаты и паяцы, „скоморохи“ и „глумцы“, въ одеждѣ нѣмецкихъ шпильмановъ, либо въ короткихъ туникахъ съ разрѣзными полами. Несмотря на то, что церковь объявила ихъ игры и пѣсни „богомерзкими“, бѣсовскими, „дѣлесы непотребными“, несмотря на осужденія Стоглава XV в. и духовныхъ писателей слѣдующаго столѣтія, ихъ жаловали и цари московскіе, и бояре, и народъ, любившій потѣшиться ихъ искусствомъ, особенно во время свадебнаго веселья. Извѣстно, что и самъ грозный царь Иванъ Васильевичъ былъ не прочь принять участіе въ скоморошьихъ пляскахъ и надѣвалъ на себя „машкару“ (личину). По городамъ и волостямъ собирали для грознаго царя веселыхъ людей, а дьякъ Субота ѣздилъ за скоморохами даже въ Новгородъ. Духовные же проповѣдники жаловались, что прихожане „свадьбы творятъ и на браки призываютъ іереевъ со кресты и скомороховъ съ дудами“. Въ XVII в. Олеарій видѣлъ и слышалъ скомороховъ въ Ладогѣ. Когда знаменитый путешественникъ и его спутники сидѣли за обѣденнымъ столомъ, вошли двое русскихъ „съ лютней и гудкомъ“, и стали пѣть, подъ аккомпаниментъ, о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; потомъ они показывали свое искусство въ пляскѣ и другихъ потѣхахъ. Очевидно, веселый репертуаръ ихъ „игры“ чередовался съ серьезными пѣснями объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, и пѣсни эти имѣли въ глазахъ

пѣвцовъ то же значеніе „были“ о славномъ прошломъ, какое въ наши дни имѣютъ былины для современныхъ сказителей.

Но можно ли установить преемственную связь между нашими сказителями и профессіональными пѣвцами-скоморохами до-петровской Руси?

Обратимъ вниманіе на тѣ наблюденія собирателей и ученыхъ, которыя были сдѣланы ими, во-первыхъ, надъ самымъ процессомъ исполненія, т. е. напѣвнаго „сказыванія“ былинъ, и, во-вторыхъ, надъ типичными составными частями былины. Прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что сказители не умѣютъ „сочинять“ былины на новыя темы, и всѣ попытки вызвать ихъ на такое сочинительство оканчивались полнѣйшей неудачей. Замѣчено, далѣе, что и поющихся ими былинъ они не знаютъ „наизустъ“, т. е. не могутъ повторить старую былину слово въ слово, что въ каждое новое повтореніе уже спѣтой ими разъ былины они вносятъ новые пріемы исполненія, то вводя ту или иную подробность, то опуская ее, то видоизмѣняя отдѣльные стихи, то растягивая, то сжимая. При этомъ былина не теряетъ своего общаго характера, она не является только заученной, окаменѣвшей въ памяти пѣвца, напротивъ, его роль въ былинѣ— роль свободнаго импровизатора на подробно разработанную, но уже готовую тему. Наблюденія надъ составомъ былины ведутъ еще дальше въ тайники этой импровизаціи, гдѣ наши сказители являются до извѣстной степени и творцами былинъ.

Оказывается, сказителю нѣтъ надобности запоминать каждую былину въ отдѣльности, какъ это мы дѣлаемъ, запоминая съ величайшей точностью произведеніе того или другого поэта. Ему достаточно усвоить себѣ общій типъ опредѣленной былины, ея сюжетъ, характеръ богатырей и затѣмъ уже пользоваться тѣми переходными мѣстами, своего рода поэтическими формулами, которыя служатъ и для цѣлаго ряда другихъ былинъ. Въ его памяти долженъ только храниться готовый запасъ запѣвовъ, прибаутокъ, общихъ мѣстъ, удачно названныхъ однимъ изъ ученыхъ „передвижными картинками", эпитетовъ, сравненій, заключительныхъ стиховъ, и пѣвецъ можетъ вставлять ихъ въ любую былину, смотря по требованію сюжета или по личному пристрастію къ опредѣленнымъ подробностямъ.

Такъ, нѣкоторые сказители не любятъ приступать сразу къ содержанію былины. Они предпочитаютъ подготовить настроеніе слушателей „зачиномъ" издалека или прибауткой, заранѣе разсчитанной на контрастъ съ содержаніемъ и тономъ послѣдующей пѣсни, — посмѣются надъ „мхами-болотами" сѣверной стороны, задѣнутъ по пути бабьи „сарафаны по Моши по рѣки" и затѣмъ сразу перейдутъ на серьезную рѣчь. Иные любятъ дать разбѣгъ своей поэтической мысли, заставить ее унестись высоко отъ земли—въ область неопредѣленнаго, безконечнаго, высокаго, какъ „высота поднебесная", глубокаго, какъ „глубина океанъ-моря".

Иногда же сказитель вводитъ слушателей своимъ „зачиномъ“ въ ласковое настроеніе чинной и мирной бесѣды и поетъ о томъ, что ему „не жалко пива пьянаго“, „не жалко зелена вина“, „только жалко смиренной бесѣдушки“, т. е. всего вдоволь, мало лишь духовной пищи — для ума и сердца, и онъ предлагаетъ спѣть про стараго казака Илью Муромца. Во всѣхъ этихъ „зачинахъ“ сказывается не столько словесно-поэтическій, сколько музыкальный пріемъ. Нынѣшнему сказителю не хватаетъ гуслей яровчатыхъ, чтобы пробѣжать по струнамъ, вызвать и въ себѣ вдохновеніе и въ слушателяхъ возбудить особое, типично-музыкальное любопытство.

Но вотъ „зачинъ“ исполненъ, и пѣвецъ приступилъ къ содержанію былины. Его богатырь готовится выѣхать изъ родительскаго дома. Тутъ, въ однихъ и тѣхъ же приблизительно выраженіяхъ, то стянутыхъ, то распространенныхъ повтореніями, богатырь проситъ у „родителя, своей матушки“, „прощеньице съ благословеньицемъ“. Матушка благословляетъ его на поѣздочку богатырскую и при этомъ учитъ его уму-разуму. Затѣмъ богатырь собирается въ путь. Кто бы онъ ни былъ, Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Дунай Ивановичъ,— всѣ они снаряжаются въ дорогу, накладывая на добрà коня подпотничекъ, на подпотничекъ—потничекъ, на потничекъ сѣделышко черкасское, подтягиваютъ сѣделышко тринадцатью подпругами...

Добрый конь осѣдланъ—неторопливо, основательно, снаряженъ такъ, какъ снаряжается опыт-

ный крестьянинъ, собираясь въ далекій отъ родной деревушки городъ. Богатырь садится на коня. Его обыкновенно видятъ—„сядучись“, да не видятъ „поѣдучись“. И не удивительно: конь его скачетъ „выше лѣса стоячаго“, чуть пониже „облака ходячаго“.

Проѣзжаетъ ли богатырь ко двору княженецкому, онъ знаетъ, какъ вести себя. Сначала онъ привяжетъ коня „у столба у точенаго“, потомъ войдетъ въ горницу, Богу помолится, на всѣ стороны поклонится, а князю со княгинею особый поклонъ отдастъ.

Далѣе слѣдуютъ вопросы и отвѣты, кто и откуда добрый молодецъ, затѣмъ угощеніе, на которомъ богатыри „напиваются“, „наѣдаются“ и начинаютъ хвастать. Для всѣхъ этихъ эпизодовъ, столь часто встрѣчающихся во многихъ былинахъ, техника пѣснотворчества отчетливо выработала свои пріемы, свои типичныя выраженія, какъ декораціи, передвигаемыя съ мѣста на мѣсто.

Такимъ образомъ, повторимъ еще разъ: пѣвцу достаточно запомнить общія очертанія былиннаго сюжета, характеры богатырей, представить дѣйствіе въ соотвѣтствующей обстановкѣ,—остальное механически довершитъ его память. Благодаря хранящемуся въ ней запасу общихъ мѣстъ, она вноситъ огромную экономію въ распредѣленіе и трату творческой энергіи. Въ самомъ дѣлѣ, пользованіе одними и тѣми же общими мѣстами при пѣніи различныхъ былинъ значительно облегчаетъ

дѣло ихъ запоминанія. Только при этомъ условіи становится понятнымъ, какъ могли запомнить иные сказители и сказительницы по нѣскольку десятковъ тысячъ стиховъ. Однако, даже принимая во вниманіе значеніе общихъ мѣстъ, нельзя не признать, что такая память—явленіе не обыкновенное, отличающее рѣдкія, исключительно одаренныя натуры. Въ этомъ отношеніи сказители дѣлятся на нѣсколько разрядовъ; отличительными признаками лучшихъ изъ нихъ служитъ твердое памятованіе сюжетовъ, удачный подборъ общихъ мѣстъ и эпитетовъ, мѣрный ритмическій стихъ и напѣвъ, музыкально-законченный, строго соотвѣтствующій опредѣленной былинѣ. Поэтому-то для изслѣдователя имѣютъ такое значеніе біографіи сказителей, ихъ возрастъ, преобладающія свойства ихъ нравственнаго склада, наконецъ—ихъ профессія, на роль которой будетъ указано ниже.

IV.

Напѣвъ былины медленный, торжественно монотонный, съ строго чередующимся модулированіемъ, съ замѣтнымъ различіемъ въ оттѣнкахъ эпической и драматической рѣчи. Медлительность разсказа вызывается какъ приподнятостью тона исполненія, такъ и внутреннимъ требованіемъ импровизаціи, въ которой совершается полубезсознательный процессъ припоминанія, выбора, комбинированія необходимыхъ выраженій, образовъ, оттѣн-

ковъ. Медленный же, слегка волнующійся речитативный напѣвъ помогаетъ этой работѣ, вводя въ связный и четкій разсказъ множество логически ненужныхъ, но важныхъ, какъ элементъ музыки и ритма, вставокъ, частицъ, повторяющихся предлоговъ и союзовъ, даже цѣлыхъ стиховъ. Благодаря этой, какъ ее называютъ изслѣдователи, эпической „ретардаціи", въ которой слѣдуетъ различать, добавимъ, стороны логическую и музыкальную, одна и та же фраза сюжета можетъ растягиваться до безконечности. Поетъ, напримѣръ, сказитель о томъ, какъ Илья Муромецъ снаряжается въ бой съ Калиномъ-царемъ, онъ растягиваетъ одно логическое предложеніе въ десятокъ-другой стиховъ. Но еще любопытнѣе примѣры былинной ретардаціи въ тѣхъ былинахъ, гдѣ встрѣчаются не только подлинныя повторенія опредѣленныхъ выраженій, но и чередованіе представленій, близкихъ по смыслу:

— Ай же ты калика нуньчу старая,
Ты старая калика да матерая,
Матерая калика да сѣдатая,
Сѣдатая калика да плѣшатая!
Ты дѣли-тко нуньчу дàрева...

Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ особенностяхъ своего строя былина можетъ быть разгадана и понята только съ точки зрѣнія ея музыкальной техники. Только слыша ее въ исполненіи хорошаго сказителя, можно пережить всю полноту производимаго ею впечатлѣнія, гдѣ всякое повтореніе, всякая частица является необходимой,

каждое ни къ чему не идущее на первый взглядъ восклицаніе наполняется музыкальнымъ содержаніемъ и пріобрѣтаетъ свой смыслъ, свою красоту, безъ которой разрушилось бы очарованіе цѣлаго. Какъ бы тщательно ни былъ записанъ текстъ былины, къ нему до извѣстной степени можно примѣнить аналогію, проводимую поэтомъ между поэтическимъ замысломъ и его воплощеніемъ въ словѣ:

Но едва вы въ стихи выливались, могучая сила
Отлетала отъ васъ: вы блѣднѣли, какъ звѣзды съ зарей...

На значеніе напѣвовъ при изученіи народныхъ произведеній уже съ давнихъ поръ обращали вниманіе, и въ нашей литературѣ есть немало изданій, посвященныхъ народной музыкѣ. Къ сожалѣнію, былинныхъ напѣвовъ записано очень немного, и то большею частью начальныя музыкальныя фразы. Былевая напѣвность, та, которая сопровождалась „тонцами“ гуслей яровчатыхъ (яворчатыхъ), отошла въ область преданія, какъ и сами гусли, сослужившія нашей народной музыкѣ свою тысячелѣтнюю службу.

V.

Выше мы сказали, что скоморохи были профессіональными музыкантами древней Руси, нѣкоторая часть искусства которыхъ, по мнѣнію изслѣдователей, въ упрощенномъ, такъ сказать—кустарномъ видѣ перешла къ сказителямъ. На этомъ вопросѣ остановимся нѣсколько подробнѣе. Въ исто-

рическомъ отношеніи скоморошество представляетъ собой явленіе чрезвычайно любопытное. Оно доказываетъ, что въ области искусства народъ нашъ вовсе не остался въ сторонѣ отъ тѣхъ преданій греко-римской культуры, которыя оказали такое могущественное вліяніе на развитіе европейскихъ народовъ. Наши скоморохи, составлявшіе уже обычное явленіе въ русской жизни XI в., подобно нѣмецкимъ шпильманамъ, оказываются преемниками греко-римскихъ „мимовъ" или „скиниковъ", выступавшихъ на сценѣ, увеселявшихъ пиры и народныя сборища на улицахъ и площадяхъ. Русскій народный обиходъ принялъ ихъ радушно, приспособилъ ихъ искусство къ своему пониманію и вкусамъ, далъ пищу для новыхъ сюжетовъ ихъ международно бродячему репертуару.

И въ пѣсняхъ, и въ историческихъ свидѣтельствахъ, скоморохи являются по преимуществу представителями забавы и веселья. Въ одной изъ былинъ о Ставрѣ Годиновичѣ жена его спрашиваетъ князя Владиміра:

— Чѣмъ ты, Владиміръ князь, въ Кіевѣ потѣшаешься,
Есть ли у тебя веселые молодцы?

Веселые гулящіе люди, наряжавшіеся въ особое скоморошье платье, съ древнѣйшимъ музыкальнымъ инструментомъ—гуслями въ рукахъ, переходя изъ одной мѣстности въ другую, приходили въ соприкосновеніе съ огромнымъ количествомъ людей, пріучались быть, гдѣ это казалось необхо-

димымъ, „вѣжливыми и очестливыми“. Естественно, что въ мѣстахъ съ пришлымъ или не русскимъ населеніемъ, или въ пограничныхъ областяхъ, они знакомились прежде всего съ такими же гуляками-артистами, какими были сами, и здѣсь они не могли не учиться другъ у друга, не обмѣниваться сюжетами и мотивами своихъ пѣсенъ, какъ и другими сторонами своего искусства въ области паясничанья, пляски и фокусовъ. Востокъ могъ играть въ этомъ отношеніи такую же роль, какъ и Западъ. И здѣсь и тамъ въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ могли быть люди, знакомые съ двумя или нѣсколькими языками, и поскольку дѣло касалось успѣха того или иного „игреца“ на сборищахъ въ богатыхъ домахъ, куда ихъ звали, они должны были постоянно заботиться о подновленіи своего репертуара новыми сюжетами, о разнообразіи музыкальныхъ инструментовъ. Такъ какъ они живали въ городахъ и усадьбахъ богатыхъ помѣщиковъ, вѣроятно, по-долгу, то, чтобы удерживать вниманіе къ себѣ болѣе или менѣе на продолжительное время, они должны были имѣть на готовѣ сравнительно большой запасъ сюжетовъ, все время изощряя свою изобрѣтательность въ этомъ направленіи. Заимствованіе однимъ скоморохомъ у другого, русскимъ у нѣмца, западнымъ у восточнаго и наоборотъ, должно было сыграть въ дѣлѣ накопленія сюжетовъ огромную роль.

Однако въ рукахъ современнаго изслѣдователя немного матеріала для сужденія о томъ, ка-

кія именно темы самостоятельно взяты и обработаны скоморохами. Такими темами должны быть признаны прежде всего пѣсни о самихъ же скоморохахъ, объ ихъ подвигахъ, въ родѣ тѣхъ, которые эпизодами вошли въ былины о Добрынѣ, Соловьѣ Будиміровичѣ и почти цѣликомъ составили былину о Садкѣ гостѣ богатомъ. Скоморошескія проказы повели, между прочимъ, къ созданію весьма фривольной пѣсни о гостѣ Терентьищѣ.

Въ пѣснѣ „о веселыхъ" рисуется толпа скомороховъ, расхаживающихъ по улицамъ со своими инструментами въ поискахъ ночлега:

— Веселые по улицамъ похаживаютъ,
Гудки и волынки понашиваютъ,
Промежду собой веселы разговариваютъ:
„А гдѣ же веселымъ будетъ спать-ночевать?"

Въ устахъ скомороховъ, исполнявшихъ былины, вообще пѣсни серьезнаго содержанія, пѣсня могла принимать характеръ чего-то чудодѣйственнаго, въ буквальномъ смыслѣ чарующаго: не даромъ скоморохи считались въ народѣ чародѣями, вѣдунами, знахарями, лечившими людей. Терентьище проситъ скомороховъ вылечить жену его Авдотью, обращаясь къ нимъ, какъ къ врачевателямъ душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ:

— Вы много по землѣ ходоки,
Вы много всѣмъ скорбямъ знатоки,
Вы скорби ухаживаете,
А недуги уговариваете...

Элементъ знахарства и веселья дѣлалъ ихъ участіе необходимымъ на свадебныхъ торжествахъ, но съ другой стороны эти же свойства вооружали противъ нихъ духовныхъ проповѣдниковъ, считавшихъ ихъ „волхвами бѣсовыми“, слугами антихристовыми.

Новгородская жизнь сама по себѣ не представляла для пѣвцовъ той прелести поэтической старины, какъ стольное кіевское житье съ идеализованнымъ княземъ Владиміромъ и преданіями о схваткахъ съ кочевниками въ приднѣпровскихъ степяхъ. Повѣствованіе о мѣстахъ далекихъ, по которымъ странствовалъ скоморохъ-гусельникъ, пріобрѣтало особый романтическій характеръ въ связи съ тѣми припѣвками, наигрышами, которые онъ запоминалъ во время своихъ странствій и вводилъ и приспособлялъ къ своему исполненію. Наиболѣе обычнымъ пріемомъ возбудить мечтательное настроеніе въ слушателяхъ было унести ихъ воображеніе за „море-синее“, къ морю Волынскому (Хвалынскому), въ землю Сарацынскую, въ тихія заводи днѣпровскія, въ Индію богатую, и самыя дѣйствія отнести непремѣнно къ временамъ „доселишнимъ“, къ старинѣ „стародавней“. Такъ, Добрыня, въ одной изъ былинъ, переодѣвшись пріѣзжимъ скоморохомъ, разсказываетъ о своихъ похожденіяхъ то и дѣло перенося слушателей изъ одного края въ другой:

— Первый разъ игралъ отъ Царя-града,
Другой разъ отъ Еросолима,
Третій разъ сталъ наигрывати,

Все свое похожденіе разсказывати.
— Енъ игрища игралъ отъ Царя-града,
Другое игралъ отъ Еросолима,
Третье играе отъ Кіева,
А похожденья выигрывалъ Добрынины,
Струночку играетъ отъ синя-моря,
Другую играетъ отъ Царя-града,
А третью отъ Ерусолима,
А все похожденьице Добрынюшкино.
— Натянулъ онъ струну про Кіевъ-градъ,
Другу про похожденьицо
Выигрывалъ свое рожденьице...

Возможно, что въ этихъ стихахъ скрывается намекъ на мотивы и напѣвы, идущіе издалека и характеризующіе, такимъ образомъ, разнообразіе художественнаго образованія пѣвца. Если скоморохъ-гусельникъ могъ запомнить чуждую русскому духу музыкальную тему, тѣмъ болѣе могъ онъ схватить и подвергнуть своей обработкѣ и необычный зарубежный сюжетъ, самая оригинальность котораго должна была производить на слушателей особое впечатлѣніе. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно, какъ могло забраться въ былину о боѣ Ильи Муромца съ Сокольничкомъ иранское сказаніе изъ Шахъ-Наме о боѣ Рустема съ Зорабомъ, или кавказское сказаніе объ Ашикъ-Керибѣ стать прототипомъ былины объ отъѣздѣ Добрыни и попыткѣ Алеши Поповича жениться на его женѣ. Изслѣдованія показали, что въ основѣ почти всѣхъ былевыхъ сюжетовъ лежатъ бродячія международныя темы о богатырскихъ воинскихъ подвигахъ объ ихъ службѣ при дворѣ государей, о чудесахъ

силы и храбрости, ими совершаемыхъ, о борьбѣ различныхъ племенъ, о мудрыхъ и невѣрныхъ женахъ, о богатствѣ далекихъ сказочныхъ странъ, о дѣлахъ благочестія и вѣры. Схваченный на лету сюжетъ ассоціировался въ воображеніи пѣвца съ другими аналогичными сюжетами, вплетался въ наладившуюся былевую традицію, принималъ черты историческаго и мѣстнаго колорита и, видоизмѣняясь почти до неузнаваемости, пріобрѣталъ всѣ наружные признаки подлинной русской старины. Фантазія сплеталась съ реальной дѣйствительностью и создавала сказочный міръ, мечтательный, туманящійся въ перспективахъ отдаленной идеализаціи и напѣвный. Еще нетрудно было узнать въ былинѣ объ Ильѣ и Соловьѣ Разбойникѣ историческое воспоминаніе о дѣйствительно существовавшихъ нѣкогда разбойничьихъ ватагахъ, грабившихъ по дорогѣ отъ Чернигова къ Кіеву. Но распознать подъ Дюкомъ Степановичемъ посла-богатыря, ходившаго, по извѣстному сказанію, въ Индѣйское царство, или подъ Чурилой Пленковичемъ Василія Златовласаго, королевича чешской земли, о которомъ сохранилась книжная повѣсть, было гораздо труднѣе. Если, допустимъ, фантазія сложившаго былину, еще не слишкомъ удалила сюжетъ отъ его первообраза, то преемственная передача былины отъ одного сказителя къ другому, настолько перерабатывала и видоизмѣняла весь сюжетъ, что возстановить его происхожденіе удавалось лишь предположительно, и то путемъ сложнаго и мелочнаго анализа.

VI.

Если мы можемъ лишь гадательно судить о томъ, какими свойствами была обязана былина внутреннимъ требованіямъ своего музыкальнаго строя, то съ гораздо большей увѣренностью можно говорить о томъ процессѣ, посредствомъ котораго сухой прозаическій сюжетъ превращается даже въ простомъ, не напѣвномъ пересказѣ въ произведеніе высокаго поэтическаго достоинства.

Конечно, элементы поэтическаго воспроизведенія былевого разсказа раскрываются въ языкѣ, въ его картинныхъ оборотахъ, красочныхъ эпитетахъ, мѣткихъ опредѣленіяхъ, заключенныхъ въ стройныя ритмическія формы. Но другимъ болѣе могучимъ средствомъ поэтическаго возбужденія является тотъ элементъ чудеснаго, сверхъестественнаго, легендарно-сказочнаго, который, напримѣръ, превращаетъ сухія, сжатыя, такъ-называемыя первичныя редакціи житій святыхъ, писанныя „памяти ради“, въ произведенія глубочайшей таинственной красоты, способной доводить религіозное чувство до высшихъ степеней экстаза. Въ этомъ отношеніи отмѣченная нами параллель между былинами и житіями святыхъ не случайна. Изслѣдователи установили, что житіе краткое, какъ лѣтописная основа, впослѣдствіи распространяется различными подробностями, интересными для исторіи русскаго быта и литературы. Бытовыми чертами, очень интересными въ историческомъ отношеніи,

пестрятъ и былины, но не ими расцвѣли онѣ въ памяти народной. Какъ и въ житіяхъ святыхъ, такъ и въ былинахъ движущимъ, жизненнымъ началомъ поэзіи являются элементы вѣры и красоты. И тѣ и другіе порождаются неудержимымъ стремленіемъ разрушить жесткія грани суровой и сѣрой обыденности, открыть выходъ душевному порыву въ иной міръ, гдѣ все недосягаемое въ реальной жизни становится возможнымъ, и все необыкновенное, чудесное находитъ для своего осуществленія реальныя формы. На поэзію можно смотрѣть какъ на воспроизведеніе дѣйствительности, — и этотъ взглядъ установился на нее еще въ глубокой древности. Но возможенъ и другой взглядъ, другое объясненіе ея необходимости, особенно приложимое въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она связана съ музыкой. Она—благороднѣйшее убѣжище въ моменты отрицанія дѣйствительности, пресыщенія, утомленія ею. Съ этой точки зрѣнія былины являются такимъ противоположеніемъ дѣйствительности, которое въ фантастическихъ образахъ восполняетъ ея несовершенство, наполняетъ душу чувствомъ удовлетворенія и покоя. Съ другой стороны, сказители населяютъ воображаемый міръ своими понятіями о жизни, о людяхъ, объ общественныхъ отношеніяхъ, о природѣ, и создаваемый ими поэтическій міръ невольно отражаетъ ихъ умственный уровень, ихъ представленія о добрѣ и злѣ, о прекрасномъ и безобразномъ. Въ поэтическомъ произведеніи эти представленія являются лишь въ

идеализированномъ видѣ. Идеализація скрашиваетъ дѣйствительность, заливаетъ ее своимъ блескомъ, какъ солнце золотитъ полярную тундру. Если бы не было этой могучей способности превращать мхи и болота сѣверной стороны въ каменья самоцвѣтные и роскошнѣйшіе сады съ златоверхими теремами, въ изобиліи разсыпать золото, серебро, шелки и бархаты,—чудесному элементу не въ чемъ было бы сказаться, не откуда было бы черпать тѣ могучія средства, благодаря которымъ богатыри являлись для сказителей въ полномъ смыслѣ слова идеалами физической и духовной мощи.

VII.

Въ былинахъ, гдѣ фантастическій элементъ ослабѣваетъ, ярче проступаетъ историческая, бытовая сторона. Какъ истый мужикъ, пахарь какой-нибудь новгородской пятины, изобилующей камнями и корнями еще недавно срубленнаго подъ пашню лѣса, Микула оретъ сохою, черкающей о камни, корчуетъ, т. е. выворачиваетъ пни, ѣздитъ за солью въ Орѣховецъ, отдѣлывается при помощи дубины отъ „мужиковъ новгородскихъ", желавшихъ подчинить его провознымъ пошлинамъ,—все это сѣрая бытовая дѣйствительность, картинка захолустной новгородской исторіи, пропущенная сквозь призму обычной былевой идеализаціи съ гужиками „шелковыми", съ кобылкой необыкновенной быстроты, съ физической силой самого Микулы, до-

стигающей необыкновенныхъ размѣровъ. Въ былинѣ о Волхѣ Всеславьивичѣ, подъ чертами сказочной обработки, среди эпизодовъ чудеснаго оборотничества богатыря, навѣянныхъ мѣстными новгородскими преданіями о Волхѣ-чародѣѣ, останавливаетъ на себѣ вниманіе изображеніе охоты Вольги. Если отбросить чисто сказочный мотивъ о походѣ на Индѣйское царство, то за Вольгой останется только значеніе ловца звѣрей, искуснаго охотника, старосты охотничьей дружины-артели, которую онъ поитъ-кормитъ и одѣваетъ своею охотою. Въ этой чертѣ съ значительной степенью вѣроятія усматриваютъ преданіе объ артельной организаціи охотничьяго промысла, столь развитого въ старину въ богатыхъ всякихъ пушнымъ звѣремъ и птицею и рыбою двинскихъ областяхъ стараго Новгорода.

Чурила Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ, Соловей Будиміровичъ стоятъ какъ бы особнякомъ отъ ближайшихъ ко князю Владиміру богатырей, Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича. Послѣдніе—стояльцы за русскую землю, сознательные представители ея національнаго достоинства и мощи. Они богатыри ратные, почти не разстающіеся съ копьемъ бурзамецкимъ и палицей боевою. Между тѣмъ, первые изъ названныхъ богатырей стоятъ отдѣльно; общее русское дѣло какъ бы не пробуждаетъ въ нихъ глубокихъ патріотическихъ порывовъ. Чурило Пленковичъ живетъ недалеко отъ Кіева, но Владиміръ долгое время

ничего не знаетъ о немъ. Дюкъ Степановичъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ изъ славнаго Волынца, краснаго Галича. Соловей Будиміровичъ—заѣзжій женихъ изъ далекихъ странъ. Но всѣ они одинаково славятся богатствомъ, накопленнымъ то умѣлымъ хозяйничаньемъ въ обильныхъ и привольныхъ мѣстахъ, то удачливымъ промысломъ съ обширной артелью, то предпріимчивой и обширной торговлей съ заморскими краями. Ихъ богатырство—не воинское, ихъ дружина—либо прикащичьи артели, либо искусные плотники и корабельщики. И на всей обстановкѣ этихъ былинъ и на ихъ герояхъ лежитъ еле замѣтная подъ сказочными узорами складка купеческаго довольства и хвастовства, ставящая ихъ въ бытовую связь съ былинами явно новгородскаго происхожденія—о Василіи Буслаевичѣ и Садкѣ.

VIII.

Сказитель-импровизаторъ является въ былинѣ тѣмъ же активно-дѣйствующимъ лицомъ, какъ и художникъ въ индивидуальномъ произведеніи искусства. Онъ возсоздаетъ идеальный міръ силою своего воображенія и поэтическаго чувства, въ мѣру своей памятливости и творческой иниціативы, и отражаетъ въ своемъ произведеніи всѣ особенности своего духовнаго склада. Подобно тому, какъ художникъ, независимо отъ степени сознательности, вноситъ въ свое созданіе свои настроенія и взгляды, свой способъ постигать дѣйстви-

тельность, такъ и сказитель, преображая въ своей душѣ міръ реальныхъ воспріятій дѣйствительности, вноситъ въ свои пѣсни—и свое пониманіе и свое душевное настроеніе. У него это выражается непосредственнѣе, наивнѣе, проще, и потому нагляднѣе. Сказитель, человѣкъ религіозный по натурѣ, проявляетъ въ былинахъ свою религіозность тѣмъ, что заставляетъ богатырей часто молиться Богу. Сказитель, бражникъ и гуляка, напротивъ, сосредоточитъ преимущественное вниманіе на праздничной сторонѣ жизни: богатыри будутъ у него пировать при каждомъ удобномъ случаѣ, въ родѣ того, какъ это происходитъ въ нашей былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ. Сказитель-рыболовъ глубже прочувствуетъ и ярче передастъ былину о Садкѣ гостѣ богатомъ. Сказитель-пахарь съ особеннымъ сочувствіемъ остановится на былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ. Сказитель-портной обратитъ, конечно, вниманіе на наряды своихъ богатырей, на ихъ „платьица цвѣтныя", на ихъ сапожки „зеленъ-сафьянъ", на сукна „одинцовыя". Когда же онъ выразится объ Идолищѣ-Поганомъ, что у него, у Идолища Поганаго, послѣ удара Ильи Муромца—„отлетѣла голова да будто пугвица",—воображеніе слушателей нарисуетъ образъ пѣвца не иначе, какъ съ аттрибутами его ремесла—иглой и ножницами въ рукахъ. Сказитель, плясунъ и гуляка, со смутными откликами въ натурѣ потѣшнаго скоморошьяго нрава, придастъ ритму своей пѣсни полуплясовой характеръ. Если, наконецъ, сказитель при-

надлежитъ къ людямъ крѣпкаго стараго преданія, и мысль его опутана сѣтью суевѣрныхъ представленій о власти человѣческаго слова надъ природой, не удивительно встрѣтить у него въ мѣрномъ эпическомъ теченіи былины заговоръ, въ родѣ слѣдующей любовной присушки:

— Горите вы слѣдочки да Добрынины
Во той было во печки во муравленой,—
Гори-тко во Добрынюшки по мнѣ душа...

Такъ отражается личность сказителя въ былинахъ, такъ участвуетъ она въ созданномъ ею мірѣ, гдѣ дѣйствуютъ особыя силы, особые законы, связывающіе всѣ образы въ одно гармоническое цѣлое, заставляющее признать надъ душой пѣвца и его слушателей свою побѣдную силу.

Эпическій разсказъ, который передается пѣніемъ, даже и не сопровождаемый аккомпаниментомъ, всегда воспринимается лирически: онъ вноситъ настроеніе успокаивающее, умиротворяющее внутренній душевный разладъ между существующимъ и вѣчно желаемымъ. Сознаніе существующаго затуманивается, усыпляется; вмѣсто него раскрывается міръ необычныхъ, небывалыхъ образовъ и чувствъ.

Картины жизни, раскрывающіяся въ былинахъ, не отвѣчаютъ дѣйствительности, какъ она есть, но въ нихъ изображаются тѣ реальныя отношенія между людьми, которыя служатъ источникомъ горя и радости, скорби и смѣха. По нимъ

нельзя составить себѣ всесторонняго и правдиваго понятія о дѣйствительности, переживаемой народной средой, хранящей былины. Но вдумываясь въ нихъ, возможно создать глубоко вѣрное представленіе о томъ, насколько въ ней выражается потребность унестись душой въ другой міръ, повѣрить въ возможность осуществленія идеаловъ свободы и силы хотя бы въ поэтическомъ вымыслѣ, въ напѣвной сказкѣ...

Былины

тексты избралъ Е. А. Ляцкій.

ИЗДАНІЕ
Т-ВА
„ОГНИ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СТАРИНКИ БОГАТЫРСКІЯ

То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря.
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье.

Богатыри старшіе

Пива наварю и мужичковъ напою,
Тогда станутъ мужички меня покликивати:
„Ты молодой Микулушка Селяниновъ!“

Про Святогора-богàтыря.

Снарядился Святогоръ во чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
— Какъ бы я тяги нашелъ,
— Такъ я бы всю землю поднялъ!—
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку—
она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее,—не сворòхнется,
Хватитъ съ коня рукою,—не подымется:
— Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
— А эдакова чуда не наѣзживалъ,
— Такова дива не видывалъ:
— Маленькая сумочка переметная
— Не скрянется, не сворòхнется, не подымется!—

Слѣзаетъ Святогоръ со добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

Тяги-то земли онъ нашелъ, а Богъ его и попуталъ за похвальбу!..

Вольга и Микула.

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ да переставился.
Оставалося ево да чадо милое,
Молодой Вольга да Святославговичъ.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Похотѣлося Вольгѣ да много мудростей:
Щукой-рыбою ходить ему во синіихъ моряхъ,
Птичкой-соколомъ летать да подъ ȍболоки,
Рыскать волкомъ во чистыхъ поляхъ.
Уходили-то всѣ рыбушки въ глубокія моря,
Улетали-то всѣ птички подъ ȍболоки,
Убѣгали-то всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть...
Ево-то былъ рȍдной дядюшка,
Ласковъ князь Владиміръ стольнекіевской.
Жаловалъ ево тремя горȍдами,
Тремя городȁми все крестьяновскими:
Первый городъ Гурчевецъ,
Дру́гой городъ Орѣховецъ,
Третій городъ Крестьяновецъ.
Молодой Вольга Святославговичъ

Собиралъ себѣ дружинушку хоробрую—
Тридцать молодцовъ да безъ единаго,
Самъ еще Вольга во тридцатыихъ.
Садились на добрыхъ коней поѣхали
По этымъ городамъ да за получкою.
Молодой Вольга да Святославговичъ
Онъ повыѣхалъ въ раздольице въ чисто̀ поле
Со своей дружинушкой хороброю.
А и ѣдутъ по раздольицу чисту̀ полю,
И услышали они тутъ въ поли ра̀тая:
Оретъ въ поли ратай понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ.
Омешики по камешкамъ почиркиваютъ...
Ѣхали они, добры молодцы,
Цѣлой день они съ утра до вечера,
Не наѣхали въ чистомъ поли ратая:
Оретъ въ поли ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омешики по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣхали они, добры молодцы,
Дру̀гой день съ утра до вечера,
И не наѣхали въ чистомъ поли ратая,
Оретъ въ поли ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омешики по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣхали они, добры молодцы,
Третій день съ утра до па̀бѣдья,
И принаѣхали въ чистомъ поли ратая:
Оретъ тутъ ратай, понукиваетъ,
Кобылка у ратая соловая,

Сошка-та у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковыи,
Каменья-коренья вывертываетъ,
А и крупныя онъ ка̀менья всѣ въ борозду валитъ,
Съ краю въ край уѣдетъ—другого не видать.
Говоритъ Вольга таковы слова:
— Богъ тебѣ помочь, ора́таюшко,
— Орать и пахать и крестьяновати,
— И на своей кобылкѣ на соловоей
— Изъ краю въ край бороздки пометывати!
И говоритъ оратай ора́таюшко:
— А поди-тко ты, Вольга да Святославговичъ,
— А и надобна мнѣ Божья помочь орать,
— Орать, и пахать, и крестьяновать
— На своей кобылкѣ на соловоей,
— Съ краю въ край бороздки пометывати.
— А далече-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своей дружиною хороброей?—
Говоритъ Вольга да Святославговичъ:
— Ай же, оратай ора̀таюшко,
— А и ѣду въ города я за получкою:
— Въ первый городъ во Гурчевецъ,
— А во другой городъ Орѣховецъ,
— А и въ третій городъ Крестьяновецъ.—
А говоритъ оратай оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга да Святославговичъ,
— А недавно былъ я въ городѣ, третьёво дни,
— На своей кобылки соловоей,
— А привезъ оттуль я соли два мѣха,

— Соли два мѣха привезъ по сороку пудъ
— На своей кобылки соловоей:
— А живутъ мужички тамъ все мошеннички,—
— Просятъ они грошевъ подорожныихъ,
— А при мнѣ была Шалыга подорожная:
— А у насъ съ Шалыгой съ подорожноей—
— Кой стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
— А кой сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ,
— А кто лежа лежитъ, той и встать невмочь!—
Говоритъ Вольга таковы слова:
— Ай же ты, оратай оратаюшко,
— А поѣдемъ-ка со мною во товарищахъ
— А во тыи города да за получкою!—
Этой оратай оратаюшко
Скоро гужики шелковые повыстегнетъ,
И кобылку изъ сошки повывернетъ.
Садились на добрыхъ коней поѣхали,
Отъѣхали отъ сошки кленовой,
Говоритъ оратай оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга да Святославговичъ,
— Хошь оставилъ я сошку въ бороздочки
— Не для-ради прохожаго проѣзжаго,
— А для-ради мужика да деревенщины.
— Есть у насъ мужикъ да деревенщина,
— Прозывается Шалыга подорожная,
— То онъ сошку съ земельки повыдернетъ,
— А изъ сошки онъ омешики повыколнетъ
— А и броситъ мою сошку за ракитовъ кустъ...
— А пошли-тко ты дружинушку хоробрую,
— Чтобы сошку съ земельки повыдернули,

— Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
— А и бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.—
Молодой Вольга да Святославговичъ
Посылаетъ онъ туда своей дружинушки
И два-три-четыре добрыхъ молодцевъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
А и бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
А идутъ-то туда ево дружинушка
И подходятъ къ сошки кленовоей:
Они сошку за обжи кружкомъ вертятъ,
А и сошки отъ земли поднять нельзя,
И не могутъ они сошки съ земельки повыдернуть,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
А и бросить эту сошку за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга да Святославговичъ
Посылаетъ онъ туда своей дружинушки
А и цѣлыимъ еще десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернуть,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнуть,
А и бросить ту сошку за ракитовъ кустъ.
А идутъ-то туда ево дружинушка,
И подходятъ ко сошки ко кленовоей:
Они сошку за обжи кружкомъ вертятъ,
А и сошки отъ земли поднять нельзя,
И не могутъ они сошки съ земельки повыдернуть,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
А и бросить этой сошки за ракитовъ кустъ.
И молодой Вольга Святославговичъ
И посылаетъ онъ туда свою дружинушку,

А и тридцать молодцовъ и безъ единаво.
Ѣдутъ-то туда ево дружинушка,
И всѣ тридцать молодцовъ да безъ единаво,
И подходятъ они къ сошки кленовоей,
И сошку за обжи кружкомъ вертятъ,
А и сошки отъ земли поднять нельзя,
И не могутъ они сошки съ земельки повыдернуть,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
А и бросить этой сошки за ракитовъ кустъ.
И говоритъ оратай оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга да Святославговичъ,
— А не мудрая дружинушка хорòбрая твоя:
— А не могутъ они сошки съ земельки
повыдернуть,
— Изъ омешиковъ земельку повытряхнуть,
— Бросить этой сошки за ракитовъ кустъ!—
А и этотъ оратай оратаюшко
И онъ подъѣхалъ на кобылки соловоей
И ко этой сошки кленовоей,
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ эту сошку онъ одной рукой,
Бросилъ эту сошку за ракитовъ кустъ.
Садились на добрыхъ коней, поѣхали
А по славному раздольицу чисту полю.
А у ратая кобылка-то въ рысь пошла,
А Вольгинъ-то конь поскакиваетъ,
Онъ поскакиваетъ, да отставается,
Отставается и поспѣть невмочь.

А и сталъ Вольга ему покрикивать,
И колпачикомъ онъ сталъ помахивати:
— Стой-ка, постой, ты ора̀таюшко! —
Становился тутъ оратай оратаюшко,—
Говорилъ Вольга да Святославговичъ:
— Ай же ты, оратай оратаюшко,
— Этая кобылка да конькомъ бы была,
— За этую кобылку пятьсотъ бы дали.—
И говоритъ оратай оратаюшко:
— Глупый ты, Вольга да Святославговичъ!
— Бралъ я кобылку съ-подъ маточки,
— А съ-подъ маточки кобылку бралъ жеребчикомъ,
— И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей.—
Говорилъ Вольга да Святославговичъ:
— Ой же ты, оратай оратаюшко,
— А и какъ же тебя именемъ зовутъ,
— И какъ же взвеличаютъ по отечеству? —
Говоритъ оратай оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославговичъ!
— А я ржи напашу и во скирды́ складу,
— И домой выволочу, и дома выколочу,
— А и драни надеру, да и пива наварю,
— Пива наварю и мужичковъ напою,
— Тогда станутъ мужички меня покликивати:
— „Ты молодой Микулушка Селяниновъ!“

Волхъ Всеславьевичъ.

А и на небѣ просвѣтя́ свѣтёлъ мѣсяцъ:
А въ Кіевѣ родился могучь богàтырь,
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ,—
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно Царство̀ Индѣйское,
А и сине море сколебалося
Для-ради рожденья богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича:
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельничкамъ,
Соболи, куницы по о̀стровамъ.
А и будетъ Волхъ во полтора часа,
Волхъ говоритъ — какъ громъ гремитъ:
— А и гой еси, сударыня матушка,
— Молода Марѳа Всеславьевна!
— А не пеленай во пелену червчатаю,
— А не пояси въ поясья шелковые,—
— Пеленай меня, матушка,

— Въ крѣпки латы булатные,
— А на буйну голову клади златъ шеломъ,
— Во праву руку палицу,
— А тяжку палицу свинцовую,
— А вѣсомъ та палица въ триста пудъ.—
А и будетъ Волхъ семи годовъ,
Отдавала его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Волху въ наукъ пошла;
Посадила его ужъ перомъ писать:
Письмо ему въ наукъ пошло.
А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Втапоры поучился Волхъ премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Другой-то мудрости учился онъ, Волхъ,
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Третьей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога.
А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать,
Дружину прибиралъ въ три годы,
Онъ набралъ дружины семь тысячей,—
Самъ онъ, Волхъ, въ пятнадцать лѣтъ,
И вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Кіеву.
Индѣйскій царь наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочетъ Кіевъ-градъ за щитомъ весь взять,
А Божьи церкви на дымъ спустить

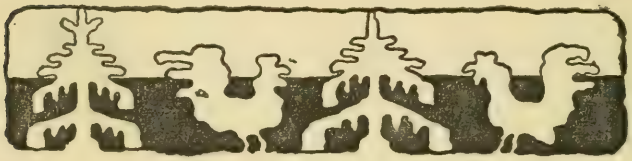
И почестны монастыри разорить.
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Со всею дружиною хороброю
Ко славному Царству Индѣйскому
Тутъ же съ ними во походъ пошелъ.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обѐрнется сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ по лѣсамъ,
А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы любимой кусъ,
Онъ зайцемъ, лисицей не брезгивалъ...
Волхъ поилъ-кормилъ дружину хоробрую,
Обувалъ-одѣвалъ добрыхъ молодцевъ,
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то барсовыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обѐрнется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А и сѣрымъ малымъ уткамъ спуску нѣтъ;
А поилъ-кормилъ дружинушку хоробрую,
А всѣ у него были яства перемѣнныя,
Перемѣнныя яства сахарныя.
А сталъ онъ, Волхъ, ворожбу чинить:
— А и гой еси вы, удалы добры молодцы,
— Не много, не мало васъ — семь тысячей!
— А и есть ли, братцы, у васъ таковъ человѣкъ
— Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
— А сбѣгалъ бы ко Царству Индѣйскому,

— Провѣдалъ бы про Царство Индѣйское,
— Про царя Салтыка Ставрульевича,
— Про его буйну голову Батыевичу?
Какъ бы листъ со травою пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвѣчаютъ ему удалы добры молодцы:
— Нѣту у насъ такого молодца,
— Опричь тебя, Волха Всеславьевича.—
А тутъ таковой Всеславьевичъ
Онъ обернулся гнѣдымъ туромъ-золотые рога,
Побѣжалъ онъ ко Царству Индѣйскому;
Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
А другой скокъ не могли найти;
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ ко Царству Индѣйскому.
И будетъ онъ во Царствѣ Индѣйскомъ,
И сѣлъ на палаты бѣлокаменны,
На тѣ на палаты царскія,
Ко тому царю Индѣйскому,
И на то окошечко косящатое.
А и буйные вѣтры по насту тянутъ:
Царь со царицею въ разговоры говорятъ,
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
— А и гой еси ты, славной Индѣйской царь!
— Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
— Про то не знаешь, не вѣдаешь;
— А на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
— А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
— Тебѣ царю сопротивничекъ.—

А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Сидючи на окошкѣ косящатомъ,
Онъ тѣ-то, де, рѣчи повыслушалъ;
Онъ обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ высокимъ теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ,
У того ружья у огненнаго
Кременья и шомполы повыдергалъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.
Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Звился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хоробрыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ,
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ:
— Гой еси вы, дружина хоробрая!
— Не время спать, пора вставать!
— Пойдемъ мы ко Царству Индѣйскому!
И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной:
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Вороты у города желѣзные,
Крюки-засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы денны-нощны,
Стоитъ подворотня-дорогъ рыбій зубъ,
Мудрены вырѣзы вырѣзаны,
А и только въ вырѣзку мурашу пройти.
И всѣ молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,

Говорятъ таково слово:
— Потерять будетъ головки напрасныя,
— А и какъ намъ будетъ стѣна пройти?—
Молодой Волхъ онъ догадливъ былъ:
Самъ обернулся мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцовъ мурашками;
Прошли они стѣну бѣлокаменну
И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ,
Въ славномъ Царствѣ Индѣйскіимъ.
Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною,
А всѣмъ молодцамъ онъ приказъ отдаетъ
— Гой еси вы, дружина хоробрая!
— Ходите по Царству Индѣйскому.
— Рубите стараго, малаго,
— Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
— Оставьте только вы по выбору,
— Не много не мало — семь тысячей
— Душечки красны дѣвицы.
А и ходитъ его дружина по Царству Индѣйскому
А и рубитъ стараго и малаго,
А и только оставляютъ по выбору
Душечки красны дѣвицы.
А самъ онъ, Волхъ, во полаты пошелъ,
Во тѣ во палаты царскія,
Ко тому царю ко Индѣйскому;
Двери были у палатъ желѣзныя,
Крюки-пробои по булату злачены.
Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичъ;
— Хотя нога изломить, а двери выставить!—

Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
Изломалъ всѣ пробои булатные,
Онъ беретъ царя за бѣлы руки,
А славнаго царя Индѣйскаго
Салтыка Ставрульевича,
Ухватя его ударилъ о кирпищатой полъ,
Разшибъ его въ крохи...
И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну.
А и та-то его дружина хоробрая
А на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася.
А и молодой Волхъ тутъ царемъ насѣлъ,
А то стали люди посадскіе;
Онъ злата-серебра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякого брата по сту тысячей.



Богатыри кіевскіе

Тутъ вѣкъ про Илью старину скажутъ
Синему морю на тишину,
А вамъ, всѣмъ добрымъ людямъ, на послушанье.

Старой козакъ Илья Муромецъ

Илья Муромецъ въ селѣ Корочаровѣ.

Въ славномъ городѣ во Муромлѣ,
Во селѣ было Корочаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ.
Крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На работушку на крестьянскую,
Какъ приходили двѣ калики перехожія
Подъ тое окошечко косящето,
Говорятъ калики таковы слова:
— Ай же ты, Илья Муромецъ,
— Крестьянскій сынъ!
— Отворяй каликамъ ворота широкія,
— Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ.—
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
— Ай же вы, калики перехожія!
— Не могу отворить воротъ широкихъ,
— Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
— Не владаю ни рукамы, ни ногамы.—

Опять говорятъ калики перехожія:
— Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
— Отворяй-ка ворота широкія,
— Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ.—
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія,
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
Приходили калики перехожія,
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвянаго,
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспрогòворятъ калики таковы слова:
— Что чувствуешь въ собѣ, Илья?—
Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
— Слышу въ собѣ силушку великую.—
Говорятъ калики перехожія:
— Будешь ты, Илья, великій богатырь,
— И смерть тобѣ на бою не писана:
— Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
— И со всею паленицею удалою;
— А только не выходи драться
— Съ Святогоромъ богатыремъ:
— Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
— Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
— У него на головѣ семь власовъ архангельскихъ;
— Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:

— Его любитъ матушка-сыра земля;
— Не ходи еще на Вольгу Всеславьича:
— Онъ не силою возьметъ,
— Такъ хитростью-мудростью.
— Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго,
— Выходи въ раздольице чисто поле,
— Покупай перваго жеребчика,
— Станови его въ срубу на три мѣсяца,
— Корми его пшеномъ бѣлояровымъ,
— А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
— Ты по три ночи жеребчика въ саду
поваживай,
— И въ три росы жеребчика выкатывай,
— Подводи его къ тыну къ высокому:
— Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ
перескакивать,
— И въ ту сторону, и въ другую сторону,
— Поѣзжай на немъ, куда хочешь:
— Будетъ носить тебя.
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья ко родителю ко батюшкѣ
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо палъ отъ дубья-колодья:
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,
Въ глубокую рѣку повыгрузилъ,
А самъ и сшелъ домой.
Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна —
испужалися:
— Что это за чудо подѣялось?
— Кто-бы намъ это сработалъ работушку?

Работа-то была подѣлана,
И пошли они домой.
Какъ пришли домой, видятъ:
Илья Муромецъ ходитъ по избы.
Стали его спрашивать,
Какъ онъ выздоровѣлъ.
Илья и разсказалъ имъ,
Какъ приходили калики перехожія
Поили его питьецомъ медвяныимъ:
И съ того онъ сталъ владать рукамы и ногамы
И силушку получилъ великую.

Илья Муромецъ у трехъ дорогъ на распутіи.

Что не бѣлая березынька къ землѣ клонится,
Приклонялся Ильюшка своему батюшкѣ,
Къ государынѣ своей матушкѣ:
— Государь мой батюшка, Иванъ Тимоѳеевичъ,
— Государыня матушка!
— Дайте мнѣ великое благословленьицо,
— Ѣхать въ Кіевъ градъ къ князю Володимеру,
— На поможеніе и на сбереженіе. —
Далечинька, далечинька въ чистомъ полѣ,
Не бѣлыя снѣжечки въ полѣ забѣлѣлися,
Не туманушки затуманилися,

Не былинка въ полѣ зашаталася:
Зашатался въ полѣ старый казакъ,
Забѣлѣлся подъ нимъ старый конь.
Онъ подъѣхалъ ко тремъ ко дороженькамъ,
На самую перекрестычку.
Промежъ было трехъ дороженька,
На самой на перекрестычкѣ,
Лежитъ тутъ бѣлъ горючъ камень,
На камешкѣ есть написано,
Все старому разсказано:
По правой ѣхать—богатому быть,
По лѣвой ѣхать—женатому быть,
А прямо-то ѣхать—убитому быть:
— Ужъ я думаю, старый, подумаю,
— Со своимъ конемъ добрыимъ:
— Мнѣ богатство-то старому не прочное,
— А жениться-то не къ лицу.
— Поѣду я по прямой дороженькѣ:
— Убить-то меня не про што,
— А взять-то съ меня нечево;
— Одинъ смуръ кафтанъ на мнѣ во сто рублей;
— Кушачокъ, колпачокъ во тысячу;
— А стрѣлъ колчанъ во двѣ тысячи;
— А коню съ сѣдломъ и цѣны нѣту. —

И поѣхалъ доброй молодецъ
На Черниговъ градъ, на лѣса на Брынскіе,
Черезъ горы Сіонскія,
Черезъ тѣ грязи черныя,

На тое рѣку Смородину.
Подъѣзжаетъ же доброй молодецъ
Къ городу Чернигову.
Выходили тутъ татары черные,
Хотятъ молодца убить - погубить,
Тѣло бѣло съ душой разлучить.
Снималъ онъ съ себя тугой лукъ,
Накладывалъ тѣ стрѣлы позлоченыя
На тетивочку на шелковую,
Побивалъ онъ всѣхъ татаръ черныихъ
Съ перваго до послѣдняго.
Поѣхалъ же доброй молодецъ
Въ лѣса Брынскіе,
Въ горы Сіонскія.
Инъ на встрѣчу добру молодцу камышнички,
По русскому назвать — воры - разбойнички.
Хотятъ они молодца убить - погубить,
Тѣло бѣло съ душой разлучить.
Возговоритъ доброй молодецъ, Илья Муромецъ:
— Ой вы гой еси добры молодцы, камышнички,
— По русски назвать — воры - разбойнички!
— Убить - то меня вамъ не про што,
— А взять - то нечево;
— Одинъ смуръ кафтанъ во сто рублей;
— Кушачокъ, колпачекъ во тысячу;
— А стрѣлъ колчанъ во двѣ тысячи;
— А коню съ сѣдломъ и смѣты нѣтъ.
— Охъ вы гой еси, камышнички,
— По русски — воры - разбойнички!
— Дайте вы мнѣ старому исправиться:

— Будете старому и кланяться. —
Онъ снималъ съ себя тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу
На тоё тетивочку шелковую:
— Ой вы гой еси, добры молодцы!
— Въ васъ стрѣлять иль въ сырой дубъ? —
Онъ стрѣльнулъ въ сыръ матеръ дубъ,
Разшибалъ сыръ матерой дубъ
По мелкимъ ножовымъ череньямъ.
Всѣ камышнички перепугалися
И упали на сыру землю ницъ лицомъ.
Возговоритъ доброй молодецъ:
— Охъ вы гой еси, добры молодцы, камышнички!
— Полноте лежать на сырой землѣ,
— Полноте спать—высыпатися:
— По дорогѣ много прошли конныхъ и пѣшихъ,
— У себя вы много добраго упустили. —
Встали добрые молодцы
На свои рѣзвые ноженьки,
И пали ему въ рѣзвы ноги:
— Ты гой еси, добръ удалый молодецъ!
— Поди ты къ намъ во товарищи,
— И будь ты у насъ атаманушкой! —
Возговоритъ доброй молодецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
— Не хочу я съ вами стада пасти,
— А ѣду въ Кіевъ градъ,
— Къ Володимеру князю на вспоможеніе,
— На его сбереженіе. —

———

Илья Муромецъ подъ Черниговомъ.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
— Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка,
— Дай ты мнѣ свое благословеньицо,
— Я поѣду въ славной, стольной Кіевъ градъ,
— Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
— Заложиться за князя Володиміра,
— Послужить ему вѣрой-правдою,
— Постоять за вѣру хрисьянскую.
Отвѣчатъ старой хресьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
— Я на добрыя дѣла тебѣ благословленье дамъ,
— А на худыя дѣла благословленья нѣтъ.
— Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
— Не помысли зломъ на Татарина,
— Не убей въ чистомъ полѣ хресьянина.—
Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ онъ во чисто поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиватъ кожу до черна мяса;
Ретивой ево конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячево,
Чуть пониже облака ходячево,
Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ — колодезь сталъ;

У колодезя срубилъ сырой дубъ,
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко:
— Ѣхалъ такой-то сильной, могучой богатырь,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ;
Въ третій скочилъ — подъ Черниговъ градъ.
Подъ Черниговымъ стоитъ сила — смѣты нѣтъ;
Подъ Черниговымъ стоятъ три царевича,
Съ кажнымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце неуемчиво;
Пуще огня-огничка сердце разгорается,—
Тутъ возговоритъ Илья Муромецъ таково слово:
— Не хотѣлось-было-батюшку супротивникомъ быть,
— Еще, знать-та, ево заповѣдь переступить. —
Беретъ онъ въ руки саблю боевую,
Учалъ по силушкѣ погуливать:
Гдѣ повернется, дѣлалъ улицы,
Поворотится — часты площади;
Добивается до трехъ царевичевъ.
Тутъ возговоритъ Илья таково слово:
— Охъ вы гой есте, мои три царевича!
— Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
— Ай съ васъ буйны головы снять?
— Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять,—
— У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завозныи;
— А какъ головы снять, — царски сѣмены погубить.
— Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
— Вы чините вездѣ такову славу,

— Что святая Русь не пуста стоитъ,
— На святой Руси есть сильны, могучи богатыри.—
Увидалъ ево воевода Черниговской:
— Что это Господь сослалъ намъ за посланника, —
— Очистилъ нашъ славной Черниговъ градъ!
Возговоритъ воевода князьямъ-боярамъ:
— Подите, позовите добра молодца
— Ко мнѣ хлѣба-соли кушати.—
Пошли тутъ князи-бо̀яра къ Муромцу:
— Охъ ты гой еси дородной, доброй молодецъ!
— Какъ тебя честнымъ именемъ зовутъ,
— Какъ тебя величаютъ по отечеству?—
— Меня именемъ зовутъ — Илейкой,
— А величаютъ — сынъ Ивановичъ.
Возговорятъ ему князи-бояра:
— Охъ ты гой еси Илья Муромецъ!
— Ты пойдешь-ка къ воеводѣ нашему,
— Ты изволь у нево хлѣба-соли кушати.—
— Нейду я къ воеводѣ вашему,
— Не хочу у нево хлѣба-соли кушати;
— Укажите мнѣ прямую дороженьку
— На славной стольной Кіевъ градъ.
Отвѣтъ держутъ князи-бояра:
— Охъ ты гой еси Илья Муромецъ!
— Пряма дороженька не проста стоитъ:
— Заросла дорога лѣсы Брынскими,
— Протекла тутъ рѣка Самородина;
— Еще на дорогѣ Соловейко разбойничекъ
— Сидитъ на тридевяти дубахъ, сидитъ тридцать лѣтъ:

— Ни конному, ни пѣшему пропуску нѣтъ.—
Поклонился имъ Илья Муромецъ,
Поѣхалъ онъ лѣсами Брынскими.

—

Какъ изъ славнаго города Мурома,
Изъ того села Корочарова,
Какъ была-де поѣздка богатырская,—
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ
Ко стольному городу ко Кіеву,
Онъ тою дорогою прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Чрезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ черныя грязи Смоленскія;
И залегъ ее, дорогу, Соловей разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.
А и только его Илью видѣли—
Прощался съ отцемъ, съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія.
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ—
А и конь подъ Ильею разсержается,
Онъ прочь отъ земли отдѣляется,
Скачетъ выше лѣсу онъ стоячаго,

Чуть пониже облака ходячаго,
Онъ первый скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другого ускока не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ во Брынскихъ,
Наѣзжалъ Илья — на девяти дубахъ—
Наѣзжалъ онъ, Илья, на Соловья разбойника.
И заслышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному.
А втретьи зрявкаетъ по звѣриному.
Подъ Ильею конь окорачился,
И падалъ вѣдь на ку́корачь.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— Ахъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
— Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
— Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
— Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
— Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
— А того ли ты крику звѣринаго,
— А звѣринаго крику туринаго!—
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья разбойника;
И попалъ Соловью да въ правый глазъ,
Полетѣлъ Соловей со сыра дуба

Комомъ ко сырой земли.
Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко сѣдельныя,
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
И завидѣла-де его молода жена,
Она хитрая была и мудрая,
И взбѣгала она на чердаки на вышніе—
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
Какъ было около двора желѣзной тынъ,
А на всякой тынинкѣ по маковкѣ,
И по той головѣ богатырскія.
Наводила трубками нѣмецкими
Его Соловьева молодая жена,
И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака во свои высокіе терема,
И будила она девять сыновей своихъ:
— А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
— А девять сыновъ, ясны соколы!
— Вы подите въ подвалы глубокіе,
— Берите мои золотые ключи,
— Отмыкайте мои вы оковàнны ларцы,
— А берите вы мою золоту казну,
— Выносите ее на широкой дворъ,
— А встрѣчайте удала добраго молодца;
— А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
— Отца-то вашего въ торокахъ везетъ.—
А и тутъ ея девять сыновъ закорилися,
И не берутъ у нея золотые ключи,

Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами,
Со тѣми носы желѣзными,
Они хочутъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому,
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
— Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
— Бери ты у насъ золотой казны, сколько надобно,
— Отпусти Соловья разбойника,
— Не вози Соловья во Кіевъ градъ.—
А его-то дѣти, Соловьевы,
Неучливо они поговариваютъ.
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго:
И стегалъ Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ,
Какъ бы конь подъ нимъ осержается,
Добрый конь его, какъ соколъ, летитъ.
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго.
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Походилъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,

На всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владиміра,
У него князя почестной пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
И поднесли ему Ильѣ чару зелена вина въ
полтора ведра:
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говоритъ ему ласковой Владиміръ князь:
— Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ,
— А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
— По изотчеству пожаловати? —
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— А ты ласковой, стольной Владиміръ князь!
— А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
— И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
— Изъ стольнаго города изъ Мурома,
— Изъ того села Корочарова.—
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
— А ласково солнце, Владиміръ князь!
— Въ очахъ дѣтина завирается:
— И гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?
— Залегла та дорога тридцать лѣтъ,
— Отъ того Соловья разбойника.—
Говоритъ Илья Муромецъ:
— Гой еси ты, сударь, Владиміръ князь,
— Посмотри мою удачу богатырскую,
— Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ
тебѣ.—

И втапоры Илья Муромецъ
Пошелъ съ великимъ княземъ на широкой дворъ,
Смотрѣть его удачи богатырскія,
Выходили туто князи-бояра,
Всѣ русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичъ,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичъ,
Святогоръ богатырь, и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залѣшана,
А еще два брата Хапиловы,
Только было у князя ихъ тридцать молодцовъ.
Выходилъ Илья на широкой дворъ,
Ко тому Соловью разбойнику,
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
— Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ!
— Посвисти, Соловей, по соловьиному,
— Пошипи, змѣй, по змѣиному,
— Зрявкай, звѣрь, по туриному,
— И потѣшь князя Владиміра.—
Засвисталъ Соловей по соловьиному:
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по змѣиному,
Онъ втретье зрявкаетъ по туриному...
А князи и бояра испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе.
И накурилъ онъ бѣды несносныя, —
Гостины кони со двора разбѣжалися,
И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,

Со душой княгиней Апраксѣевной.
Говоритъ тутъ ласковой Владиміръ князь:
— А ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
— Уйми ты Соловья разбойника:
— А и эта шутка намъ не надобна.—

Илья Муромецъ и Идолище поганое.

Пріѣзжалъ Идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
Со грозою со страхомъ со великіимъ,
Ко тому ко князю ко Владиміру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю ко Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.
Приходилъ посланникъ ко Владиміру
И говорилъ посланникъ таковы слова:
— Ты, Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
— Поединщика и супротивничка
— Съ силушкой великою,
— Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ поправиться.—
Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
— Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:

— На бою мнѣ-ка смерть не написана,
— Поѣду я въ раздольице чисто поле
— И убью-то я Идолища поганаго.—
Обулъ Илья лапотики шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли греческой
И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатнія
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя.
Идетъ-то дорожкой — пораздумался:
— Хошь иду-то я къ Идолищу поганому,
— Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не времячко,
— И съ чимъ мнѣ съ Идолищемъ будетъ
поправиться? —
На тую пору на то времячко
Идетъ ему въ встрѣчу каличище Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюху девяноста пудъ.
Говоритъ ему Илья таковы слова:
— Ай же ты, каличище Иванище!
— Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,—
— Сходить мнѣ къ Идолищу къ поганому.—
Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырскоей.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
— Ай же ты, каличище Иванище!
— Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
— Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,—
— Я тобя убью, мнѣ клюха и достанется.—
Разсердился каличище Иванище,

Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище, — завòрыдалъ.
Илья Муромецъ едва досталъ клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
Ко этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
Говорилъ ему Идолище поганое:
— Ай же ты, калика перехожая!
— Какъ великъ у васъ богатырь, Илья Муромецъ?—
Говоритъ ему Илья таковы слова:
— Толь великъ Илья, какъ и я.—
Говоритъ ему Идолище поганое:
— По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
— По многу ли Илья вашъ пива пьетъ?—
Говоритъ Илья таковы слова:
— По стольку ѣстъ Илья, какъ и я,
— По стольку пьетъ Илья, какъ и я.—
Говоритъ ему Идолище поганое:
— Экой вашъ богатырь Илья:
— Я вотъ по семи ведръ пива пью,
— По семи пудъ хлѣба кушаю.—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
— У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
— У его была корова ѣдучая:
— Она много пила-ѣла и лопнула.—
Это Идолищу не слюбилося:

Схватилъ свое кинжалище булатное
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько.
Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,
Пролетѣлъ онъ на евонную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схатилъ съ головушки шляпку земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.
Тутъ ему Идолищу славу поютъ.

Илья и Калинъ Царь.

Что у ласкова князя Владиміра
Заводился пиръ на веселѣ;
Собирались князья, бояры,
Сильные могучіе богатыри
И вся поленица удалая.
Заводился пиръ въ полупирѣ,
Сахарныя кушанья въ полукушаньѣ,
Питья медвяныя въ полупитьѣ.
Стали бояры наѣдатися,
Стали бояры напиватися,
Стали бояры призахвастываться:
Кто хвастаетъ чистымъ се́ребромъ,

Кто хвастаетъ краснымъ золотомъ,
Кто хвастаетъ скатнымъ жемчугомъ,
Кто хвастаетъ золотой казной.
Какъ возговоритъ Владиміръ князь:
— Полно вамъ, бояры, хвастати:
— Стану я вамъ дарити, жаловать,
— Кого буду дарить чистымъ сéребромъ,
— Кого буду дарить краснымъ золотомъ,
— Кого жаловать скатнымъ жемчугомъ.—
Тутъ стала бы княгиня говорить:
— Ты гой еси, батюшка, Владиміръ князь!
— Всѣхъ ударйлъ ты, всѣхъ ужаловалъ:
— Одного только удалаго добраго молодца
— Не дарилъ ты, не ужаловалъ,
— Что по имени-то Илью Муромца.—
— Ты гой еси, княгиня, неразумная!
— Подарю я удала добра молодца
— Тѣми дарами, которы мнѣ пришли
— Отъ Татарина, отъ Бусурманова:
— Подарю я его тою шубой соболиною. —
Беретъ Илья Муромецъ шубу за одинъ рукавъ,
И бьетъ шубу о кирпищатъ полъ,
А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
— Велитъ-то мнѣ Богъ шубу бить
— О кирпищатъ полъ:
— Велитъ ли мнѣ Богъ бивать
— Татарина Бусурманова? —
Тутъ князья и бояры подмолвились:
— Гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
— Всѣмъ-то намъ твои дары по любви пришли,

— Одному-то удалому молодцу
— Дары тѣ не по любви пришли,
— Что по имени-то Ильѣ Муромцу:
— Беретъ онъ шубу за одинъ рукавъ
— И бьетъ о кирпищатъ полъ,
— А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
— „Велѣлъ Богъ бивать шубу о кирпищатъ полъ“...
— Взять было удалаго добра молодца,
— Что по имени-то Илью Муромца,
— Повести было его на горы высокія,
— Бросить его въ погреба глубокіе,
— Задернуть рѣшетками желѣзными,
— Завалить чащей, хрящомъ-камнемъ! —
Взяли тутъ удалова молодца
Скурлаты немилостивые,
Повели на горы на высокія,
Бросили въ погреба глубокіе,
Задернули рѣшетками желѣзными,
Завалили чащей, хрящомъ-камнемъ.
Княгиня была сдогадлива:
Копала подкопы подъ тѣ пóгребы,
Поила и кормила доброва молодца,
Что по имени Илью Муромца,
Поила, кормила ровно три годы.
Черезъ три годы накатилась сила невѣрная,
Что того было Калины царя,
Обстала престольный Кіевъ градъ
Вокругъ на шестьдесятъ верстъ.
Тутъ-то Владиміръ князь

Весьма закручинился, запечалился;
Повѣсилъ онъ буйну голову на праву сторону,
Потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ.
Тутъ ему княгиня подмолвилась:
— Что ты, батюшко, Владиміръ князь,
— Закручинился, запечалился,
— Повѣсилъ буйну голову на праву сторону,
— Потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ? —
— Ты гой еси, княгиня, неразумная!
— Накатилась на насъ сила невѣрная!
— Того было царя Калины,
— Обстала престольный Кіевъ градъ
— Вокругъ на шестьдесятъ верстъ:
— А нѣтъ у насъ стоятеля,
— Нѣтъ у насъ оберегателя,
— Удалова добра молодца, Ильи Муромца! —
Говоритъ тутъ княгиня князю Владиміру:
— Ты гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
— Ты вскричи своимъ вѣрнымъ слугамъ,
— Скурлатамъ немилостивымъ,
— Чтобы сходили они на горы на высокія,
— Развалили чащи, хрящи-камни,
— И отворили рѣшотки желѣзныя,
— Посмотрѣли бы удалова добра молодца,
— Что по имени-то Илью Муромца:
— Не живъ ли онъ? —
Отвѣчаетъ ей Владиміръ князь:
— Ты гой еси, княгиня, неразумная!
— Сними-ко ты буйную голову,—
— Приростетъ ли она къ плечамъ?

— Такъ будетъ ли живъ черезъ три годы
— Удалый добрый молодецъ,
— Что по имени Илья Муромецъ? —
Говоритъ княгиня князю Владиміру:
— Посылай только, онъ живъ сидитъ.—
Выходилъ князь Владиміръ на красно́ крыльцо.
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ
Слугамъ вѣрныимъ, неизмѣнныимъ:
— Вы гой еси, слуги вѣрные!
— Вы подите-ко на горы на высокія,
— Развалите чащи, хрящи-камни,
— Раздерните рѣшотки желѣзныя:
— Посмотрите, живъ аль нѣтъ Илья Муромецъ? —
Пошли слуги на горы на высокія,
Развалили чащи, хрящи-камни,
Отворяли рѣшотки желѣзныя,
Закричали зычнымъ голосомъ:
— Ты гой еси, удалый добрый молодецъ,
— Живъ ли ты, или нѣту-ка? —
Далъ имъ голосъ Илья Муромецъ.
Спускали тутъ къ нему лѣстницы,
Въ погреба-то глубокіе:
Выходилъ на Божій свѣтъ Илья Муромецъ.
Отвели его слуги къ князю Владиміру.
Говоритъ тутъ ему Илья Муромецъ:
— Ты, гой еси, батюшко, великій князь!
— Нѣтъ у меня коня добраго
— И всей сбруи богатырскія. —
Тутъ Владиміръ князь конюхамъ приказывалъ
Привести коня богатырскаго,

Принести палицу боёвую,
Саблю вострую, копье бурзомецкое.
Сѣдлалъ Илья Муромецъ коня доброва,
Надѣвалъ на себя всю сбрую богатырскую,
Садился въ сѣделечко Черкасское,
Побѣжалъ онъ въ силу невѣрную,
Бѣгалъ по силѣ день до вечера,
Темную ночь до бѣлà свѣтà;
Второй день бѣгалъ до вечера,
Вторую ночь до бѣлá свѣтá;
Третій день бѣгалъ до вечера,
И третью ночь до бѣлá свѣтá;
Порѣшилъ онъ тогда силу невѣрную.
Прибѣжалъ домой и спалъ трои сутки.

Богатыри на заставѣ.

(Объ Ильѣ Муромцѣ и Сокольничкѣ-охотничкѣ).

Отъ славнаго отъ города отъ Кіева
За три версты за мѣрныя
Стояла застава великая:
Во первыхъ стоялъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Во вторыхъ Добрынюшка Никитиничъ,
Во третьихъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Да стояло семь братцевъ Грядовичевъ,
Ребята-то были мòлодые,
Стоялъ Ѳома Долгополый,

Стояли-то мужики Залѣшане.
Мимо эту заставу крѣпкую
Проѣзжаетъ удалый дородній добрый молодецъ:
Сидитъ на конѣ молодецъ во двѣнадцать лѣтъ;
Подъ нимъ конь какъ лютый звѣрь,
Изъ ноздрей-то искры сыплются,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ стоитъ;
Молодецъ на конѣ сидитъ, какъ соколъ летитъ.
Проѣзжаетъ-то заставу крѣпкую,
На заставы не приворачиваетъ,
Ихъ-то молодцевъ ничѣмъ зоветъ,
На Владиміра князя посмѣхъ ведетъ;
Проѣзжалъ заставу крѣпкую.
Выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Кого мнѣ послать за богáтыремъ?
— Послать мужиковъ Залѣшаньевъ:
— Мужики Залѣшане — бѣда дремать,
— Продремлютъ богатыря во чистомъ полѣ;
— Послать Ѳому Долгополаго:
— Ѳома Долгополый — бѣда зѣвать,
— Прозѣваетъ богатыря въ чистомъ полѣ;
— Послать семь братьевъ Грядовичевъ:
— Ребята-то были молòдые,
— Ни за что ихъ головушка въ чистомъ полѣ;
— Послать Алешку Поповича:
— Алеша Поповичъ зарывчатъ былъ,
— Изорветъ силу до богатыря;
— Послать Добрыню Никитича! —
И послалъ Добрыню Никитича.

Скоро Добрыня коня сѣдлалъ,
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ ко батюшку синю морю,
Ко матушкѣ Сахатарь-рѣкѣ.
И наѣхалъ его у синя моря:
Ѣздитъ по тихіимъ заводямъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернасту утушку.
Закричалъ Добрыня во всю голову:
— Что-же ты, Сокольничекъ-охотничекъ,
— На нашу заставу не приворачиваешь? —
Закричалъ Сокольничекъ-охотничекъ:
— Не за мной бы тебѣ ѣздить во чисто поле:
— Пора бы ти въ деревнѣ сидѣть, свиней пасти. —
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася,
У него конь на колѣнки палъ.
И упадалъ Добрыня съ добра коня
На сыру землю въ ковыль траву:
Лежалъ три часа за мертво,
Просыпается будто отъ крѣпка сна.
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ къ заставы крѣпкія,
И выходилъ въ стрѣту Илья Муромецъ:
— Пособилъ ли ти Богъ побить богатыря? —
Соходилъ Добрыня съ добра коня,
Бьетъ челомъ — поклоняется:
— Я наѣхалъ у батюшка синя моря:
— Ѣздитъ богатырь по тихіимъ заводямъ,
— Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернастыхъ утушекъ

— Какъ закричитъ во всю голову:
— Отъ его ли крику богатырскаго
— Тихая заводь сколыбалася,
— Съ пескомъ вода помутилася,
— У меня конь на колѣнки палъ.
— И упадалъ я со добра коня
— На сыру землю въ ковыль траву,
— Лежалъ цѣло три часа за мертво,
— Проснулся будто отъ крѣпка сна,
— Скоро садился на добра коня
— И поѣхалъ къ заставы крѣпкія. —
Говоритъ старый таковы слова:
— Не кѣмъ мнѣ замѣнитися,
— Замѣнитися своей старой, буйной головой! —
Скоро сѣдлалъ добра коня,
Затягивалъ двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Двѣнадцать пряжекъ золота краснаго,
Двѣнадцать шпенечковъ булатніихъ,
Скоро садился на добра коня,
Поѣхалъ ко батюшку синю морю:
Только видѣли стараго сядучись,
А не видѣли стараго поѣдучись,
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
И наѣхалъ богатыря у синя моря:
Ѣздитъ по тихимъ по заводямъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернастыхъ утушекъ.
Закричалъ старый во всю голову:
— Что-же ты, Сокольничекъ-охотничекъ,
— На нашу заставу не приворачиваешь? —

Отъ его ли крику богатырскаго,
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася.
Закричалъ Сокольничекъ - охотничекъ:
— Ахъ ты, старый, сѣдатый песъ!
— Не за мной бы ти ѣздить по чисту полю:
— Пора - бы ти въ деревнѣ сидѣть, свиней пасти. —
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася,
У Ильи конь на колѣнки палъ.
Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ:
— Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья драпь!
— Не слыхалъ ты гарканья вороньяго? —
Разъѣхалися на копья востры:
У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
На черенья копья разсыпалися;
Разъѣхалися на палицы боёвыя:
У нихъ палицы въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ палицы отломилися;
Разъѣхалися на сабли востры:
У нихъ сабли въ рукахъ погибалися,
Повыщербѣли на латы кольчужныя.
Скоро они соходили со добрыхъ коней,
Захватилися они во ухваточку,
Стали они боротися, ломатися.
Отмахнулась у Ильи ручка правая,
Подвернулась ножка лѣвая,
Упадалъ Илья на сыру землю.
Садился Сокольничекъ на бѣлы груди,

Вынималъ ножище - кинжалище
И сталъ смѣяться - ругатися:
— Пора ти, старому, въ монастырь итти,
— Постричься во старцы, въ игумены:
— А ежели нѣтъ безсчетной золотой казны,
— Я тебѣ далъ бы до̀-люби. —
Разъярилось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь молодецкая:
Какъ ударилъ онъ Сокольника въ черны груди,
И вышибъ его выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго, —
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой какъ пивной котелъ.
Онъ скоро ускочилъ на добра коня
И поѣхалъ въ свою орду къ своей матери,
Ко матушкѣ бабѣ Латымиркѣ.
Ѣдетъ на конѣ, шатается,
Подъ нимъ добрый конь потыкается.
И встрѣчала его баба Латымирка:
— Что - же ты, дитя мое милое,
— Ѣдешь на конѣ—шатаешься,
— Подъ тобой добрый конь потыкается?
— Напился ты зелена вина? —
Говорилъ Сокольничекъ - охотничекъ:
— Ай же ты, родная матушка!
— Наѣхалъ я стараго - то во чистомъ полѣ:
— Мы много съ нимъ боролися
— И много съ нимъ ломалися;
— Я уронилъ его на сыру землю,
— Садился ему на бѣлы груди,

— Не разстегивалъ пуговку вальявочну
— Вынималъ ножище - кинжалище,
— Сталъ надъ нимъ смѣяться - ругатися;
— Онъ ударилъ меня во бѣлы груди
— Вышибъ выше лѣсу стоячаго,
— Выше облака ходячаго;
— Тутъ я скоро скочилъ на добра коня
— И поѣхалъ въ свою орду, къ тебѣ, матушкѣ. —
Говорила баба Латымирка:
— Тутъ не старый сѣдатый песъ,
— А тутъ ѣздитъ старый казакъ Илья Муромецъ. —
— Спасибо, матушка, баба Латымирка,
— Сказала про батюшка Илью Муромца!
— Поѣду — распорю ему груди бѣлыя,
— Выну сердце со печенью:
— Онъ теперича спитъ во бѣломъ шатрѣ. —
Пріѣзжаетъ ко тому бѣлу шатру,
Скоро соходитъ съ добра коня.
Зашелъ въ шатеръ бѣлополотняный:
Онъ спитъ, старый, храпитъ,
Какъ телѣга ордынская гремитъ.
И садился Сокольникъ на бѣлы груди,
Вынималъ ножище - кинжалище
И ударилъ его въ бѣлы груди:
Не сдержали латы кольчужныя,
Не сдержало цвѣтно платьице,
Сдержалъ чуденъ крестъ,
Вѣсомъ крестъ во три пуда, —
Отъ креста ножище погибается.
Пробуждается старый отъ крѣпка сна

И видитъ: сидитъ Сокольникъ на бѣлыхъ грудяхъ.
Ударилъ Сокольника въ бѣлы груди
И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго:
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ...

Илья Муромецъ со княземъ Владиміромъ ссорится.

Сдѣлалъ князь Владиміръ почестенъ пиръ
На князей, на бояръ, на русскіихъ богатырей
И на всю паленицу удалую,
А забылъ позвать стараго казака Илью Муромца.
Тутъ Ильюшенькѣ стало зарко:
Скоро онъ натянулъ тугій лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по маковкамъ золоченыимъ.
Вскричалъ-то Илья во всю голову,
Во всю голову зычнымъ голосомъ:
— Ахъ вы, голь кабацкая, доброхоты царскіе:
— Ступайте пить со мной за одно зелена вина,
— Обирать-то маковки золоченыя! —
Тутъ-то пьяницы, голь кабацкая,
Бѣжатъ, прискакиваютъ, радуются:
— Ахъ ты, отецъ нашъ, родный батюшка! —
Пошли обирать о царевъ кабакъ,

Продаваютъ маковки золоченыя,
Берутъ золоту казну безсчетную
И начали пить зелена вина.
Видитъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій,
Что пришла бѣда неминучая,
Сдѣлалъ другожды почестенъ пиръ
Для того для стараго казака Ильи Муромца.
Тутъ они думу думаютъ,
Кого послать Илью позвать,
Стараго казака Илью Муромца.
Тутъ-то они думу думали,
Послали-то Добрыню Никитича:
Они были братьица крестовые,
У нихъ крестамы побраталось,
Кладена была заповѣдь великая.
Подписи были подписаны, —
Слухать большему брату меньшаго,
А меньшему брату большаго.
Приходитъ Добрыня Никитиничъ:
— Ай же, братецъ крестовый, названый,
— Старый казакъ Илья Муромецъ!
— У насъ кладена заповѣдь великая,
— У насъ подписи были подписаны, —
— Слухать большему брату меньшаго,
— А меньшему брату большаго,
— А дружка за дружку обѣимъ стоять. —
Тутъ Ильюша воспроговоритъ:
— Ай же, братецъ крестовый, названый,
— Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
— Кабы не ты, никого бы не послухалъ,

— Не пошелъ бы на почестенъ пиръ,
— А нельзя законъ переступить. —
Тутъ оны сокручилися,
Тутъ оны снаряжалися,
Пришли тутъ ко князю ко Владиміру
Во тую во гридню во столовую.
Тутъ даваютъ Ильѣ мѣсто не меньшее,
Даваютъ Ильѣ мѣсто большое,
Сажаютъ молодца въ большо̀-уголъ,
Да несли они чару зелена вина,
Другу налили ему меду пьянаго.
Говоритъ Илья таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Зналъ кого послать меня позвать!
— Кабы не братецъ крестовый, названый,
— Никого я не послухалъ бы.
— А нонѣ тебя Богъ проститъ
— За этую за вину за великую! —

Илья Муромецъ и станичники.

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывалое,
Про стараго казачка, Илью Муромца.

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
По чистому полю поѣхалъ погуливать.
Не пыль то въ полѣ запылилася,
Не туманъ то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистыимъ полѣ забѣлѣлися:
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
А затуманился подъ нимъ доброй конь,
А запылилася за емъ сила добрая.
И подъѣзжаетъ онъ къ тремъ дороженькамъ,
Къ тремъ дороженькамъ, къ тремъ широкіимъ.
На дороженькѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень,
На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано:
„По которой мнѣ дороженькѣ итти-ѣхати:
„Во право мнѣ ѣхать — женатому быть,
„А во лѣво ѣхать — богатому быть,
„А прямо ѣхать — убитому быть“.
— Мнѣ женатство-то — не ко младости,
— А богатство — не къ разуму.
— Дай поѣду, поѣду по этой по дороженькѣ,
— По которой мнѣ убитому быть. —
И повстрѣчалися ему станишнички:
— Ужъ и ой еси вы, станишнички,
— А по русскому васъ назвать, разбойнички! —
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
— Вамъ убить-то мне не за что,
— А взять-то вамъ съ меня нечего:
— Камзолецъ на мнѣ во пятьсотъ рублей,

— А колпачекъ на мнѣ во всю тысячу,
— А коня-то на базаръ я не вываживалъ,
— Цѣнъ-то ему не прикладывалъ. —
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Сталъ постряхивать
И свой тугой лукъ сталъ натягивать,
И пущаетъ свою кленову стрѣлу,
И пущаетъ во сыръ во матерый дубъ,
И ращипъ дубъ во ножевы черенья.
Станишники испужалися,
И всѣ врозь разбѣжалися,
Въ третьи суточки на то мѣсто собиралися:
— Ужъ и ой еси, старой козакъ,
— Старой козакъ, Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
— Возьми къ себѣ насъ во товарищи,
— Во Донскіе во казаченки! —

Илья Муромецъ на Соколѣ-кораблѣ.

По морю, морю синему,
По синему, по Хвалунскому,
Ходилъ-гулялъ Соколъ-корабль
Немного-немало — двѣнадцать лѣтъ.
На якоряхъ Соколъ-корабль не стаивалъ,
Ко крутымъ берегамъ не приваливалъ,

Желтыхъ песковъ не хватывалъ.
Хорошо Соколъ-корабль изукрашенъ былъ:
Носъ, корма — по звѣриному,
А бока зведены по змѣиному.
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще вмѣсто очей было вставлено
Два камня, два яхонта;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще вмѣсто бровей было повѣшено
Два соболя, два борзые;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще вмѣсто очей было повѣшено
Двѣ куницы мамурскія;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три церкви соборныя;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три монастыря, три почестные;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Три торговища нѣмецкія;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Трои люди незнаемые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собою языка не вѣдали.
Хозяинъ-отъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановъ,
Его вѣрный слуга — Добрынюшка,
Добрынюшка Никитинъ сынъ,
Пятьсотъ гребцовъ, удалыхъ молодцовъ.

Какъ издалече-далѐче, изъ чистà поля
Зазрилъ, засмотрѣлъ Турецкой панъ,
Турецкой панъ, большой Салтанъ,
Большой Салтанъ Салтановичъ.
Онъ самъ говоритъ таково слово:
— Ахъ вы, гой еси, ребята, добры молодцы,
— Добры молодцы, донскіе казаки!
— Что у васъ на синемъ морѣ дѣется,
— Что чернѣется, что бѣлѣется? —
— Чернѣется Соколъ-корабль,
— Бѣлѣются тонки парусы. —
— Вы бѣжите-ко, ребята, ко синю морю,
— Вы садитесь, ребята, во легки струги,
— Нагребайте поскорѣе на Соколъ-корабль,
— Илью Муромца въ полонъ бери;
— Добрынюшку подъ мечъ бери;
— Добрынюшку подъ мечъ клони! —
Таки слова заслушалъ Илья Муромецъ,
Тако слово Добрынѣ выговаривалъ:
— Ты, Добрынюшка Никитинъ сынъ,
— Скоро-борзо походи во Соколъ-корабль,
— Скоро-борзо выноси мой тугой лукъ,
— Мой тугой лукъ въ двѣнадцать пудъ,
— Калену стрѣлу въ косу сажень! —
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Свой тугой лукъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ,
Ко стрѣлочкѣ приговариваетъ:
— Полети, моя каленая стрѣла,
— Выше лѣсу, выше лѣсу по поднебесью,

— Не пади, моя каленая стрѣла,
— Не на воду, не на землю,
— А пади, моя каленая стрѣла,
— Въ турецкой градъ, въ зеленъ садъ,
— Въ зеленый садъ, въ бѣлъ шатеръ
— Во бѣлъ шатеръ, за золотъ столъ,
— За золотъ столъ, на ременчатъ стулъ,
— Самому Салтану на бѣлу грудь,
— Распори ему турецкую грудь,
— Расщиби ему ретиво сердце! —
Ахъ, тутъ Салтанъ покаялся:
— Не подай, Боже, водиться съ Ильей Муромцемъ,
— Не дѣтямъ нашимъ, не внучатамъ,
— Не внучатамъ, не правнучатамъ,
— Не правнучатамъ, не пращурятамъ! —

Смерть Ильи Муромца.

И тутъ садился старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
И пріѣзжалъ ко латырю-каменю,
На камешкѣ подпись поднавливалъ:
— Старому казаку Ильѣ Муромцу.
— На бою старику смерть не писана:
— И та была дорожка прочищена
— Отъ стольнаго отъ города отъ Кіева,
— Отъ Кіева лежитъ ко Царю граду. —
И самъ говорилъ таково слово:

— Да еще было дорожка извѣдати. —
Приправливалъ старъ добра коня,
Поѣхалъ большею дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ пречудный крестъ.
Стоитъ старый у креста, самъ головой качаетъ, —
Головой качаетъ да приговариваетъ:
— Этотъ крестъ есть не простой стоитъ,
— Стоитъ на глубокомъ на погребѣ,
— Есть несмѣтное злата-серебра. —
Соходилъ старый со добра коня,
И бралъ крестъ на руки на бѣлыя,
Снималъ со глубокаго со погреба,
И взялъ животъ изъ погреба, — золоту казну,
И воздвигнулъ животъ во славный Кіевъ градъ,
И построилъ онъ церковь соборную.
Тутъ Илья и окаменѣлъ,
И пононѣ его мощи нетлѣнныя.

—

Какъ у насъ, братцы, было на тихомъ Дону,
Не здорово, братцы, учинилося,
Помутился весь нашъ тихій Донъ,
Помѣшался весь нашъ козачій кругъ:
Что не стало у насъ атамана,
Что стараго козака Ильи Муромца.

———

Про Добрыню Никитича.

Добрыня и змѣй.

Воспородила Добрыню родна матушка,
Да возростила до полново до возрасту.
И молодой Добрынюшка Микитинецъ
Былъ удаленькой дородній добрый молодецъ;
То онъ ѣздилъ въ поле за охотою,
Онъ стрѣлялъ тамъ въ поли гусей-лебедей,
И стрѣлялъ сѣрыхъ перелетныихъ утенышковъ,
И онъ проѣздилъ-то въ раздольици въ чистомъ поли,
И во чистòмъ-поли да на добрòмъ-кони,
А й ще цѣлый день съ утра й до вечира.
Тутъ проѣздилъ же й Добрынюшка по дрýгой разъ, —
Говоритъ-то молодцу да родна матушка:
— Ай-же свѣтъ мое да й чадо милое,
— Молодой Добрынюшка Микитинецъ.
— И ты хошь ѣздишь въ поли за охотою,
— Ты стрѣляешь въ поли гусей-лебедей,
— Еще сѣрыхъ перелетныихъ утенышковъ,
— И молодой Добрынюшка Микитинецъ,
— Ты ни ѣзди-тко во дальне во чистò-поле

— И ты на славныя на горы Сорочиньскія,
— А ко тымъ норамъ да ко змѣиныимъ,
— И не топчи-тко ты, молоденькой Добрынюшка,
— А у тыхъ у норъ да у змѣиныихъ
— Еще этыхъ лютыхъ малыихъ змѣенышевъ,
— И ты ище же, молодой Добрынюшка,
— Не ходи-тко ко норамъ да й ко змѣиныимъ,
— Не пускай-ко оттуль пòлоновъ росейскіихъ.
— И еще, молодой Добрынюшка,
— И не ѣзди-тко ко славноей ко быстроей,
— И ко славной ко быстрой къ Пучай-рѣки,
— И не куплись ты, Добрынюшка, въ Пучай-рѣкѣ. —
— А Пучай-рѣка очень свирѣпая:
— Перва струечка идетъ — такъ той быстры́мъ— быстра,
— А другая струечка идетъ такъ быстрѣй этово,
— А третья струечка идетъ будто огнемъ сѣкетъ.
— А ще наги добри молодци не куплются,
— А во тою ли во славноей Пучай-рѣкѣ,
— Только куплются дородни добри молодци
— Въ одныхъ тонкіихъ полòтняныхъ рубашечкахъ... —
И молодой Добрынюшка Микитинецъ
Родной матушки да онъ не слухался,
И онъ ставалъ поутрушку ранешенько,
И онъ одѣлся во одежицу снарядную,
И выходилъ молодецъ на широкъ дворъ,
Заходилъ на конюшенку стоялую,
Онъ беретъ коня да й богатырського,

За тые онъ повода шелковые.
Онъ всѣдлалъ коня да богатырського,
И выѣзжалъ онъ въ поле за охотою.
И еще ѣздилъ онъ въ раздольицѣ въ чистомъ-
поли,
И во чистомъ поли и на добромъ кони,
И еще цѣлый день съ утра и до вечера.
И похотѣлося молодому Добрынюшкѣ
И съѣздить въ далече-въ-далече во чисто-поле,
А во славное въ раздольице широкое,
И на славныя на горы Сорочиньскія.
И тутъ поѣхалъ молодой Добрынюшка
Онъ по славному раздольицу чисту-полю
И на своемъ добромъ кони да й богатырскоемъ.
А ще день и быдто й дождь дожжитъ,
И та недѣлька за недѣльку што рѣка бѣжитъ,
И пріѣзжаетъ онъ въ далече во чисто-поле,
И онъ на славныя на горы Сорочиньскіи,
И ко тымъ норамъ да ко змѣиныимъ.
И у тыхъ у норъ да у змѣиныихъ,
Насмотрѣлъ же молодой Добрынюшка
И много множество да малыихъ змѣенышовъ,
И весьма же онъ на нихъ да й распрогнѣвался:
Онъ беретъ-то въ руки плеточку шелковую,
А и билъ коня да богатырского,
А ще первый разъ онъ билъ между уши,
А потомъ онъ между ноги между задніи,
И онъ давалъ удары все тяжелые.
И пошелъ его конь богатырскій да помахивать,
И онъ по славному раздольицу чисту-полю,

И отъ ногъ змѣенышевъ отряхивалъ.
И потопталъ молодыя Добрынюшка
Много множество онъ малыихъ змѣенышевъ
И на тыхъ горахъ на Сорочиньскихъ.
И похотѣлося молодому Добрынюшки
И поѣхати ко городу ко Кіеву,
И онъ спускался съ тыхъ горъ Сорочинскіихъ
На своемъ добромъ кони да й богатырьскоемъ.
И онъ тутъ по раздольицю чисту полю
И ѣхалъ много онъ поры да много времени.
И похотѣлося молодому Добрынюшки
А заѣхати ко славноей ко быстроей,
А ко славноей ко быстроей къ Пучай-рѣки.
И подъѣзжалъ Добрынюшка къ Пучай-рѣки,
И становилъ коня да богатырьского.
А и сходилъ онъ молодецъ и со добра коня.
И скидывалъ свою одежицу спальную,
А потомъ одежицу снарядную,
И онъ манишечки-рубашечки шелковыи,
И скидывался молодецъ онъ до-нага.
А во тую ли пору во тое времячко
А на тою ли на славноей Пучай-рѣки
И тутъ случились тамъ быть красны дѣвушки,
И бѣломойницы и портомойницы,
Они мыли бѣльице ты бѣлое,
И говорятъ молодцу таковы слова:
— Ты удаленькой дородній добрый молодецъ,
— А во нашеей во славноей въ Пучай-рѣкѣ
— Наги добри молодци не куплются,
— Только куплются дородни добры молодцы

— А въ одныхъ тонкіихъ полотняныхъ
рубашечкахъ!..—
И говорилъ Добрынюшка Микитинецъ:
— Ай же дѣвушки да ай вы красныи,
— А ще знайте-тка вы сами прò-себя,
— И ничего вы больше, дѣвушки, не вѣдайте.—
И онъ пошелъ Добрынюшка въ Пучай-рѣку:
За перву струечку зашолъ, такъ той быстрымъ-
быстра,
Въ другу струечку зашолъ, то быстрѣй этово,
А въ третью струечку зашолъ, быдто й огнемъ
сѣкетъ.
И молодой Добрынюшка Микитинецъ
Плавать мастеръ былъ онъ по быстрымъ рѣкамъ
Нырнулъ онъ отъ бережка ко другому,
Еще черезъ всю онъ славную Пучай-рѣку,
И пронырнулъ же Добрынюшка по другой разъ,
И пронырнулъ же Добрынюшко по три-раза
А ще черезъ славную Пучай-рѣку.
А съ-подъ той съ-подъ западной сторонушки
И не шумъ шумитъ и не дождь дожжитъ,
А великій громъ идетъ.
И налетала тутъ Змѣинищо-Горынищо
О трехъ главахъ о двѣнадцать хоботахъ,
И надлетѣла надъ молодого й Добрынюшку,
И взлепетала та языкомъ человѣческимъ:
— А теперь Добрынюшка й въ моихъ рукахъ,
— И во моихъ рукахъ да й во моей-воли:
— А и што хочу, то я и сдѣлаю:
— Либо хочь Добрынюшку й огнемъ пожгу,

— Либо хочь Добрынюшку й въ полонъ возьму,
— И либо хошь Добрынюшку й въ собя пожру.—
И закручинился Добрыня й запечалился
И воспомнилъ свою рòдную тутъ матушку:
— И не велѣла мнѣ да й родна матушка
— И ѣздить въ дàлече-въ-далѐче во чистò-поле
— И во славное въ раздольице широкое,
— А на славныи на горы Сорочиньскіи,
— И ко тымъ ко норамъ ко змѣиныимъ;
— И не велѣла мнѣ да й родна матушка
— И топтать лютыхъ малыихъ змѣенышовъ,
— И не велѣла мнѣ родная матушка
— До ходить по норамъ по змѣиныимъ
— И выпускать оттуль да полоновъ расейскіихъ,
— А й со тыхъ со норъ да со змѣиныихъ;
— И не велѣла мнѣ родная матушка
— А купатися во славноей во быстроей,
— А во славноей во быстроей въ Пучай-рѣки.
— И родной матушки я, молодецъ, не слушался!..—
И онъ какъ вынырнулъ тутъ отъ бережка ко дрýгому,
Да и пронырнулъ же Добрынюшка по дрýгой разъ,
И пронырнулъ же Добрынюшка й по три раза,
А ще видитъ — есть дѣло не малое,
А ще этая Змѣинищо-Горынищо,
А ще жгетъ ево да й тѣло бѣлое,
Тѣло бѣло жгетъ да й безутѣшное...
И онъ повыскочилъ Добрыня нà-крутъ нà-берегъ,
И ничего во бѣлыхъ ручкахъ не случилося,

И насмотрѣлъ на крутоемъ на береги —
Да лежитъ колпачикъ земли греческой.
И онъ схватилъ въ руки колпакъ—такъ онъ вѣдь
малъ попалъ,
Такъ онъ вѣдь малъ попалъ—и ровно три-пуда.
И онъ ударилъ тутъ Змѣинища-Горынища
И со всей онъ силы богатырскоей,
И онъ по тымъ по хо̀ботамъ змѣиныимъ,
И онъ сбилъ змѣю да на сырў-землю,
И на сыру землю и во ковыль-траву:
Очень смѣлой былъ да обворотистый.
И поскорёшенько вскочилъ ей на бѣлы-груди
И хотитъ срубить ей головы змѣиныя
И тутъ Змѣинища-Горынища взмолилася:
— Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
— И ты удаленькой добрый молодецъ.
— Не руби-то ты моихъ головъ змѣиныихъ,
— И ты спусти-тко полетать да по бѣлў-свѣту,
— И по бѣлу-свѣту и по святой Руси.
— И мы напишемъ-ка, Добрыня, съ тобой записи,
— А не малыя-то записи — великія:
— И не съѣзжаться, не слетаться во чистомъ полѣ
— И не дѣлать драки-бою, кроволитія,
— И кроволитія да промежду собой,
— Да промежду собой да вѣки по̀-вѣкамъ. —
И молодой Добрынюшка Микитенецъ
Поскорешенько соскочилъ съ грудей бѣлыихъ,
И написали они записи не малыя,
А не малы записи — великіи:
И не съѣзжаться, не слетаться во чисто̀мъ-поли,

А не дѣлать драки-бою, кроволитія,
И кроволитія да промежду собой,
Промежду собой и вѣки по̀-вѣкамъ.
И молодой Добрынюшка Микитенецъ
Поскорёшенько бѣжалъ да онъ къ добру коню,
И одѣвалъ свою одежицу снарядную,
Да й рубашечки-манишечки шелковыя,
И одежицу одѣлъ свою онъ спальную,
И тутъ садится молодецъ да на добра коня,
Да й хотитъ поѣхать во чисто поле.
А и этае Змѣинище-Горынище
Поднимается на хоботы змѣиные,
И полетѣла тутъ змѣя да запокрякала:
— А и какъ же сыто я сегодня пообѣдала! —
А и молодой Добрынюшка Микитенецъ
Онъ поѣхалъ же раздольицомъ чистымъ-полемъ
И онъ поѣхалъ въ славный стольный Кіевъ-
градъ,
А пріѣзжалъ во славный стольный Кіевъ-градъ
И на свой на славный на широкъ на дворъ,
И повыскочилъ Добрынюшка съ добра коня,
И принакинулъ ему поводы шолковыи,
А самъ скоро шелъ въ палаты бѣлокаменны,
И подбѣгалъ ево да паробокъ любимыя,
И онъ беретъ коня да й богатырьского
За тыя за поводы шолковыи,
И онъ ведетъ коня къ конюшенкѣ стоялыей,
И онъ разсѣдлывалъ коня да й раскольчуживалъ.
И молодой Добрынюшка Микитинецъ
Приходилъ въ палаты бѣлокаменны,

И во свои же онъ во горенки столовыя,
И становился къ столикамъ дубовыямъ,
И скидавалъ съ собя одёжицу спальнюю,
Самъ садился онъ за столики дубовые,
И за тыя за скамеечки окольныя,
И поѣлъ онъ ѣствушекъ сахарніихъ,
Онъ попилъ тутъ питьицевъ медвяныихъ,
И ложился спать онъ проклажатися,
Спать ложился на кроваточку тесовую,
И на тую на периночку пуховую,
Опосля пути посля дороженьки.
И ничѣмъ онъ рòдной матушкѣ не хвастаетъ.

Добрыня женится.

....Добрынюшка Никитичъ.
Онъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ.
Повстрѣчалъ паленицу, женщину великую.
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову:
Паленица назадъ не оглянется,
Добрыня на кони пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу.
Толщиной былъ дубъ шести саженъ,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Сила у Добрыни все по старому,

— А смѣлость у Добрыни не по старому.—
Онъ назадъ Добрынюшка ворòтится,
Догналъ паленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову:
Паленица назадъ не оглянется,
Добрыня на кони пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ саженъ двѣнадцати,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Сила у Добрыни все по старому,
— А смѣлость у Добрынине по старому.—
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Догналъ паленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову,—
Паленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала, что комарики покусываютъ,
— Ажно русскіи могучіи богатыри пощелкиваютъ! —
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трое сутки;
Испровѣщется какъ ей добрый конь:
— Ахъ ты ей, Настасья дочь Никулична!
— Не могу везти васъ съ богатыремъ:
— Конь у богатыря противъ меня,
— А сила у богатыря супротивъ тебя.—

Говорила Настасья дочь Никулична:
— Ежели богатырь онъ старой,
— Я богатырю голову срублю;
— А ежели богатырь онъ младой,
— Я богатыря въ полонъ возьму;
— А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
— Я теперича за богатыря замужъ пойду.—
Повыкинетъ Добрыню изъ карманчика:
Добрыня ей тутъ понравился.
Поѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Принесли они по злату вѣнцу.
Тутъ за три дня было пированьице
Про молода Добрыню про Никитича,
Что досталъ онъ князеву племянницу.

Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

Добрыня въ отъѣздѣ. Алеша Поповичъ.

Говоритъ Добрыня сынъ Никитичъ
Своей государынѣ родной матушкѣ:
— Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
— Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго
спородила?

— Спородила бы, государыня родна матушка,
— Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
— Завернула въ тонкой льняной во рукавичекъ,
— Спустила бы меня во сине море:
— Я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ,
— Я не ѣздилъ бы, Добрыня, по чисту полю,
— Я не убивалъ, Добрыня, неповинныхъ душъ,
— Не пролилъ бы крови я напрасныя,
— Не слезилъ, Добрыня, отцевъ-матерей,
— Не вдовилъ, Добрыня, молодыхъ женъ,
— Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ. —
Отвѣтъ держитъ государыня его матушка:
— Я бы рада тебя, дитятко, спородити
— Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
— Силой въ Святогора богатыря,
— Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
— Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,
— Я походкою бы тебя щепливою
— Во того Чурилу во Пленковича:
— Сколько тыя статьи есть, а другихъ Богъ не далъ,
— Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.—
Скоро-на-скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палаты похаживать,
Начала голосомъ поваживать

Жалобненько, она, съ причетью.
У тыя было у стремены у правыя
Провожала Добрыню любимая семья,
Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово:
— Когда Добрынюшка домой будетъ,
— Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля? —
Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичъ:
— Когда у меня ты стала спрашивать,
— Тогда я стану тебѣ сказывать:
— Сожидай Добрынюшку по три году:
— Если въ три году не буду, жди дру́го три;
— А какъ сполнится времени шесть годовъ,
— Да не буду я домой изъ чиста поля,
— Поминай меня, Добрынюшку, убитаго,
— А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
— Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
— Хоть за князя поди, хоть за боярина,
— А хоть за русскаго могучаго богатыря,
— А только не ходи за моего брата за назва̀ннаго,
— За смѣлаго за Алешу за Поповича.—
Стала дожидать его по три году.
Какъ день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три году,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала сожидать его по другое три.
Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,

А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени шесть уже лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Во тую пору въ то время
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля.
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Тогда государыня родна его матушка
Жалёшенько она по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лице бѣлое
По своемъ рожономъ дитятки,
По молодомъ Добрыни Никитичи.
Сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать:
— Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
— Молодой вѣкъ коротати?
— Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
— Хоть за русскаго могучаго богатыря,
— Хоть за смѣлаго Алешу Поповича. —
Отвѣчала Настасья дочь Никулична:
— Я исполнила заповѣдь мужнюю,—
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
— Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
— Я исполню заповѣдь свою женскую:
— Прожду Добрынюшку друго шесть годовъ:
— Такъ исполнится времени двинадцать лѣтъ,
— Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти. —
Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.

Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двинадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
— Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
— Молодой свой вѣкъ коротати?
— Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
— А хоть за русскаго могучаго богатыря,
— А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.
Не пошла замужъ ни за князя, ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла за мужъ за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня лучился у Царя-града,
А у Добрыни конь спотыкается:
— Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть!
— Зачѣмъ сегодня спотыкаешься? —
Испровѣщется ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Твоя молода Настасья дочь Никулична замужъ пошла
— За смѣлаго Алешу за Поповича;
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,

— Принимать съ Алешей по злату вѣнцу. —
Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги между заднія,
Что сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летитъ:
Добрый молодецъ перегонъ гонитъ.
Не воротмы ѣхалъ черезъ стѣну городовую
Мимо тую башню наугольную,
Къ тому придворью ко вдовиному;
На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
Въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ подворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныя,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ кладетъ по ученому,
Пречестной вдовы да онъ въ особину:
— Ты здравствуешь, честна вдова, Мамелфа
Тимоѳеевна! —
Вслѣдъ идутъ придверники, приворотники,
Сами говорятъ таково слово:
— Пречестна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна!
— Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
— Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,

— Насъ не спрашивалъ, у воротъ привратниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— Всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ. —
Испроговоритъ имъ честна вдова:
— Ахъ ты ей, удалый добрый молодецъ!
— Ты за чѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
— Въ палаты идешь бездокладочно?
— Какъ бы было живо мое чадо милое,
— Молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
— Отрубилъ бы онъ тебѣ буйну голову
— За твои поступки неумильные. —
Говоритъ Добрыня сынъ Никитичъ:
— Не напрасно ли вы согрѣшаете?
— А я вчерась съ Добрыней поразъѣхался, —
— Добрыня поѣхалъ ко Царю-граду,
— А я поѣхалъ ко Кіеву.
— Наказывалъ мнѣ братецъ тотъ родимый
— Спросить про него милу семью,
— Про молоду Настасью Никуличну:
— Гдѣ же есть она Настасья Никулична? —
— Добрынина родима семья замужъ пошла,
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви;
— А въ тую ль было пору, въ тыя шесть лѣтъ,
— Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
— Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
— Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
— Убитъ лежитъ во чистомъ поли,
— Буйна голова испроломана,
— Могучи плечи испрострѣлены,

— Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ.
— Я жалёшенько объ немъ плакала.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
— Наказывалъ братецъ мнѣ названый:
— Если лучится быть тебѣ на пиру во Кіевѣ,
— Ты возьми мое платье скоморошское,
— И гуселки возьми мои яровчеты,
— Въ новой горенки всѣ на столики. —
Принесли они платье скоморошское
И гуселки ему яровчеты.
Накрутился молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестной пиръ.
Идетъ онъ княженецкій дворъ безобсылочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку Владиміру въ особину,
Самъ говоритъ таково слово:
— Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
— Со своей княгиней со Апраксіей! —
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
— Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцемъ,
— И теперича идетъ скоморошиной:

— Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— Всѣхъ насъ взашей прочь толкалъ,
— Скоро проходилъ въ палаты княженецкія. —
— Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
— Ты за чѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
— На княженецкій дворъ безобсылочно,
— Во палаты идешь бездокладочно,
— Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— Скоро приходилъ въ палаты княженецкія? —
Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется:
— Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское?—
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что ваше мѣсто скоморошское
— На той на печкѣ на муравленой,
— На муравленой печки — на запечки. —
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Учалъ по стрункамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ поваживать,
Играетъ-то въ Царѣ-градѣ,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ,
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго...
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
— Что не быть это удалой скоморошинѣ,

— А кому ни надо быть русскому,
— Быть удалому доброму молодцу! —
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай ты ей, удалой скоморошина!
— Опущайся изъ печки иза-за печки,
— Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба
кушати,
— Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
— За твою игру за веселую
— Дамъ тебѣ три мѣста любимыихъ:
— Перво мѣсто сядь подли меня,
— Друго мѣсто супротивъ меня,
— А третье мѣсто, куда самъ захошь,
— Куда самъ захошь, еще пожалуешь. —
Не сѣла скоморошина подли князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина въ скамеечку,
Супротивъ княжны порученыя.
Говоритъ удала скоморошина:
— Что солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Бласлови мнѣ налить чару зелена вина,
— Поднесть эту чару, кому я знаю,
— Кому я знаю, еще пожалую. —
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опуститъ въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжны порученыя,
Самъ говоритъ таково слово:
— Молода Настасья дочь Никулична!
— Прими сіе чару единой рукой,
— Да выпей-ка чару единыимъ духомъ:

— Буде пьешь до дна, такъ видаешь добра,
— А не пьешь до дна, не видаешь добра.—
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единымъ духомъ,
Да и посмотритъ въ чары свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говоритъ таково слово:
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не тотъ мой мужъ, который подли меня,
— А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
— Сидитъ мой мужъ на скамеечки,
— Подноситъ мни чару зелена вина. —
Сама выскочитъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Упала Добрыни въ рѣзвы ноги:
— Прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,
— Въ той вины прости меня, въ глупости,
— Что не по твоему наказу, де, я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла. —
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
— Что не дивую я разуму-то женскому,
— Что волосъ дологъ, да умъ ко̀ротокъ:
— Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,
— Ихъ куда везутъ, они туда идутъ;
— А дивую я солнышку Владиміру
— Съ молодой княгиней со Апраксіей:
— Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ
былъ,
— А княгиня Апраксія свахою:
— Они у живого мужа жену просватали! —
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,

А говорилъ Алешенька Григорьевичъ:
— Прости, прости, братецъ мой названый,
— Что я посидѣлъ подли твоей любимой
семьи,
— Подли молодой Настасьи Никуличной. —
— Въ той вины, братецъ, тебя Богъ проститъ,
— Что ты посидѣлъ подли моей любимой
семьи,
— Подли молодой Настасьи Никуличной;
— А во другой вины тебѣ, братецъ, не прощу:
— Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ
шесть лѣтъ,
— Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
— Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
— Убитъ лежитъ во чистомъ поли,
— Буйна голова испроломана,
— Могучи плечи испрострѣлены,
— Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ.
— Такъ тогда государыня родна матушка
— Жалёшенько по мнѣ плакала,
— Слезила свои очи ясныя,
— Скорбила свое лице бѣлое:
— Съ этой вины тебѣ не прощу!
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ,
Повыдернетъ шалыгу поддорожную,
Учелъ шалыжищемъ ухаживать:
Что хлопанье и что оханье, не слышно вѣдь...
Всякъ-то, братцы, на вѣку женится,

А не дай Богъ женитьбы той Алешиной...
Тутъ взялъ Добрыня любиму семью,
Молоду Настасью дочь Никуличну,
Пошелъ къ государыни родной матушки,
Тутъ сдѣлалъ онъ доброе здоровьице.

Добрыня и Смерть.

Поѣхалъ Добрынюшка въ домашнюю сторонушку,
Попадалася ему Смерть престрашная:
Говоритъ она Добрынюшкѣ:
— Полно тебѣ ѣздить по бѣлу свѣту,
— Проливать крови невинныя,
— Крови напрасныя! —

— Ты кто еси, царь ли, царевичъ,
— Аль король, королевичъ,
— Аль сильный-могучій богатырь? —
Отвѣчаетъ ему, Добрынюшкѣ:
— Я не царь и не царевичъ,
— Не король, не королевичъ,
— Не сильный и не могучій богатырь,
— Я Смерть прегрозная и престрашная. —

— Ай же ты, Смерть престрашная!
— Коль возьму я свою саблю преострую,
— Отсѣку тебѣ голову буйную. —

— А Добрынюшка Никитичъ сынъ:
— Поспѣй проститься со бѣлымъ свѣтомъ:
— Выну я свои пилья невиданныя, преострыя,
— Отсѣку я жилочки становыя,
— Улетишь ты со добра коня. —
Тутъ взмолился ей Добрынюшка
— Ай же, Смерть престрашная!
— Дай мнѣ сроку на два года
— Прощаться за свои грѣхи,
— Что много силы перебилъ напрасно
— Крови невинной пролилъ. —

— Не дамъ я тебѣ воли и на одинъ часъ. —

— Дай же ты сроку на одинъ часъ. —

— Не дамъ я тебѣ и на одну минуту. —
Выняла пилья желѣзныя,
Подсѣкла жилочки становыя,
Подсѣкла рѣзвыя ноженьки.
И упалъ Добрынюшка съ добра коня,
И вышла душенька съ Добрынюшки.

Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ.

Подъ стольнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
При ласковомъ князѣ при Владимірѣ
Объявилось новое чудовище:
Наѣзжалъ Тугаринъ Змѣевичъ.
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
Заводилъ свой хорошъ почестенъ пиръ
И зазвалъ Тугарина на почестный пиръ.
Ставили столы ему дубовые,
Наливали питьица медвяныя,
Полагали ему ѣства сахарныя,
Садился Тугаринъ за дубовый столъ.
Онъ по бѣлой лебедушкѣ за-разъ глоталъ.
И сидѣлъ тутъ Алешенька Поповичъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Какъ у моего государя было батюшки,
— У Левонтья попа было Ростовскаго
— Было псище-то старое,
— Старое псище-то сѣдатое,
— Хватило костище великое,
— Гдѣ оно хватило, подавилося:
— Подавиться Тугарину Змѣевичу
— Отъ меня, Алешки отъ Поповича. —
Сталъ Тугаринъ пить зелено вино,
По цѣлой чары за-разъ глоталъ.

Говоритъ Алеша таковы слова:
— Какъ у моего родителя было батюшки,
— У Левонтья попа было Ростовскаго
— Было коровище великое,
— Выпила питьица лоханище,
— Гдѣ оно выпило, тутъ и треснуло.
— И треснетъ Тугаринъ-отъ Змѣевичъ.
— Отъ меня, Алешки отъ Поповича. —
Эты ему рѣчи не слюбилися:
Хватилъ на столѣ ножище булатное
И шибнетъ въ Алешку во Поповича. —
Пролетѣлъ ножъ мимо Алешу Поповича.
Какъ у той было у печки муравленой
Стоялъ его слуга Акимъ паробокъ,
На лету онъ ножъ подхватывалъ,
Самъ къ ножу приговаривалъ:
— Ахъ ты ей, Алешенька Левонтьевичъ!
— Самъ ли ты пойдешь, али меня пошлешь
— Съ Тугариномъ супротивиться?
Говорилъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Не куда уйдетъ гагара безногая. —
Уѣзжалъ Тугаринъ во чисто поле.
Ко тому же времени на другой день
Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,
Стрѣтилъ Тугарина Змѣевича,
И убилъ Тугарина Змѣевича.
Тутъ вѣкъ про Алешу старину поютъ
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

———

Дюкъ Степановичъ.

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ славна Волынца, красна Галичья,
Изъ тоя Карелы богатыя,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ:
Выѣзжалъ удача доброй молодецъ,
Молодой Дюкъ сынъ Степановичъ,
По прозванью Дюкъ былъ боярской сынъ.
А и конь подъ нимъ, какъ бы лютой звѣрь,
Лютой звѣрь конь, и буръ, косматъ,
У коня грива на лѣву сторону, до сырой земли,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ.
Не много съ Дюкомъ живота пошло:
Что куякъ и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота,
А куяку и панцырю цѣна лежитъ три тысячи,
А кольчуга на немъ красна золота —
Цѣна сорокъ тысячей,
А и конь подъ нимъ въ пять тысячей.
Почему коню цѣна пять тысячей?

За рѣку онъ броду не спрашиваетъ;
Котора рѣка цѣла верста пятисотная,
Онъ скачетъ съ берега на берегъ,
Потому цѣна коню пять тысячей.
Еще съ Дюкомъ не много живота пошло:
Пошелъ тугой лукъ разрывчатой,
А цѣна тому луку три тысячи,
Потому цѣна луку три тысячи —
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А и тетивочка была шелковая,
А бѣлаго шелку Шимаханскаго.
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А въ колчанѣ было за триста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублевъ;
А и еще есть въ колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было и не свѣдомо;
Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было —
Колоты онѣ были изъ трость-дерева,
Строганы тѣ стрѣлки во Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра-рыбы,
Перены онѣ перьицемъ сиза орла,
А сиза орла, Орла Орловича,
А того орла птицы Камскія,
Не тоя-то Камы — коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы — за синимъ моремъ,
Сивымъ устьемъ впала въ сине море,
А леталъ орелъ надъ синимъ моремъ,
А ронилъ онъ перьица во сине море,

А бѣжали гости корабельщики,
Собирали перья на синемъ морѣ,
Вывозили перья на святую Русь,
Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ.
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублевъ, во тысячу.
Почему тѣ стрѣлы дороги?
Потому они дороги,
Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По каменю по дорогу, самоцвѣтному;
А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевивано
Аравитскимъ золотомъ.
Ѣздитъ Дюкъ подлѣ синя моря
И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
Онъ днемъ стрѣляетъ,
Въ ночи тѣ стрѣлки сбираетъ;
Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи, горятъ,
Свѣчи теплются воску яраго —
Потому онѣ стрѣлки дороги.
Настрѣлялъ онъ Дюкъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ,
Поѣхалъ ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Онъ будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Что у ласкова князя Владиміра,
Середи двора княженецкаго,
А скочилъ онъ со добра коня,

Привязалъ коня къ дубову столбу,
Къ кольцу булатному,
Походилъ во гридню во свѣтлую,
Къ великому князю Владиміру.
Онъ молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На всѣ четыре стороны.
Тутъ сидятъ князи-бояра,
Скочили всѣ на рѣзвы ноги,
А глядятъ на молодца, дивуются;
И Владиміръ князь, стольной Кіевскій,
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
Подавали Дюку Степанову.
Принимаетъ онъ, не чванится,
А принялъ чару единой рукой,
А выпилъ чару единымъ духомъ;
И Владиміръ князь, стольной Кіевской,
Посадилъ его за единой столъ хлѣба кушати.
А и повара были догадливые, —
Носили яства сахарныя,
И носили питья медвяныя,
И клали колачики крупичаты
Передъ того Дюка Степанова.
А сидитъ Дюкъ за единымъ столомъ
Со тѣми князи и бояры,
Откушалъ колачики крупичаты,
Онъ верхню корочку отламываетъ,
А нижню корочку прочь откладываетъ.
А во Кіевѣ былъ счастливъ добрѣ

Какъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ,
Оговорилъ онъ Дюка Степанова:
— Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?
— Верхню корочку отламываешь,
— А нижню прочь откладываешь? —
Говорилъ Дюкъ Степановичъ:
— Ой ты гой еси, Владиміръ князь!
— Въ томъ ты на меня не прогнѣвайся:
— Печки у тебя биты глиняны,
— А подики кирпичные,
— А помелечко мочальное,
— Въ лохань обмакиваютъ, —
— А у меня, Дюка Степанова,
— А у моей сударыни матушки,
— Печки были муравлены,
— А подики мѣдные,
— Помелечко шелковое,
— Въ сыту медвяну обмакиваютъ:
— Колачикъ съѣшь — больше хочется. —
Втапоры князю Владиміру
Захотѣлось къ Дюку ѣхати,
Зоветъ съ собой князей-бояръ,
И взялъ Чурила Пленковича.
И пріѣхали они на пашню къ нему,
Ко тѣмъ крестьянскимъ дворамъ;
И тутъ у Дюка стряпчій былъ,
Припасъ про князя Владиміра почестной столъ,
И садился ласковый Владиміръ князь
Со своими князи-бояры
За тѣ столы бѣлодубовы,

А въ тѣ поры повара былы догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя.
И будетъ день въ половину дни,
И будетъ столъ во полу столѣ,
Владиміръ князь полъ-сыта наѣдается,
Полъ-пьяна напивается.
Говорилъ онъ тутъ Дюку Степанову:
— Каково про тебя сказывали,
— Таковъ ты и есть. —
Покушавши, ласковой Владиміръ князь
Велѣлъ домъ его переписывать,
И былъ въ томъ дому сутки четверо:
А и домъ его крестьянской переписывали, —
Бумаги не стало. То оттеля Дюкъ Степановичъ
Повелъ князя Владиміра
Со всѣми гостьми и со всѣми людьми
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Честной вдовѣ многоразумныя.
И будутъ онѣ въ высокихъ теремахъ,
И ужасается Владиміръ князь,
Что въ теремахъ хорошо изукрашено.
И втапоры честна вдова, Дюкова матушка,
Обѣдъ чинила про князя Владиміра
И про всѣхъ гостей, про всѣхъ людей;
И садился Владиміръ князь
За столы убраные, за яства сахарныя
Со всѣми гостьми, со всѣми людьми.
И будетъ день въ половину дни,
Будетъ столъ во полу-столѣ,

Говорилъ онъ ласковой Владиміръ князь:
— Исполать тебѣ, честна вдова многоразумная,
— Со своимъ сыномъ Дюкомъ Степановымъ!
— Употчивала меня со всѣми гостьми, со всѣми людьми:
— Хотѣлъ было вашъ я этотъ домъ описывать,
— Да отложилъ всѣ печали на радости. —
И втапоры честна вдова многоразумная
Дарила князя Владиміра
Своими честными подарками:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ,
Еще сверхъ того каменьи самоцвѣтными.

То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря.
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье.

Соловей Будиміровичъ.

А мхи были болота въ Поморской стороны,
А тая эта зябель въ-подъ-сиверной стороны,
Гольныя щелья въ Бѣлу-озеру,
А темные лѣса Смоленскіе,
Широки ворота Чигиринскіе,
Не хороши сарафаны по Моши по рѣкѣ...

Исподъ дуба, дуба, дуба сы́раго,
Исподъ того камешка, сподъ яхонта
Выходила-выбѣгала мати Волга рѣка,
Устьемъ бѣжитъ-то въ сине море,
Во то во сине море во Турецкое.
На той ли на матушкѣ на Волгѣ рѣкѣ
Бѣжало-бѣжитъ тридцать три корабля,
Тридцать три корабля бѣжитъ безъ одного.
Одинъ-то корабль лучше-краше всѣхъ;
Въ томъ кораблѣ было написано,
На томъ на кораблю напечатано:
Носъ-отъ написанъ по змѣиному,
А корма-то была по звѣриному,
А бока сведены по туриному,
Кодолы-канаты были шелковые,
Паруса-то были изъ семи шелковъ,

Мачты-то, коржины позолочены.
И на томъ кораблю младъ сидитъ Соловей,
Младъ сидитъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Со своею со родною со матушкою,
Со своима со дружинамы съ хоробрыма.
Говоритъ онъ, промолвитъ таково слово:
— Ай же вы, братцы, дружинушка хоробрая,
— Хоробрая дружина Соловьевая!
— А слушайте-ка большаго атамана:
— Взимайте-ка шестики мѣрные,
— Намѣряйте-ка луды морскія,
— Какъ бы намъ, молодцамъ, мимо проѣхати,
— Не попасть бы на луды морскія.
Какъ его ль дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Слушали они большаго атамана,
Взимали шестики мѣрные,
Мѣряли луды морскія,
Ѣхали мимо, проѣхали.
Опять Соловей сынъ Будиміровичъ
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ай же вы, братцы, дружина хоробрая,
— Хоробрая дружина Соловьевая!
— Слушайте-ка большаго атамана:
— Взимайте-ка трубоньки подзорнія,
— Глядите-смотрите славенъ Кіевъ-градъ,
— Чтобы намъ, братцы, попасть было
— Въ тую ли пристань корабельную,
— Подъ той ли подъ славенъ Кіевъ-градъ. —
Тутъ его дружинушка хоробрая,

Хоробрая дружина Соловьевая,
Слушали они большаго атамана,
Взимали трубоньки подзорнія,
Глядѣли-смотрѣли славенъ Кіевъ-градъ,
Ѣхали молодцы, пріѣхали,
Попали во пристань корабельную.
Говоритъ онъ, промолвитъ таково слово:
— Ай же вы, братцы, дружинушка хоробрая,
— Хоробрая дружина Соловьевая!
— Слушайте-ка большаго атамана:
— Взимайте первую сходенку волжаную,
— Другую сходенку серебряну,
— Третью сходенку красна золота;
— Кидайте сходенки на крутъ бережокъ:
— А по волжаной сходенкѣ вамъ итти,
— Всѣмъ моимъ дружинушкамъ хоробрыимъ,
— Хоробрымъ дружинамъ Соловьевыимъ,
— А по серебряной сходенкѣ матушкѣ моей,
— Матушкѣ итти Соловьевоей,
— А по золотой по сходенкѣ мнѣ-ка-ва итти,
— Итти младъ-Соловью сыну Будимірову. —
Тутъ его дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Они слушали большаго атамана,
Взимали первую сходенку волжаную,
Другую сходенку серебряну,
Третью сходенку красна золота,
Кидали сходенки на крутъ бережокъ.
Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Взимаетъ онъ подарочки небольшинькіе:

Сорокъ сороковъ черныхъ соболѐй,
На мелкаго звѣря и смѣты нѣтъ,
А взимаетъ флаки заморской камки.
Заморскія камочки золоченыя,
Положилъ камочки на блюдечко,
На тыё на блюдо золоченое;
Пошелъ-то онъ ко князю Володиміру,
Съ тыма со подаркамы великима.
Приходятъ къ князю Володиміру,
Ко его палатамъ бѣлокаменнымъ,
Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Заходилъ во гридню во столовую,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки покланяется,
Стольному князю въ особину,
Здравствуетъ князя со княгиною:
— Здравствуешь, князь стольно-Кіевскій
— Со своей княгиной со Опраксою,
— Со своей любимой со племянницей,
— Молодой Любавушкой Запавичной! —
Проговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Здравствуй, удаленькій добрый молодецъ!
— Не знаю я тебѣ ни имени, ни изотчины:
— Царь ли ты есть, царевичъ ли,
— Али король ты есть, королевичъ ли,
— Али съ тиха ты Дону лихой казакъ,
— Али грозный посолъ Ляховецкій былъ? —
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Не царь я есть, не царевичъ былъ,

— Не король я есть, не королевичъ былъ,
— Не изъ тихаго Дона лихой казакъ,
— Не грозный посолъ Ляховецкій былъ,
— А есть со славнаго синя моря
— Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ. —
Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Даваетъ ему подарочки великіе
И стольныя княгины Опраксіѣ.
Стольная княгина Опраксія
Принимаетъ эты подарочки великіе,
Принимать принимаетъ, восхваливаетъ:
— Нѣтъ такой камки здѣ въ Кіевѣ,
— Нѣтъ такой камки, и не бывать такой,
— Не бывать-то камочки золоченыя. —
Князь-отъ Владиміръ стольно-Кіевскій
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ахъ ты младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
— Чѣмъ-то мнѣ-ка тебя жаловати
— За эты за подарки за великіе?
— Города ль тебѣ надоть съ пригородкамы,
— Села тебѣ надоть со приселкамы,
— Али много надоть золотой казны? —
Онъ говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Не надоть мнѣ городовъ съ пригородкамы,
— Не надоть и селъ со приселкамы,
— Да не надоть мнѣ и безсчетной золотой казны:
— Есть у меня своей до люби,
— А столько ты позволь мнѣ-ка
— Поставить три терема златоверхіихъ
— Середь города, середь рыночка,

— Гдѣ маленьки ребята сайки продаютъ,
— Продаютъ сайки, барышничаютъ. —
Говоритъ тутъ князь таково слово:
— Ахъ ты младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
— Куда знаешь, туда ставь-ка ты. —
Тутъ скоро Соловей поворотъ держалъ,
Приходилъ онъ къ дружинушкѣ хороброей,
Хороброей дружины Соловьевой,
Опять говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Братцы, дружинушка хоробрая,
— Хоробрая дружина Соловьевая!
— Слушайте меня, большаго атамана:
— Скидывайте съ себя платьица цвѣтныя,
— Надѣвайте на себя платьица лосиныя,
— Лосиныя платьица, звѣриныя. —
Тутъ-то дружинушка хоробрая
Скидывали съ себя платьица цвѣтныя,
Надѣвали платьица лосиныя,
Лосиныя платьица, звѣриныя.
Опять говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Взимайте-ка топорики булатніе
— Сѣките дубья-то, колодья-то,
— Поставьте-ка середь города, середь рыночка
— Три терема поставьте златоверхіихъ,
— Чтобы верхи съ верхамы свивалися,
— Чтобы къ утру къ свѣту туда жить перейти.—
Тутъ его дружинушка хоробрая
Взимали топорики булатніе,
Сѣкли дубья-то, колодья-то,
Мелки кусточки вонъ вырыли;

Ставили три терема златоверхіихъ,
Что верхи съ верхамы свиваются,
Чтобы къ утру къ свѣту тутъ жить перейти.
Перешелъ Соловей Будиміровичъ,
Перебрался со дружинушкой хороброей,
Со своею со родною со матушкой.
У того у князя Владиміра
Была любимая племянница,
Молода Любавушка Запавична.
Взимала она трубоньку подзорнюю,
Усмотрѣла въ трубоньку три терема златоверхіихъ.
Приходила ко родимому ко дядюшкѣ
И говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ай же ты, любезный мой дядюшка!
— Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
— Мнѣ сходить прогуляться, красной дѣвушкѣ,
— По стольному по городу по Кіеву. —
Тутъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Далъ ей прощеньице-благословленьице
Прогуляться по городу по Кіеву,
Далъ ей нянекъ и мамушекъ,
Тыхъ ли вѣрныхъ служаночекъ.
Пошла прогуляться красна дѣвушка.
Гуляла по городу по Кіеву,
Пришла къ тремъ теремамъ златоверхіимъ.
Ко первому-то терему подходитъ она, —
Въ томъ терему шопоткомъ говорятъ —
Тутъ Соловьевая матушка Богу молится.
Ко другому терему подходитъ она, —
Въ томъ терему стукъ да грёмъ:

Тутъ-то Соловьевая дружинушка
Считаетъ безсчетну золоту казну
Младъ-Соловья сына Будиміровича.
Ко третьему терему подходитъ она, —
Тутъ-то въ терему скачутъ-пляшутъ,
Пѣсни поютъ, въ гусли наигрываютъ:
Тутъ-то младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Со своей дружинушкой хороброей;
Онъ сидитъ Соловей на стулѣ черленоемъ,
На черленоемъ стулѣ золоченоемъ,
Играетъ молодецъ, забавляется
Со своима дружинамы хоробрыма,
Хоробрыма дружинамы Соловьевыма.
Подходитъ она красна дѣвушка,
Подходитъ къ нему поблизешенько,
Поклонилася ему понизешенько:
— Здравствуешь, младъ Соловей сынъ
Будиміровичъ! —
— Здравствуешь, красная дѣвушка,
— Молода Любавушка Запавична! —
Говоритъ она промолвитъ таково слово:
— Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
— Ты возьми-тко меня красну дѣвушку,
— Ты возьми-тко меня за себя за мужъ. —
— Ты всѣмъ мнѣ, дѣвушка, въ любовь пришла,
— Однымъ ты мнѣ, дѣвка, не въ любовь пришла:
— Сама ты себя, дѣвушка, просватываешь;
— А тебѣ бы, дѣвушкѣ, не эдакъ бывать,
— Не такъ бывать дѣвушкѣ,—дома быть,
— Ино дома быть, вода носить,

— Коровъ поить, телятъ кормить. —
Съ того со стыда со великаго,
Скоро она поворотъ держитъ,
Поворотъ держала и домой бѣжала.
Тутъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Скоро онъ справлялся добрый молодецъ,
Пришолъ-то онъ сватомъ большіимъ
Къ стольному ко князю ко Владиміру,
Садился онъ въ большо мѣсто,
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
— Ай же ты, князь стольно Кіевскій!
— Есть у тя любимая племянница,
— Молода Любавушка Запавична:
— Отдай-ка ю, повыдай за меня за мужъ. —
Тутъ-то князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Просваталъ ю, красну дѣвушку,
Свою-то любимую племянницу.
И шли оны во церкву во Божію,
Принимали они златы вѣнцы.
Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
Скоро онъ сбирался на корабли
Со своими припасами великими,
Со своима теремами златоверхими.
Садился онъ, молодецъ, на корабли,
Отправлялся назадъ въ свою сторону,
Уѣхалъ-уѣзжалъ онъ добрый молодецъ,
Сталъ тамъ жить да быть, семью сводить,
Семью сводить, дѣтей наживать.

———

Чурило Пленковичъ.

I.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго осударь-князя Владиміра,
Было пированіе почестной пиръ,
Было столованіе, почестной столъ
На многи князи и бояра
И на русскіе могучіе богатыри.
Будетъ день въ половинѣ дня,
А и будетъ столъ во полу-столѣ.
Князь Владиміръ распотѣшился,
А незнаемы люди къ нему появилися:
Есть молодцовъ за сто человѣкъ,
Есть молодцовъ за другое сто,
Есть молодцовъ за третье сто;
Всѣ они избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
— Свѣтъ, государь, ты Владиміръ князь!
— Ѣздили мы по полю по чистому,
— Сверхъ тоя рѣки Череги,

— На твоемъ государевомъ займищѣ:
— Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
— Не наѣзживали звѣря рыскучаго,
— Не видали птицы перелетныя:
— Только наѣхали во чистомъ полѣ:
— Есть молодцовъ за три ста,
— Есть молодцовъ и за пять сотъ;
— Жеребцы подъ ними латинскіе,
— Кафтанцы на нихъ камчатные,
— Однорядочки-то — голубь скурлатъ,
— А и колпачки—золоты плаши;
— Они соболи, куницы повыловили,
— И печерски лисицы повыловили,
— Туры, олени выстрѣляли
— И насъ избили-изранили;
— А тебѣ, осударь, добычи нѣтъ,
— А отъ васъ, осударь, жалованья нѣтъ,
— Дѣти, жены осиротѣли,
— Пошли по міру скитатися. —
А Владиміръ князь стольной Кіевской,
Пьетъ-онъ-ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилася:
Есть молодцовъ за три ста,
Есть молодцовъ за пять сотъ,
Пришли охотники рыболовые,
Всѣ избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;

Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
— Свѣтъ государь, ты Владиміръ князь!
— Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ:
— На твои щаски княженецкія
— Ничего не поимавали;
— Нашли мы людей: есть молодцовъ
— За три ста и за пять сотъ,
— Всю они бѣлую рыбицу повыловили,
— Щуки, караси повыловили жъ
— И мелкую рыбицу повыдавили;
— Намъ въ томъ, государь, добычи нѣтъ,
— Тебѣ, государю, приносу нѣтъ,
— Отъ васъ, государь жалованья нѣтъ,
— Дѣти, жены осиротѣли,
— Пошли по міру скитатися,
— И насъ избили-изранили. —
Владиміръ князь стольной Кіевской
Пьетъ-ѣстъ прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и тѣ толпы со двора не сошли,
Двѣ толпы вдругъ пришли:
Первая толпа — молодцы сокольники,
Другіе—молодцы кречетники,
И всѣ они избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ жалобу творятъ:
— Свѣтъ государь, Владиміръ князь!
— Ѣздили мы по полю чистому,
— Сверхъ тоя Череги,

— По твоемъ государевомъ займищу,
— На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ:
— На твои щаски княженецкія
— Ничего не поимывали, не видали
— Сокола и кречета перелетнаго;
— Только наѣхали мы молодцовъ
— За тысячу человѣкъ:
— Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повыхватали
— И бѣлыхъ кречетовъ повыловили,
— А насъ избили-изранили,
— Называются дружиною Чуриловою. —
Тутъ Владиміръ князь
За то слово спохватится:
— Кто это Чурило есть таковъ? —
Выступался туто старой
Бермята Васильевичъ:
— Я, де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю:
— Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
— А живетъ онъ пониже Малаго Кіевца.
— Дворъ у него на семи верстахъ.
— Около двора желѣзной тынъ,
— На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
— А и есть по жемчужинкѣ;
— Середи двора свѣтлицы стоятъ,
— Гридни бѣлодубовыя,
— Покрыты сѣдымъ бобромъ,
— Потолокъ черныхъ соболей,
— Матица-то валженая,
— Полъ-середа одного серебра,
— Крюки да пробои по булату злачены;

— Первые у него ворота вальящатые,
— Другіе ворота хрустальные,
— Третьи ворота оловянные. —
Втапоры Владиміръ князь и со княгинею,
Скоро онъ снаряжается,
Скоро того поѣздку чинятъ;
Взялъ съ собою князей и бояръ,
И могучихъ богатырей,
Добрыню Никитича
И стараго Бермяту Васильевича;
Тутъ ихъ собралось пять сотъ человѣкъ,
И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.
И будутъ у двора его,
Встрѣчаетъ ихъ старой Пленъ:
Для князя и княгини
Отворяетъ ворота вальящатые,
А князямъ и боярамъ хрустальные,
Простымъ людямъ оловянные;
И наѣхало ихъ полонъ дворъ.
Старой Пленка Сароженинъ
Приступилъ ко князю Владиміру
И ко княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Повелъ ихъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убраные столы,
Сажалъ въ мѣсто почетное;
Принималъ-сажалъ князей и бояръ,
И могучихъ рускихъ богатырей.
Втапоры были повары догадливые,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя,

А питья все заморскія,
Чѣмъ бы князя развеселить:
Веселая бесѣда, на радости день.
Князь со княгинею веселъ сидитъ.
Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое, —
И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:
— По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося:
— Князя, меня, въ домѣ не случилося,
— Ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
— Или какой грозенъ посолъ. —
Старой Пленка Сароженинъ
Лишь только усмѣхается, самъ потчиваетъ:
— Изволь ты, осударь,
— Владиміръ князь со княгинею,
— И со всѣми своими князи и бояры кушати:
— Что, де, ѣдетъ не король изъ орды
— И не грозенъ посолъ —
— Ѣдетъ, де, дружина хорабрая сына моего,
— Молода Чурилы сына Пленковича;
— А какъ онъ, осударь,
— Будетъ предъ тобою-жъ,
— Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
— Будетъ столъ во полу-столѣ. —
Пьютъ-они, ѣдятъ, потѣшаются,
Всѣ уже они безъ памяти сидятъ;
А и на дворѣ день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа въ полѣ сбирается:
Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,

Есть молодцовъ и до тысячи.
Ѣдетъ Чурила ко двору своему:
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.
И пріѣхалъ Чурила ко двору своему;
Перво его скороходъ прибѣжалъ,
Заглянулъ скороходъ на широкой дворъ, —
А и не куда Чурилѣ на дворъ ѣхати
И стоять со своимъ промысломъ;
Поѣхали они на свой окольной дворъ,
Тамъ они становилися
И совсѣмъ убиралися.
Втапоры Чурила догадливъ былъ:
Беретъ золоты ключи,
Пошелъ во подвалы глубокіе,
Взялъ золоту казну,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Другую сорокъ печерскихъ лисицъ.
И бралъ же камку бѣло-хрущату,
А цѣна камкѣ сто тысячей,
Принесъ онъ ко князю Владиміру,
Клалъ передъ нимъ на убраной столъ.
Втапоры Владиміръ князь, стольной Кіевской,
Больно со княгинею возрадовалися,
Говорилъ ему таково слово:
— Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
— Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
— Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
— Въ Кіевѣ жить, князю служить. —
Втапоры Чурила князя Владиміра не ослушался,

Приказалъ тотчасъ коня осѣдлать,
И поѣхали они всѣ въ тотъ стольной Кіевъ
градъ,
Ко ласкову князю Владиміру;
Въ добромъ здоровьѣ ихъ Богъ перенесъ;
А и будутъ на дворѣ княженецкіимъ,
Скочили они со добрыхъ коней,
Пошли во свѣтлицы гридни,
Садилися за убраные столы.

Посылаетъ Владиміръ, стольной Кіевской,
Молода Чурила Пленковича
Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ,
А зватаго приказалъ брать
Со всякаго по десяти рублевъ.
Обходилъ онъ, Чурила, князей и бояръ,
И собралъ ко князю на почестной пиръ.
А и зайдетъ онъ, Чурила Пленковичъ,
Въ домъ ко старому Бермятѣ Васильевичу,
Ко его молодой женѣ,
Ко той Катерины прекрасной;
И тутъ онъ позамѣшкался;
Ожидаетъ его Владиміръ князь,
Что долго замѣшкался.
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Чурила Пленковичъ, —
Втапоры Владиміръ князь
Ни во что положилъ:
Чурила пришелъ—и столъ пошелъ.
Стали пити-ясти, прохлаждатися,

Всѣ князи и бояра до пьяна напивалися,
Для новаго стольника, Чурилы Пленковича;
Всѣ они напивалися и домой разъѣзжалися.
По утру рано ранешенко
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояра пошли къ заутрени;
Въ тотъ день выпадала
Пороха снѣгу бѣлаго:
И нашли они свѣжій слѣдъ;
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай;
А иные тутъ усмѣхаются,
Усмѣхаются сами говорятъ:
— Знать, это не зайка скакалъ,
— Не зайка скакалъ, не бѣлъ горностай;
— Это шелъ Чурила Пленковичъ
— Къ старому Бермятѣ Васильевичу
— Къ его молодой женѣ
— Катеринѣ прекрасныя. —

II.

У князя было у Володиміра,
У Кіевсково было у Сыславича,
Было пированьицо почѐсное,
Чесно́ и хвально̀, больно радышно,
На многи на князи на бо̀яра
И на всю поляницу, на удалыхъ молодцовъ.
Становилась яства пята-на̀-двадцать —

Бѣлая лебёдушка подъ уксусомъ.
Рушила княгиня лебедь бѣлую,
Заглядѣлась она на Чурилу на Цыпленковича,
Порѣзала княгиня руку лѣвую;
Со стыду со сраму́ подъ столъ руку свѣсила...
Сказана Чурилѣ служба я́вленая:
Ему ѣздить городу по Кіеву,
Ему звать гостей съ гости́ными жоны,
Ему звать князей со княгинюшками,
Ему звать бояръ со боярынями.
Встаетъ Чурила ранёхонько,
Умывается Цыплёнковичъ бѣлёхынько,
Надѣватъ сапожки—зелёнъ сафьянъ,
Пятки гла̀дки, носки́ плоски́,
Кругъ пяты хоть яйцо̀мъ прокати,
Подъ пяту воробей проскочи.
Поѣхалъ Чурилушка по городу по Кіеву,
Заглядѣлись на Чурилу всѣ люди-тѣ:
Гдѣ дѣвушки глядятъ,—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ,—лишь оконенки звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ, — манатьи́ на себѣ дёрутъ.

III.

Онъ добро по городу погуливалъ:
Подъ нимъ травка-муравка не топчется,
Лазоревый цвѣточикъ не ломится,
Зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется.
Что съ вечера пороша порошила,

Съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ,
Выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ.
По той-то порошѣ два слѣдочка лежатъ,
Малы́мъ-то малы́, коротешеньки.
Стары старики собиралися,
Они тѣмъ слѣдкамъ дивовалися:
— Чьи это слѣдки малешеньки,
— Малы́мъ-то малы́, коротешеньки,
— Это молода Чурила, сына Плёнковича. —
Выходили часовы, выносили фонари,
Выходила госпожа Пермитьиха,
Беретъ она Чурилу за бѣлыя руки,
За бѣлыя руки, за златы перстни,
Ведетъ его въ новую горницу,
Садитъ его за дубовый столъ,
Поитъ его сладкимъ медомъ, зеленымъ виномъ.
Тутъ-то сѣнной ея дѣвушкѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Пошла она — боярину пожаловалась:
— Ты гой еси, нашъ превысокой господинъ!
— У насъ въ дому чудо чудится,
— Чудо чудится, диво дѣется:
— Чурило Плёнковичъ гоститъ у тебя. —
Скочилъ Пермитьевъ на рѣзвы ноги,
Говоритъ онъ таковы слова:
— Налей ты мнѣ чару зелена вина,
— Зелена вина въ полтора ведра! —
Беретъ Пермитьевъ чару единой рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Беретъ онъ со спички востру сабельку,

Пошелъ Пермитьевъ въ нову горницу.
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ поколачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На спички, подъ спички посматриватъ;
Увидѣлъ на спичкѣ золотъ калпакъ:
— Это чтò? Мнѣ ненадобно!
Подходила госпожа Пермитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господинъ!
— Я по городу ходила, по базару гуляла,
— По базару гуляла, у батюшки была,
— Мнѣ батюшка пожаловалъ, родимый подарилъ:
— Хочу я тебя срядить лучше стараго,
— Лучше стараго, лучше новаго. —
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ поколачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На грядки, подъ грядки поглядыватъ,
Увидѣлъ на грядкѣ перчатки шелковы:
— Это чтò? Мнѣ ненадобно!
Подходила госпожа Пермитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господинъ!
— Я по городу ходила, по базару гуляла,
— По базару гуляла, у матушки была,
— Мнѣ матушка дала, родна жаловала:
— Хочу я тебя срядить лучше стараго
— Лучше стараго, лучше новаго. —
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,

Чеботами въ полъ поколачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На полки, подъ полки поглядыватъ,
Увидѣлъ на полкѣ зеленъ кафтанъ:
— Это что̀? Мнѣ ненадобно!
Подходила госпожа Пермитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господинъ!
— Я по городу ходила, по базару гуляла,
— У братца была, мнѣ братецъ пожаловалъ,
— Братецъ пожаловалъ, родной подарилъ:
— Хочу я тебя срядить лучше стараго,
— Лучше стараго, лучше новаго. —
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ поколачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На лавки, подъ лавки поглядыватъ;
Увидѣлъ подъ лавкой сафьяны сапожки:
— Это что̀? Мнѣ ненадобно!
Подходила госпожа Пермитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господинъ!
— Я по городу ходила, по базару гуляла,
— По базару гуляла, у сестрицы была,
— Мнѣ сестрица подарила, родна жаловала,
— Хочу я тебя срядить лучше стараго,
— Лучше стараго, лучше новаго. —
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ поколачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,

На печку, за печку поглядыватъ;
Увидѣлъ за печкой двѣ свѣчки горятъ:
То ясны очи глядятъ, то Чуриловы.
— Выходи-ко ты, Чурило, середи пола̀:
— До тебя-то мнѣ, Чурило, дѣлу нѣту-ка,
— Мы съ тобой, Чурило, побратуемся...
— Ты гой еси, княгиня моя, превысока госпожа!
— Выходи-ко ты, княгиня, на красно̀ крыльцо,
— На красно̀ крыльцо, на перильчато:
— Женю я тебя, княгиня моя, на другомъ женихѣ,
— На другомъ женихѣ — вострой сабелькѣ. —

Ставръ Годиновичъ.

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ-пированьице
На всѣхъ на князей и на бояръ,
На русскіихъ могучихъ на богатырей
И на всю паленицу удалую.
Красное солнышко на вечери,
Всѣ молодцы пьяны-веселы,
Всѣ на пиру порасхвастались,
А только сидитъ одинъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
Не ѣстъ не пьетъ и не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Налилъ ему чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,

Разводилъ медамы настоялыма,
Подносилъ ко Ставру сыну Годиновичу,
А самъ говорилъ таковы слова:
— Что же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ,
— Не ѣшь не пьешь и не кушаешь,
— Самъ ты сидишь — ни чимъ ни хвастаешь,
— Или не чимъ тебѣ, молодцу, похвастати? —
Говорилъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Още есть у Ставра чимъ похвастати:
— Мои добрые молодцы не старятся,
— Мои добрые конюшки не держатся,
— Моя золота казна не тощится;
— Да еще есть у Ставра молода жена,
— Молода Василиста Микулична:
— Всѣхъ-то князей-бояръ пріобманетъ,
— Самого тебя, Владиміра, съ ума сведетъ. —
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
— Ай же, мои слуги вѣрные!
— Берите-тко Ставра сына Годиновича
— За него за ручушки за бѣлыя,
— За него за перстни за злаченые,
— И ведите-ка на погреба холодные
— За его за рѣчи неумильныя.—
Взяли Ставра сына Годиновича
За него за ручушки за бѣлыя,
За эти за перстни за злаченые,
И свели его на погреба холодные.
Провѣдала его молода жена,
Молода Василиста Микулична,

Что ей любимый мужъ Ставеръ сынъ Годиновичъ
Въ полону сидитъ на погребѣ холодноемъ.
Въ тотъ часъ Василиста Микулична
Пошла по палаты бѣлокаменной,
По своей по комнаты по богатырскоей,
Воскричала-то она во всю голову,
Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:
— Ай же вы, служанки мои вѣрныя!
— Поспѣвайте-ка ко мнѣ скоро-нà-скоро,
— Рубите-тко мои косы русыя,
— Несите-ка мнѣ платьица посыльныя
— Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго. —
Подбѣгали къ ней служаночки вѣрныя,
Скорешенько отрубили ей ты косыньки русыя,
Одѣли ей одежицы посыльныя
И засѣдлали ей добра коня богатырскаго.
Садилась Василиста Микулична
На добра коня богатырскаго,
Поѣхала она посломъ въ стольно-Кіевъ градъ.
Пріѣхала ко князю Владиміру на широкъ дворъ,
Шла она во палату бѣлокаменну,
На пяту дверь поразмахиватъ.
Ступила своей ножкой правою
Во славную во гридню княженецкую:
Столики во гриднѣ постряхнулися,
Околенки хрустальны поразсыпались,
Полагала она грамоту посыльную на золотъ столъ,
Называлася посломъ со славной земли Гленскія.
Тутъ она у князя у Владиміра
Посваталась на прекрасной дочери любимоей.

Говоритъ дочи князя Владиміра:
— Батюшка Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не выдай дѣвчины за женщину...
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же вы, слуги мои вѣрные!
— Истопите-тка парную баянку,
— Умыться бы и попариться послу во парной во баянкѣ;
— Я самъ схожу съ посломъ во парную во баянку. —
Истопили парную баянку,
Приходилъ посолъ во парную во баянку,
Скоро-на̀-скоро умылся и упарился,
И на стрѣту идетъ ко князю ко Владиміру.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что же ты, посолъ земли Гленскія,
— Скоро умылся во парной во баянкѣ? —
— Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Мое дѣло есть дорожное
— И мое дѣло есть посыльное:
— Мнѣ не долго проклаждатися во баянкѣ. —
Пришли они въ палату бѣлокаменну,
И проситъ она борца-поединщичка,
Побороться ей надо объ одной ручкѣ...
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Какъ отдать Ставра, не видать Ставра,
— А не отдать Ставра, разгнѣвить посла. —
Приводили Ставра на широкъ дворъ
Со славныимъ посланникомъ боротися.
Середи двора они становилися,
На борьбу-рукопашку сходилися.

Тотъ посолъ земли Гленскія
Поборолъ Ставра сына Годиновича.
Здынула она его со матушки со сырой земли,
Становила его на рѣзвы ноги,
Брала его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Называла его любимою семеюшкой,
Говорила ему таковы слова:
— Ай же, Ставръ сынъ Годиновичъ!
— Не учись-ка впредь женой хвастати:
— Самъ ты погинешь и меня сгубишь! —
Тутъ они садились на добрыхъ коней,
Поѣхали во свои палаты бѣлокаменны,
Стали жить да быть, да долго здравствовать.

Потокъ Михайло Ивановичъ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ
На три братца названые,
Свѣто-русскіе могучіе богатыри,
А на перваго братца названаго
Свѣто-русскаго могучаго богатыря,
На Потока Михайлу Ивановича;
На другого братца названаго,

На молода Добрыню Никитича;
На третьяго братца названаго,
Что на молода Алешу Поповича.
Что взговоритъ тутъ Владиміръ-князь:
— А и ты, гой еси, Потокъ Михайло Ивановичъ!
— Сослужи мнѣ службу заочную,
— Съѣзди ты ко морю синему,
— На теплыя, тихи заводи,
— Настрѣляй мнѣ гусей, бѣлыхъ лебедей,
— Перелетныхъ малыхъ уточекъ
— Къ моему столу княженецкому;
— До люби я молодца пожалую. —
Потокъ Михайло Ивановичъ
Не пьетъ онъ, молодецъ, ни пива, ни вина,
Богу помолясь, самъ и вонъ пошелъ. —
А скоро-де садился на добра коня,
И только его увидѣли,
Какъ молодецъ за ворота выѣхалъ, —
Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.
Онъ будетъ у моря синяго,
По его по щаски великія
Привалила птица къ круту берегу,
Настрѣлялъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей
И перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Хочетъ ѣхать отъ моря синяго —
Посмотрѣть на тихія заводи —
И увидѣлъ бѣлую лебедушку,
Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ
И скатнымъ жемчугомъ усажена.

Вынимаетъ онъ, Потокъ,
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую;
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спуститъ калену стрѣлу —
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
— А и ты, Потокъ Михайло Ивановичъ!
— Не стрѣляй ты меня, лебедь бѣлую,
— Не въ кое время пригожуся тебѣ. —
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулася душой красной дѣвицей,
А и Потокъ Михайло Ивановичъ
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки
И цѣлуетъ ее во уста сахарныя;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Въ та поры больно его уговаривала:
— А ты, Потокъ Михайло Ивановичъ!
— Хотя ты на мнѣ и женишься,
— И кто изъ насъ прежде умретъ,
— Второму за нимъ живому во гробъ идти. —
Въ та поры Потокъ Михайло Ивановичъ

Садился на своего добра коня,
Говорилъ таково слово:
— А и ты, гой еси, Авдотья Лиховидьевна!
— Будемъ въ городѣ Кіевѣ,
— Въ соборѣ ударятъ къ вечернѣ въ колоколъ;
— И ты въ та поры будь готовая,
— Приходи къ церкви соборныя,
— Тутъ примемъ съ тобою обрученье свое. —
И скоро онъ поѣхалъ къ городу Кіеву отъ моря синяго,
Авдотьюшка Лиховидьевна
Полетѣла она бѣлой лебедушкой въ Кіевъ градъ
Ко своей сударынѣ-матушкѣ,
Къ матушкѣ и къ батюшкѣ.
Потокъ Михайло Ивановичъ
Нигдѣ не мѣшкалъ, не стоялъ;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Перво его въ свой домъ ускорить могла —
И сидитъ она подъ окошечкомъ косящатымъ,
Сама усмѣхается;
А Потокъ Михайло Ивановичъ
Ѣдетъ, самъ дивуется:
— А нигдѣ я не мѣшкалъ, не стоялъ,
А она перво меня въ домѣ появилася. —
И пріѣхалъ онъ на княженецкой дворъ;
Приворотники доложили стольникамъ,
А стольники князю Владиміру,
Что пріѣхалъ Потокъ Михайло Ивановичъ.
И велѣлъ ему князь ко крылечку ѣхать.
Скоро Потокъ скочилъ со добра коня,

Поставилъ ко крылечку красному,
Походитъ во гридню свѣтлую,
Онъ молится Спасову образу,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны:
— Здравствуй ты, ласковой сударь, Владиміръ-
князь!
— Куда ты меня послалъ, то сослужилъ,
— Настрѣлялъ я гусей, бѣлыхъ лебедей,
— Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
— И самъ сговорилъ себѣ красну дѣвицу,
— Авдотьюшку Лиховидьевну,
— Къ вечернѣ быть въ соборѣ
— И съ ней обрученье принять.
— Гой еси, ласковой сударь, Владиміръ-князь!
— Хотѣлъ было сдѣлать пиръ простой
— На три брата названые,
— А нынѣ для меня одного
— Доспѣй свадебной пиръ веселой,
— Для Потока Михайлы Ивановича. —
А и тутъ въ соборѣ къ вечернѣ въ колоколъ
ударили.
Потокъ Михайло Ивановичъ къ вечернѣ пошелъ;
Съ другу сторону Авдотьюшка Лиховидьевна
Скоро въ та поры наряжалася и убиралася,
Убравши къ вечернѣ пошла;
Ту вечерню отслушали.
А и Потокъ Михайло Ивановичъ
Соборнымъ попамъ поклоняется,
Чтобъ съ Авдотьюшкой обрученье принять;

Эти попы соборные
Тому они дѣлу радошны:
Скоро обрученье сдѣлали;
Тутъ обвѣнчали ихъ и привели къ присягѣ такой:
Кто перво умретъ,
Второму за нимъ живому въ гробъ идти.
И походитъ Потокъ Михайло Ивановичъ
Изъ церкви вонъ со своею молодою женою,
Съ Авдотьюшкой Лиховидьевной,
На тотъ широкой дворъ ко князю Владиміру;
Приходитъ во свѣтлы гридни,
И тутъ имъ князь сталъ веселъ, радошенъ,
Сажалъ ихъ за убраны столы.
Въ та поры для Потока Михайлы Ивановича столъ пошелъ:
Повары были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя, —
А и тутъ пили, ѣли, прохлаждалися,
Предъ княземъ похвалялися...
И не мало время замѣшкавши
День къ вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
Потокъ Михайло Ивановичъ
Спать въ подклѣть убирается;
Свели его во гридню спальную,
Всѣ тутъ князи и бояра разъѣхалися,
Разъѣхались и пѣшкомъ разбрелись.
У Потока Михайлы Ивановича
Со молодой женой Авдотьей Лиховидьевной

Не много житья было — полтора года:
Захворала Авдотьюшка Лиховидьевна,
Съ вечера она расхворается,
Ко полуночи разболѣлася,
Ко утру и преставилася.
Рано зазвонили къ заутрени;
Онъ пошелъ, Потокъ, соборнымъ попамъ вѣсть подавать,
Что умерла его молода жена;
Приказали ему попы соборные
Тотчасъ на саняхъ привезти
Ко тая церкви соборныя,
Поставить тѣло на паперти;
А и тутъ стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною до двадцати сажень, —
Сбиралися тутъ попы со дьяконами
И со всѣмъ церковнымъ причетомъ,
Погребали тѣло Авдотьино.
И тутъ Потокъ Михайло Ивановичъ
Съ конемъ и сбруею ратною
Опустился въ тое-жъ могилу глубокую,
И заворочали потолокомъ дубовыимъ
И засыпали песками желтыми,
А надъ могилою поставили деревянной крестъ, —
Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
Которая была привязана къ колоколу соборному.
И стоялъ онъ, Потокъ Михайло Ивановичъ,
Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
Съ полудни до полуночи,

И для страху добывъ огня,
Зажигалъ свѣчи воску яраго.
И какъ пришла пора полуночная
Собирались къ нему всѣ гады змѣиные,
А потомъ пришелъ большой змѣй,
Онъ жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ;
А потомъ Михайло Ивановичъ
На то-то не робокъ былъ,
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И ссѣкаетъ ему голову,
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
Въ та поры она, еретница,
Изъ мертвыхъ пробуждалася,
И онъ за тое веревку ударилъ въ колоколъ
И услышалъ трапезникъ,
Бѣжитъ тутъ къ могилѣ Авдотьиной,
Ажно тутъ веревка изъ могилы къ колоколу
торгается.
И собираются тутъ православный народъ,
Всѣ тому дивуются,
А Потокъ Михайло Ивановичъ
Въ могилѣ реветъ зычнымъ голосомъ.
И разрывали тое могилу наскоро,
Опускали лѣстницы долгія,
Вынимали Потока и съ добрымъ конемъ
И со его молодой женой,
И объявили князю Владиміру
И тѣмъ попамъ соборныимъ,

Поновили ихъ святой водой,
Приказали имъ жить по-старому.
И какъ Потокъ живучи состарѣлся,
Состарѣлся и переставился,
Тогда попы церковные,
По прежнему ихъ обѣщанію,
Его, Потока, похоронили,
А его молоду жену Авдотью Лиховидьевну
Съ нимъ же живую зарыли во сыру землю.
И тутъ имъ стала быть память вѣчная.

То старина, то и дѣянье.

Михайло Потыкъ и сорокъ каликъ со каликою.

Собиралося сорокъ каликъ со каликою
Итти ко славну городу Іерусалиму
Чуднымъ крестамъ помолитися,
Ко святымъ мощамъ приложитися.
Шили они полсумки рыта бархата
И шили лапотики изъ семи шелковъ
Шемахинскіихъ.
У нихъ вплетено въ лапотикахъ въ пяткѣ-носкѣ
По ясному по камешку самоцвѣтному.
Клали оны между собой великій залогъ,
Кто покрадетъ, али какой другой грѣхъ совершитъ,

Тому теменемъ языкъ вынимать,
Ясны очушки выкапывать.
И шли оны въ путь-дороженьку, отправлялися;
Оны день идутъ по красному по солнышку,
А въ ночь идутъ по самоцвѣтному по камешку.
И пришли оны ко стольно-Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Попалъ онъ въ стрѣту имъ на мостику
золоченоемъ,
Попалъ въ стрѣту, низко кланялся.
И скричали оны громкимъ голосомъ:
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Дай-ка намъ, каликамъ, милостину:
— Не рублемъ беремъ мы и не полтиною
— Беремъ-то мы цѣлыма тысячамы. —
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Давалъ имъ каликамъ сорокъ тысячей
И отпустилъ ихъ во путь во дороженьку.
Увидала княгиня Опраксія —
Она по просту въ окошечко заглядывала —
Во тыхъ ли каликахъ перехожіихъ
Насмотрѣла душечку Михайла
Потыка сына Ивановича:
Михайло-то Потыкъ сынъ Ивановичъ
Ей, Опракси, во люби пришелъ,
Говорила Опраксія таковы слова:
— Ай же вы, нищія калики перехожія!
— Ступайте ко мнѣ во высокъ теремъ:
— Я васъ, каликъ, накормлю до сыта
— И напою васъ до пьяна. —

Заходили оны во высокъ теремъ.
Садила-то ихъ за столики дубовые,
Клала на столъ скатерти браныя,
Кормила ихъ ѣствушкой сахарнею,
Поила ихъ питьицемъ медвяныимъ,
Поила-то она ихъ до пьяна.
Душечку Михайла
Потыка сына Ивановича
Приводила она въ покои въ особые,
Говорила ему рѣчи умильныя...
Говорилъ Михайло таковы слова:
— Молода княгиня Опраксія!
— А положенъ у насъ великъ залогъ:
— Кто украдетъ, кто другой грѣхъ совершитъ,
— Ему теменемъ языкъ вынимать,
— Очушки ясныя выкапывать,
— Не могу я на грѣхъ посягнуться. —
Этыя ей рѣчи не слюбилися.
Призывала она любимаго чашника,
Даваетъ ему чашу княженецкую,
Съ которой чаши Владиміръ князь
Испиваетъ зелено вино,
И велитъ ему тую чашу княженецкую
Полагать во тотъ подсумокъ рыта бархата
У душечки Михайла
Потыка сына Ивановича.
Спали добры молодцы, высыпалися,
Высыпалися оны, пробуждалися,
Надѣвали подсумки рыта бархата,
Брали клюхи-то дорожныя въ бѣлы руки

И шли оны во путь во дороженьку.
Не поспѣли оны отойти
Отъ палатъ бѣлокаменныхъ,
Скачетъ Алешенька Поповичъ, рукой машетъ,
Кричитъ Алеша во всю голову:
— Ай же вы, калики перехожія!
— Почто украли чашу княженецкую?
— Не калики вы есть,
— Воры вы, разбойники! —
Этыя рѣчи не слюбилися:
Брали оны клюхи-то дорожныя,
Стали-то Алешу поколачивать,
Спустили Алешу едва жива домой.
Не успѣлъ одинъ гонецъ со глазъ сойти,
Ѣдетъ опять погоня великая,
Ѣдетъ молодой Добрынюшка Никитиничь.
Добрынюшка-то онъ во послахъ бывалъ,
Во послахъ бывалъ, говорить гораздъ, —
Онъ очень тихо ѣдетъ, самъ покланяется,
Говоритъ Добрыня таковы слова:
— Ай же вы, калики перехожія!
— У насъ чаша княженецкая потерялася.
— Не попала ли вамъ чаша ошибкою
— Во подсумки рыта бархата? —
Оны всѣ калики становилися,
Сымали подсумки рыта бархата,
Стали искать чаши княженецкія
Во тыхъ во подсумкахъ глубокіихъ.
Объявилася чаша княженецкая
Въ подсумкѣ у Михайла

Потыка сына Ивановича.
Отдавали оны чашу Добрынюшкѣ Никитичу,
И поѣхалъ Добрынюшка Никитиничь
Со великою со радостію,
Со тою чашей княженецкою.
Взяли калики перехожія,
У душечки Михайла Потыка
Сына Ивановича,
Теменемъ языкъ вытянули,
Ясны очушки ему повыкопали,
Бросили его въ раздольице чисто поле,
Пошли калики, сами заплакали.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ на четырехъ костяхъ
Поплылъ во зеленый лугъ,
Приплывалъ онъ ко сыру дубу.
Прилетала птичка райская,
Садилась на тотъ на сырой дубъ,
Пѣла она пѣсни царскія:
„Кто въ эту пору-времячко
„Помоется росою съ этой шелковой травы,
„Тотъ здравъ будетъ.“
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ догадается,
Умывался росою съ этой шелковой травы:
Заростились его раночки кровавыя,
Сталъ онъ молодецъ здравъ по прежнему.

———

Дунай Ивановичъ.

I.

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ-пированьице
На многихъ князей на бояръ,
На русскихъ могучіихъ богатырей.
Сталъ по горницы Владиміръ князь похаживать,
Пословечно сталъ онъ выговаривать:
— Всѣ есть добры молодцы поженены,
— Всѣ-то красны дѣвушки замужъ даны,
— Только я одинъ хожу холостъ, не жененый.
— То вы знаете ль мнѣ, братцы, супротивничку,
— Чтобы лицюшкомъ-то была супротивъ меня,
— Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
— Бровушки-то у ней черныхъ соболей,
— Походочка была бы лани бѣлыя,
— Бѣлыя лани Напольскія,
— Напольскія лани златорогія,
— Чтобы было мнѣ съ кѣмъ жить да быть,
— Жить да быть, вѣкъ коротати,
— И вамъ, молодцамъ, было бы кому
покланятися. —
Всѣ молодцы за столомъ умолкнули,
Пріумолкнули всѣ, затулялися:

Бо̀льшая тулица къ середнюю,
Середняя тулица за меньшую,
Отъ меньшей тулицы отвѣту нѣтъ.
Изъ-за тыхъ за столиковъ дубовыихъ,
Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольніихъ
Вышелъ старый Пермилъ сынъ Ивановичъ,
Понизешенько онъ князю поклоняется:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Знаю я тебѣ княгиню супротивницу:
— Лицюшкомъ-то она супротивъ тобя,
— Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
— Бровушки-то у ней черныхъ соболей,
— Походочка у ней лани бѣлыя,
— Бѣлыя лани Напольскія,
— Напольскія лани златорогія:
— Будетъ съ кѣмъ тебѣ князю жить да быть,
— Жить да быть, вѣкъ коротати,
— И намъ молодцамъ будетъ кому покланятися.
— Во той есть во славной Литвы,
— У того есть у короля Литовскаго
— Дочь прекрасная Опракса королевична;
— Сидитъ она во теремѣ въ златомъ верху,
— На ню красное солнышко не оппекетъ,
— Буйные вѣтрушки не оввѣютъ,
— Многіе люди не нахвалятся. —
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
— Ай же ты, Пермилъ сынъ Ивановичъ!
— Кого мнѣ-ка послать посвататься
— За меня, за князя за Владиміра,
— На прекрасной на Опраксы королевичны? —

Говорилъ Пермилъ таковы слова:
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Я про то знаю, кого послать посвататься
— За тобя за князя за Владиміра
— На прекрасной на Опраксы королевичны:
— Послать тихія Дунаюшка Ивановича;
— Онъ, Дунаюшка, во послахъ бывалъ,
— Онъ, Дунай, много земель знавалъ,
— Онъ, Дунаюшка, говорить гораздъ:
— Ему, Дунаюшку, и посвататься. —
Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Подносилъ-то онъ ко тихому Дунаюшку Иванову.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
Принимаетъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Ѣду я за добрымъ дѣломъ за сватовствомъ,
— Посвататься за тобя за князя за Владиміра
— На прекрасной на Опраксы королевичны.
— Только дай мнѣ во товарищахъ
— Моего-то братца крестоваго,
— Молода Васильюшка Казимірова. —
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Наливаетъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Подносилъ къ Васильюшку Казимірову.

Молодой Васильюшка Казиміровъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
Принимаетъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Ѣду я въ товарищахъ съ Дунаюшкой,
— Только дай намъ еще въ товарищахъ
— Василья паробка заморскаго:
— Ему, Васильюшку, коней сѣдлать,
— Ему, Васильюшку, разсѣдлывать,
— Плети подавать, плети принимать. —
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Наливалъ онъ чару зелена вина
Не малую стопу — полтора ведра,
Подносилъ къ Василью паробку заморскому.
Васильюшка паробка заморскиій
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
Принимаетъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Ѣду я въ товарищахъ къ Васильюшку
Казимірову
— И къ тихія Дунаюшку Ивановичу. —
Оны шли въ свои палаты бѣлокаменны,
Сѣдлали добрыхъ коней богатырскіихъ,
Садились на добрыхъ коней, поѣхали
Во славную во эту въ хоробру Литву.
Пріѣхали къ королю на широкій дворъ,

Становили коней посередь двора.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Со своей дружинушкой хороброей
Шелъ онъ во палату бѣлокаменну,
На пяту онъ дверь-то поразмахивалъ,
Крестъ онъ клалъ по писаному
Поклонъ онъ велъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки покланяется,
Самому-то королю въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣнныимъ.
Сталъ король у нихъ выспрашивать:
— Вы откулешны, удаленьки дородни добры
молодцы? —
Говорилъ Дунай таковы слова:
— Есть мы со славной матушки со святой Руси
— Отъ ласкова князя отъ Впадиміра, —
Король садитъ-то ихъ за столики дубовые,
За тыя за скамейки за окольныя,
Кормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Поилъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Поднесъ къ тихому Дунаюшку Иванову.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Беретъ онъ эту чарочку одной рукой,
Онъ за этой чарочкой посватался
За того за князя за Владиміра
На прекрасной на Опраксы королевичны.
Говорилъ ему король таковы слова:

— Глупый Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Онъ не знай кого послать ко мнѣ посвататься,
— Изъ крестьянъ ко мнѣ крестьянина богатаго,
— Изъ бояръ мнѣ-ка боярина хорошаго,
— Изъ богатырей богатыря могучаго;
— Онъ послалъ ко мнѣ холопину дворянскую!
— Ай же вы, мои слуги вѣрные!
— Вы берите-тко Дунаюшка за ручушки за бѣлыя,
— За него за перстни за злаченые,
— Ведите-тко на погреба глубокіе
— За него за рѣчи неумильныя. —
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Видитъ онъ: дѣло есть не малое,
Скорешенько онъ скочитъ черезъ золотъ стулъ,
Схватилъ онъ татарина за ноги,
Сталъ онъ татариномъ помахивать,
Сталъ онъ татаръ покалачивать.
Король по застолью бѣгаетъ,
Куньею шубой укрывается:
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
— Садись-ка со мной за единый столъ,
— Сдѣлаемъ съ тобой мы сватовство
— За того за князя за Владиміра
— На моей-то дочери любимыя,
— На прекрасныя Опраксы королевичны. —
Говорилъ Дунай таковы слова:
— Не учествовалъ молодцевъ пріѣдучись,
— То не ужаловать ти молодцевъ уѣдучись:
— Я въ честь возьму Опраксу за князя за
Владиміра,

— А не въ честь Опраксу за товарища,
— За того возьму за паробка любимаго.—
Пошелъ тихій Дунаюшка ко терему,
Сталъ онъ замочиковъ отщалкивать,
Сталъ онъ дверцы выставливать,
Пришелъ-то онъ въ теремъ, во златы верхи,
Ко прекрасныя Опраксы королевичной.
Прекрасная Опракса королевична
Ходитъ по терему, злату верху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
У ней русая коса пораспущена.
Говорилъ ей Дунай таковы слова:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Идешь ли ты замужъ за князя за Владиміра? —
Говорила она таковы слова:
— Три года я Господу молилася,
— Чтобъ попасть мнѣ за мужъ за князя за
Владиміра. —
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Беретъ ю за ручушки за бѣлыя,
За нея за перстни за злаченыя,
Цѣловалъ ю въ уста во сахарнія
За нея за рѣчи за умильныя.
Приводилъ ю на широкій дворъ:
Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славну по раздольицу чисту полю.
Говоритъ ему Опракса королевична:
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
— Есть у меня сестрица родимая,

— Молода Настасья королевична:
— Она ѣздитъ во чистомъ полѣ паленицею,
— Имѣетъ въ плечахъ силушку великую;
— Ежели наѣдетъ васъ въ раздольицѣ чистомъ
полѣ,
— Съ ней не дѣлайте противности великія. —
Раздернули шатры бѣлые въ чистомъ полѣ,
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Насыпали имъ пшены бѣлояровой.
Наѣхала Настасья королевична
Изъ того раздольица чиста поля,
Накатилася за ними, какъ сильна гора.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Поздравствовалъ Настасью королевичну
И говорилъ ёй таковы слова:
— Ай же ты, Настасья королевична!
— Идетъ твоя сестрица родимая,
— Прекрасная Опракса королевична
— За славнаго за князя за Владиміра:
— А ты поди-тко замужъ за меня,
— За тихія Дунаюшка Ивановича. —
Пошла она за тихія Дунаюшка Ивановича.
Пріѣхали оны въ стольно-Кіевъ градъ,
Ко князю ко Владиміру на широкъ дворъ,
Ихъ срѣтаетъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
И ведетъ ихъ во палаты бѣлокаменны;
Накормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Напоилъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
Сходилъ съ нима во матушку въ Божью церкву,
Принимали-то оны златы вѣнцы,

Выходили со матушки съ Божьей церквы,
Пришли оны въ палаты бѣлокаменны;
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьице
На всѣхъ на князей на бояръ,
На русскіихъ могучихъ на богатырей
И на всю паленицу удалую.
Стали испивать хмѣльныихъ напиточекъ...

II.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Было пированьице почестенъ пиръ
На многихъ князей на бояръ,
На могучіихъ на богатырей.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
Испроговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Всѣ на пиру поженены,
— Одинъ я, князь, не женатый есть.
— Знаете ли вы про меня княгиню супротивную,
— Чтобы ростомъ была высокая,
— Станомъ она становитая,
— И на лицо она красовитая,
— Походка у ней часта и рѣчь баска,
— И было бы мнѣ князю съ кѣмъ жить да быть,

— Дума думати, долгіе вѣки коротати,
— И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
— Всѣмъ могучіимъ богатырямъ
— И всему красному городу Кіеву
— Было бы кому поклонятися? —
Всѣ за столомъ призамолкнули;
Одинъ удалый добрый молодецъ,
Изъ-по-имени Дунаюшка Ивановичъ,
Очень онъ пьянъ — не шатается,
Говоритъ рѣчи — не смѣшается,
Выходилъ за столика дубоваго,
Бьетъ челомъ, поклоняется:
— Князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Я знаю про то, вѣдаю
— Про тебя княгиню супротивную:
— Въ той во земли, въ хороброй Литвы,
— У того королевскаго величества,
— Есть двѣ дочери великія,
— Обѣ дочери на выдаваньи:
— Большая дочь Настасья королевична,
— Тая дочь все полякуетъ;
— А меньшая дочь все при домѣ живетъ,
— Тая есть Опракса королевична:
— Она ростомъ высокая,
— Станомъ она становитая,
— И лицомъ она красовитая,
— Походка у ней часта и рѣчь баска,
— Будетъ тебѣ, князю, жить да быть,
— Дума думати, долгіе вѣки коротати,
— И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,

— Всѣмъ могучіимъ богатырямъ
— И всему красному городу Кіеву
— Будетъ кому покланятися. —
Этыя рѣчи слюбилися,
Скажетъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
— Возьми ты у меня силы сорокъ тысячей,
— Возьми казны десять тысячей,
— И поѣзжай во тую землю, въ хоробру Литву,
— Добрымъ словомъ посватайся:
— Буде въ честь не даютъ, такъ ты силой возьми,
— А только привези Опраксу королевичну. —
Проговоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
— Солнышко ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не надо-ка силы сорокъ тысячей,
— Не надо казны десяти тысячей;
— Дай-ка ты мнѣ любимаго товарища,
— Любимаго товарища Добрыню Никитича. —
Испроговоритъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
— Пожалуй ты къ Дунаюшкѣ въ товарищи. —
Скоро Добрынюшка снаряжается,
И скоро оны выѣдутъ со города со Кіева,
Скоро садились на добрыхъ коней;
Видѣли добрыхъ молодцевъ сядучись,
Не видѣли добрыхъ молодцевъ ѣдучись,
Бытто ясные соколы попурхнули,
Такъ добрые молодцы повыѣхали.
И скоро будутъ во той земли, въ хороброй Литвы,
У того королевскаго величества,

На тотъ дворъ на королевскій
Противу самыихъ окошечекъ,
И скоро сходили со добрыхъ коней.
Проговоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
— Стой ты у коней, коней паси,
— А поглядывай на грыдню королевскую,
— На палату княженецкую:
— Каково мнѣ-ка будетъ, такъ тебя позову,
— А каково бы время, такъ пріѣхать бы. —
А приходитъ къ королевскому величеству,
Знаетъ онъ порядню королевскую,
Не надо креститься, молитвиться,
Бьетъ челомъ, покланяется:
— Здравствуй, батюшка, король хороброй Литвы!—
А оглянется король хороброй Литвы:
— А прежняя ты слуга, слуга вѣрная.
— Жилъ ты у меня ровно три году,
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ жилъ ты во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ ты во стольникахъ.
— Посажу тебя за большій столъ,
— За большій столъ, въ большо мѣсто:
— Ѣшь, молодецъ, до сыта
— И пей, молодецъ, до люби. —
И посадилъ его за большій столъ, въ большо мѣсто,
Сталъ его король выспрашивать:
— Скажи, скажи, Дунай, не утай собою,
— Куды ты поѣхалъ, куды путь держишь? —

— А поѣхалъ я за добрымъ дѣломъ,
— Засвататься на твоей дочери на Опраксіи.
Этыя рѣчи ему не слюбилися:
— Ай же вы, татаровья могучіе!
— Возьмите Дуная за бѣлы руки,
— Сведите Дуная во глубокъ погребъ
— И заприте рѣшетками желѣзныма;
— И пусть-ка во Литвы погоститъ,
— Въ погребу посидитъ,
— Можетъ, Дунай догадается. —
Выставалъ Дунай на рѣзвы ноги
И здымалъ рученьки выше своей буйной головы,
И опирается на рученьки о столы дубовые:
Столы всѣ дубовые раскряжалися,
Посуда вся поразсыпалася,
Всѣ татаровья испугалися.
И скоро прибѣгали слуги вѣрные
Съ того двора княженецкаго:
— Батюшка, король хороброй Литвы!
— Ѣшь ты, пьешь, утѣшаешься,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— На дворѣ дѣтина тотъ не знай собою,
— Держитъ во лѣвой рукѣ два повода добрыхъ коней,
— А во правой рукѣ дубина сарацинская:
— Какъ бывъ ясный соколъ попурхиваетъ,
— Такъ тотъ добрый молодецъ поскакиваетъ,
— На всѣ стороны дубиною размахиваетъ,
— И убилъ тотъ татаръ до единаго,
— Не оставитъ тотъ татаръ на сѣмена.

Проговоритъ король хороброй Литвы:
— Ай же, Дунаюшка Ивановичъ!
— Напомни ты старую хлѣбъ да соль,
— Оставь татаръ хоть на сѣмена:
— Отдамъ свою дочь королевичну
— За вашего князя за Владиміра. —
Скоро оны садились на добрыхъ коней
Съ молодой Опраксой королевичной.
Во тыя пути во дороженьки
Сустигала ихъ ночка темная;
Раздернули палатку полотняную
И тутъ добры молодцы и спать легли;
Во ноженьки поставили добрыхъ коней,
А въ головы востры копьи,
А по правую руку сабли вострыя,
А по лѣвую кинжалища булатныя.
И спятъ добры молодцы, высыпаются,
Темную ночь коротаючись;
Ничего добры молодцы не видѣли,
Хоть не видѣли оны, только слышали,
Какъ ѣхалъ татаринъ на чисто поле;
Ставали по утру ранешенько,
Выходили на путь на дороженьку:
Ѣдетъ татаринъ въ погоню въ слѣдъ,
Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрязывалъ,
За два выстрѣла камешки выметывалъ.
Поѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ.
Съ Опраксой королевичной ко городу ко Кіеву,
Поѣхалъ Дунаюшка Ивановичъ
По той по лошадиной по ископыти

За тымъ татариномъ въ погоню въ слѣдъ.
Видитъ татаринъ, что погоня въ слѣдъ:
Гдѣ было татарина такъ доѣзжать,
Гдѣ было татарина копьемъ торыкать,
Такъ съ татариномъ промолвился:
— Стой ты, татаринъ, во чистомъ полѣ,
— Рыкни, татаринъ, по звѣриному,
— Свисни, татаринъ, по змѣиному! —
Рыкнулъ татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ татаринъ по змѣиному:
Въ чистомъ полѣ камешки раскатывались,
Травешки въ чистомъ полѣ повянули,
Цвѣточки на землю повысыпали.
Упалъ Дунаюшка съ добра коня,
Скоро Дунаюшка ставалъ на рѣзвы ноги,
И сшибъ татарина съ добра коня:
— Скажи ты, татаринъ, не утай собою,
— Чьего ты, татаринъ, роду, чьего племени? —
Говорилъ татаринъ таковы слова:
— А какъ былъ бы я на твоихъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ ни родины, ни дѣдины,
— А пласталъ бы твои груди бѣлыя. —
Садился Дунаюшка на бѣлы груди,
Хочетъ пластать груди бѣлыя,
У него сердечушко ужахнулось,
А рука въ плечи застоялася:
То была Настасья королевична.
— Что же ты, Дунаюшка, не опозналъ?
— А мы въ одной дороженьки не ѣзживали,
— Въ одной бесѣдушки не сиживали,

— Съ одной чарочки не кушивали?
— А ты жилъ у насъ ровно три году:
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ ты жилъ во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ во стольникахъ. —
— Ай же ты, Настасья королевична!
— Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву,
— Примемъ мы чудны кресты, золоты вѣнцы.
Пріѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ той ко церкви соборныя;
Меньша сестрица вѣнчается,
Большая сестрица къ вѣнцу пришла.
Пиръ у нихъ пошелъ ровно по три дни,
На пиру Дунаюшка расхвастался:
— Во всемъ городѣ во Кіевѣ
— Нѣтъ такого молодца на Дуная Ивановича:
— Самъ себя женилъ, другого подарилъ. —
Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
— Не пустымъ ли ты, Дунаюшка, расхвастался?
— А и не долго я въ городѣ побыла,
— А много въ городѣ признала:
— Нѣтъ такого молодца на Добрыни Никитича,
— А нѣтъ на смѣлость Алеши Поповича,
— А на выстрѣлъ нѣтъ Настасьи королевичны:
— Стрѣляла я стрѣлочку каленую,
— Попадала стрѣлкой въ ножечный острей,
— Разсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки, —
— Обѣ половиночки ровны пришли,

— На взглядъ ровны и вѣсомъ ровны. —
И тутъ Дунаюшкѣ ко стыду пришло,
Скажетъ Дунаюшка Ивановичъ:
— Поѣдемъ, Настасьюшка, во чисто поле,
— Стрѣлять стрѣлочки каленыя. —
И выѣхали во чисто поле:
И стрѣляла она стрѣлочку каленую,
И попадала стрѣлкой въ ножечный острей,
Разсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
Обѣ половиночки ровны пришли,
На взглядъ ровны и вѣсомъ ровны.
И стрѣлилъ Дунаюшка Ивановичъ:
Такъ разъ стрѣлилъ, перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ,
И третій разъ стрѣлилъ, попасть не могъ.
Тутъ разсердился Дунаюшка Ивановичъ,
Наставилъ стрѣлочку каленую
Въ Настасьины бѣлы груди
И спущаетъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы груди:
Пала Настасья на головушку;
Пласталъ енъ ей груди бѣлы,
Вынималъ сердце со печенью, —
У нея во черевѣ младенецъ,
Такого младенца во градѣ нѣтъ:
По колѣнъ ножки-то въ серебрѣ,
По локоть руки-то въ золотѣ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
А въ теми пекетъ красное солнышко.
Тутъ самъ онъ на свои руки посягнулся.

Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

Днѣпра королевична и Донъ Ивановичъ.

Руськіе могучіе богатыри
И всѣ паленицы удалыя
Собиралися ко ласкову князю Владиміру
На почестенъ пиръ-пированьице.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Говоритъ Нѣпра королевична:
— А нѣтъ-то стрѣльцовъ добрыхъ молодцевъ
— Противъ меня, Нѣпры королевичны;
— А силою, молодецъ, ухваткою
— Противъ стараго казака Ильи Муромца;
— А красотою, молодецъ, угожествомъ
— Противъ Михайлы Потыка Иванова;
— А богачествомъ противъ Дюка Степанова;
— А тишиною, уговоромъ, смиреньицемъ
— Противъ молода Добрыни Никитича:
— У него ли рѣчи привѣтливы,
— У него ли рѣчи умильныя,
— Онъ прельститъ и уговоритъ;
— Нѣтъ молодцевъ походкой, пощипкой

— Противъ Чурилища Опленковича:
— Идетъ-то Чурилище по Кіеву,
— Дѣвки-бабы въ окошко бросаются. —
А сама говорила, не спохвалила
Своего-то мужа законнаго
Тихаго Дона сударь Ивановича.
Тутъ у тихаго Дона Ивановича
Разгорѣлось его сердце богатырское,
Богатырское сердце, молодецкое.
Говоритъ-промолвитъ таково слово:
— А когда жъ ты охоча стрѣлить стрѣлочка каленая:
— Пойдемъ-ка во раздольице чисто поле,
— Станемъ стрѣлить стрѣлочка каленая:
— Который изъ насъ вѣрняй стрѣлитъ? —
Какъ шли они на чисто поле,
Относили они колечико серебряно.
Стрѣлила Нѣпра королевична
Попадала во колечико серебряно
За тую за версту за мѣрную,
Колола она стрѣлочку ровнымъ ровно
На двѣ половиночки ровныя;
Клали на вѣсы половиночки,
Ни коя никою не перетягиватъ.
Какъ у тихаго Дона Ивановича
Разгорѣлось его сердце богатырское,
Богатырское сердце, молодецкое;
Началъ онъ стрѣлочкой помахивать,
Началъ онъ стрѣлочкѣ выговаривать:
— Ай же ты, моя любимая калена стрѣла!

— Пади-ка ни на воду, ни на землю,
— Пади-ка въ Нѣпру королевичну,
— А пади-ка ей во бѣлую грудь. —
Тутъ-то она прослезилася,
Начала плакать уливаючись,
Сама говоритъ таково слово:
— Ахъ ты тихій Донъ сударь Ивановичъ!
— Не стрѣляй меня Нѣпру королевичну;
— А несу тебѣ я сына любимаго:
— По колѣнъ-то ноженьки въ серебрѣ,
— По локоть-то рученьки въ золотѣ,
— А по косицамъ быдто звѣздушки,
— А назади быдто свѣтелъ мѣсяцъ,
— А спереди быдто солнышко. —
Какъ разгорѣлось его сердце богатырское,
Онъ ничего, молодецъ, не спрашивалъ,
Стрѣлилъ онъ ю во бѣлую грудь:
Пала Нѣпра на сыру землю,
Облилася кровью горячею.
Хватилъ онъ ножище-кинжалище,
Пласталъ ея груди бѣлыя, —
А несла она сына любимаго:
По колѣнъ-то ноженьки въ серебрѣ,
По локоть-то рученьки въ золотѣ,
А по косицамъ быдто звѣздушки,
А назади быдто свѣтелъ мѣсяцъ,
А спереди будто солнышко.
Какъ разгорѣлось его сердце богатырское,
Становилъ онъ ножище-кинжалище,
Становилъ онъ, самъ выговаривалъ:

— Куда пала головушка бѣлы лебеди,
— Тутъ пади головушка и сѣра гуся. —
Палъ онъ тутъ на ножище-кинжалище.
Тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ-рѣка
Отъ тыя отъ крови христіянскія,
Отъ христіянскія крови отъ напрасныя.
Глубиною рѣка двадцати сажень,
А шириною рѣка сорока сажень.

Богатыри новгородскіе

Тутъ онъ взялъ во праву руку
Образъ Миколы Угодника,
А во лѣвую гусли яровчаты,
Въ которой наигрыши есть нездѣшніи...

Василій Буслаевичъ.

Въ славномъ было во Новѣгородѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Буславъ цѣлу тысячу,
Живучи Буславъ не старился,
На достали Буславъ переставился,
Съ Новымъ-градомъ не перечился,
Съ каменной Москвой спору не было.
Оставалоси чадо милое
Мòлодый Василій сынъ Буславьевичъ.
Сталъ по улицкамъ похаживать,
Съ робятами шуточки пошучивать:
Кого за руку дернетъ — рука съ плеча,
Кого на ногу дернетъ — нога съ колѣнъ,
Кого за голову дернетъ — голова съ плечи вонъ.
Собирались мужики новгородскіи,
Собрались къ Васильевой матушки.
— Ай же Васильева матушка,
— Молодая Фетьма Тимоѳеевна!
— Уйми свое чадо милое
— Молода Василія Буславьева.
— А не уймешь Васильюшка Буслаева,
— Будемъ унимать всимъ Новымъ-градомъ,

— Сгонимъ Васильюшка подъ Волхово,
— Пихнемъ Васильюшка въ Волхово. —
Тутъ Васильева матушка,
Молодая Фетьма Тимоѳеевна,
Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу накинула на одно плечо,
Хватила свое чадо милое,
Хватила подъ правую подъ пазуху.
— Ай ты Василій сынъ Буслаевичъ!
— Какъ жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
— Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
— Живучи Буславъ не старился,
— На достали Буславъ переставился,
— Со Новымъ-градомъ не перечился,
— А съ каменной Москвой спору не было. —
Тутъ Василій сынъ Буславьевъ
Завелъ онъ свой почестенъ пиръ.
Накурилъ Василій зелена̀ вина,
Наварилъ Василій пива пьянаго,
На бѣлой дворъ бочки выкатывалъ,
На бочкахъ подписи подписывалъ,
На вёдрахъ подрѣзи подрѣзывалъ.
Мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ чара полтора пуда.
— Тотъ поди ко мнѣ на почестенъ пиръ,
— Кто выпьетъ эту чару зелена вина,
— Кто истерпитъ мой черленой вязъ. —
Какъ идутъ мужики новгородскіе
Скажутъ: къ чорту Василья и съ честнымъ пиромъ!
Идетъ въ стрѣту маленькій Потанюшко,

На правую ножку припадываетъ,
Онъ на небо поглядываетъ.
Говорятъ мужики новгородскіе:
— Не ходи, Потаня, на почестенъ пиръ!
— Не выпить тебѣ чары зелена вина,
— И нѐ стерпѣть вяза черленаго. —
Пришелъ-то маленькій Потанюшко,
Пришелъ Потаня на почестенъ пиръ,
Хватилъ енъ чарочку одной рукой,
Пилъ онъ чарочку однимъ духомъ.
Хлопнулъ Василій сынъ Буслаевичъ
Хлопнулъ вязомъ черленыимъ,
Стоитъ Потанюшко не стряхнется,
Его жолтыи кудри не сворохнутся.
Спрогòворитъ Василій сынъ Буслаевичъ:
— Ай же ты маленькій Потанюшка!
— Поди ко мнѣ въ дружинушки въ хоробрыи. —
Тутъ мужики новгородскіе
Заводили они почестенъ пиръ,
Накурили они зеленà вина,
Наварили пива пьянаго.
А всихъ-то они нà пиръ пòзвали,
А Василія Буславьева и не пòзвали.
Спрогòвори Василій сынъ Буславьевичъ:
— Пойду я, матушка, на почестенъ пиръ. —
Спрогòворитъ матушка родимая
Молодая Фетьма Тимоѳеевна:
— Не ходи, Василій, на почестенъ пиръ.
— Вси придутъ на пиръ гости званыи,
— Ты придешь на пиръ незваный гость. —

Спрогòворитъ Василій сынъ Буслаевичъ:
— Пойду я, матушка, на почестенъ пиръ.
— Куда меня посадятъ, я тамъ сижу.
— Что могу достать, то я ѣмъ да пью. —
Пошли со дружиною на почѐстенъ пиръ.
Приходитъ Василій на почѐстенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому.
— Здравствуйте, мужики новгородскіи! —
— Поди, Василій сынъ Буславьевичъ!
— Садись, Василій, во большомъ углу. —
Кормили тутъ Васильюшка досыта,
Поили Васильюшка дòпьяна.
— Бейся, Васильюшка, во великъ закладъ,
— Завтра итти на Волхово:
— Мы станемъ биться всимъ Новымъ-градомъ,
— А ты двоима со дружинушкой. —
Пошелъ Василій со честнà пиру,
Приходитъ къ матушкѣ родимоей
Прикручинивши, припечаливши.
Спрогòвори матушка родимая:
— Эй же Василій сынъ Буслаевичъ.
— Что ты, Василій, прикручинивши,
— Что ты, Василій, припечаливши?
— Вѣдь не чарой, Василій, тебя обнесли,
— Либо пьяница-собака обезчестила? —
Спрогòвори маленькой Потанюшка,
Его дружинушка хоробрая:
— Чарой Василья не òбнесли,
— И пьяница-собака не обезчестила:

— Онъ глупымъ умомъ, хмѣльнымъ ра̀зумомъ,
— Бился Василій о великъ закладъ:
— Что итти съ у́тра на Волхово,
— Имъ биться всимъ Новымъ-градомъ.
— А намъ двоима со дружинушкой. —
Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна
Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу накинула на одно плечо,
Намистку положила красна золота,
На дру́гую чистаго серебра,
На третьюю скатнаго жемчуга.
Пришла она на почестенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому.
— Здравствуйте, мужики новгородскіе
— Возьмите до̀роги подарочки,
— Простите Василья во той вины. —
Говорятъ мужики новгородскіе:
— Мы не во̀зьмемъ дороги подарочки
— И не простимъ Василья во той вины,
— Хоть повладѣемъ Васильевыма ко̀нями добрыма,
— Повладѣемъ платьями цвѣтныма. —
Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна,
Крестъ на лице, да съ терема̀ долой.
Ударила чоботомъ во липину,
А улетѣла липина во задній тынъ,
А у нихъ задній тынъ весь и разсыпался,
Вси крыльца-перильца покосилися.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Вставая по утру ранешенько,

Пошелъ на Дунай рѣку купатися.
Иде въ стрѣту дѣвушка чернавушка.
— Ай же ты, Василій сынъ Буслаевичъ,
— Зналъ загадки загадывать,
— А не знаешь нонѣ отгадывать:
— Прибили дружину во чистомъ поли. —
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Чоботы надернулъ на босу́ ногу,
Шубу накинулъ на одно плечо,
Колпакъ накинулъ на одно ухо.
Хватилъ Василій свой черленый вязъ,
Побѣжалъ Василій во чисто̀ поле,
Идетъ въ встрѣчу старчищо Андронищо,
Его иде крестный батюшко,
Надѣтъ на голову Софеинъ колоколъ.
— Ай же ты крестный батюшко,
— Зачѣмъ надѣлъ на голову Софеинъ колоколъ? —
Хлопнулъ крёстнаго батюшку,
Убилъ старчищо Андронищо.
Прибѣжалъ Васильюшко на Волхово,
Сталъ по Волхову поскакивать,
Черленымъ вязомъ помахивать.
Куды махнетъ — падутъ улицама́,
А въ перехватъ махнетъ — переу́лкама.
Кистенями головы переломаны,
Кушаками головы перевязаны,
Бѣжатъ къ Васильевой матушкѣ.
— Ай же ты Васильева матушка,
— Молодая Фетьма Тимоѳеевна!
— Уйми свое чудо милое,

— Оставь людей хоть на сѣмена. —
Тутъ Васильева матушка
Чоботы надернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плечо,
Прибѣжала она на Волхово,
Хватила свое чадо милое,
Хватила подъ правую подъ пазуху.
— Ай же ты, Василій сынъ Буслаевичъ!
— Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
— Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
— Живучи Буславъ не старился,
— На достали Буславъ переставился,
— Со Новымъ-градомъ не перечился,
— Съ каменной Москвой спору не было. —
Принесла Василья со чиста поля.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Говоритъ онъ матушкѣ родимоей:
— Ай же ты матушка родимая!
— Утрось я не завтракалъ, вечеръ я не ужиналъ,
— Дай хоть сегодня пообѣдати.
— Спусти меня молодца въ Еросо̀лимъ градъ,
— Во святую святыню помолитися,
— Ко Христову гробу приложитися.
— Во Ердань рѣку окупатися.
— Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
— Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ! —
Говоритъ Васильева матушка
Молодая Фетьма Тимоѳѣевна:
— Не спущу тебя Василья во Еросо̀лимъ градъ,
— Тебѣ мнѣ-ка-ва больше жива нѐ видать. —

— Ай же матушка родимая!
— Спустишь — поѣду, а не спустишь — пойду. —
Оснастили суденушко дубовое,
Со своей дружинушкой хороброю
Сѣли въ суденушко, поѣхали.
Пріѣхали къ матушкѣ Сивòнь горы.
Пошли на матушку Сивòнь гору,
Пошли по матушкѣ Сивòнь горѣ,
Лежить тутъ кость сухоялова.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Сталъ этой костью попинывать,
Сталъ этой костью полягивать.
Спрогòвори кость сухоялова
Гласомъ она человѣческимъ:
— Ты бы хоть Василій сынъ Буслаевичъ
— Меня бы, кости, не полягивалъ,
— Тебѣ со мной лежать во товарищахъ. —
Плюнулъ Васильюшко да прочь пошолъ.
— Сама спала, себѣ сонъ видѣла. —
Сѣли въ суденушко, поѣхали.
Пріѣхали они въ Еросòлимъ городъ,
Сходили въ святую святыню помолилися,
Ко Христову гробу приложилися;
Пришелъ Василій сынъ Буслаевичъ,
Окупался въ матушкѣ Ердань рѣкѣ.
Идетъ та дѣвушка чернавушка,
Говоритъ Васильюшку Буславьеву:
— Ай Василій сынъ Буслаевичъ!
— Нагимъ тѣломъ въ Ердань рѣки не купаются,
— Нагимъ тѣломъ купался Самъ Исусъ Христосъ!

— А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ. —
Сѣли на суденушко, съ дружинушкой поѣхали.
Заболѣла у Васильюшка буйная головушка.
Спрогòвори Василій сынъ Буслаевечъ:
— Ай же дружинушка хоробрая!
— Болитъ у меня буйная головушка.
— Вечоръ были мы на матушкѣ Сивонь горѣ,
— Пошли мы — съ костью разбранилися,
— Пошли мы — съ костью не простилися.
— Заѣдемъ-ко на матушку Сивонь гору,
— Простимся у кости сухояловой. —
Пріѣхали на матушку Сивонь гору,
Гдѣ лежала кость сухоялова.
Тутъ лежитъ въ томъ мѣстѣ синь камень:
Въ долину камень сорокъ сажень.
Въ ширину камень двадцать сажень.
Спрогòвори Василій сынъ Буслаевичъ:
— Ты, дружинушка, скачи впоперекъ камня.
— А я скачу вдоль камня:
— Перескочимъ черезъ камень! —
Скочилъ Васильюшко вдоль камня,
Палъ Васильюшко о си́нь камень.
Рѣчёнъ языкъ въ головѣ поворотился,
Говоритъ дружинушкѣ хоробрыя:
— Съѣдешь, дружинушка хоробрая,
— Къ моей матушкѣ роди́моей,
— Вели поминать Васильюшка Буславьева. —

———

Садко купецъ, богатый гость.

Будучись Садко купецъ, богатый гость,
Подъ славнымъ Новымъ-городомъ,
Похвасталъ онъ съ оными своей буйной головой:
— Я у васъ повыкуплю товары всѣ,
— Съ Нова-города на свои корабли всѣ повыгружу;
— Если не могу товаровъ всѣхъ повыкупить,
— Да на свои корабли повыгрузить, —
— Отдамъ отсѣчь свою буйную голову! —
И сталъ онъ въ Новѣ-городѣ гулять,
Сталъ онъ товаровъ покупать
И на свои корабли нагружать:
И всѣ товары съ Нова-города повыкупилъ,
И на свои черны корабли онъ повыгрузилъ.
И вскричалъ Садко купецъ, богатый гость:
— Дружьи и братья корабельщики!
— Катайте-ко якори съ синя моря,
— Распущайте-ко парусы полотнянныи! —
И всѣхъ кораблей были тридцать три:
Единой корабль передомъ пошолъ,
На которомъ ѣдетъ Садко купецъ, богатый гость.
И ѣдетъ Садко купецъ, богатый гость, середи моря,
И остановился корабль Садки, купца богатаго.

И вскричалъ Садко купецъ, богатый гость
Дружьямъ-братьямъ корабельщикамъ:
— Ай же вы, дружьи-братья корабельщики!
— Берите-ко щупы желѣзныи,
— Щупайте во синёмъ мори:
— Нѣтъ ли луды или каменья,
— Нѣтъ ли отмели песочныя? —
Они щупали во синёмъ мори,
Не нашли они ни луды, ни каменья,
И не нашли отмели песочныя.
Тутъ скричалъ Садко купецъ, богатый гость:
— Эй вы, дружья-братья корабельщики!
— Вы спускайте во синё морё якори мёртвыи
— И становитесь всѣ по пòряди.—
Оны кидали якори мертвыи
И становились всѣ по пòряди.
И собиралися на одинъ корабль,
И говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
— Ай же вы, дружья-братья корабельщики!
— Вы насыпьте одну мису чиста серебра,
— Другую насыпьте красна золота,
— А третью насыпьте скатна жемчуга,
— Положите на дощечку золоту казну
— И бросьте дощечку во синё морё:
— Я двѣнадцать лѣтъ по морю ѣзживалъ,
— А Поддòнному Царю пошлины не плачивалъ, —
— Вѣрно пошлины онъ отъ меня требуетъ! —
Положили на дощечку золоту казну:
Тутъ дощечка не тонетъ, а гоголемъ плыветъ.
Тутъ говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

— Ай же вы, дружья-братья корабельщики!
— Вѣрно не пошлины Поддо̀нный Царь требуетъ,
— А требуетъ онъ голову человѣческу!
— Возьмите-тко дерево сосновое,
— Нарѣжьте жеребьи поименно всѣмъ,
— Подпишите подпись по отечеству,
— Бросьте жеребьи во синё морё
— Ко тому Царю ко Поддонному. —
Оны бросили жеребьи во синё морё:
Вси жеребьи гоголёмъ плывутъ,
А который жеребей Садки, купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
— Это есть дерево не правое!
— Возьмите-ко дерево дубовое,
— Вырѣжьте жеребьи поименно всѣмъ,
— Подпишите подпись по отечеству. —
Подписали жеребьи поимянно всѣмъ
И бросили жеребьи во синё морё:
Всѣ жеребьи гоголёмъ плывутъ,
А который жеребей Садки, купца богатаго,
Тотъ пошолъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
— Это есть дерево не правое,
— Не правое дерево дубовое!
— А возьмите-ко дерево кипарисное,
— И вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
— И подпишите жеребьи по отечеству.
— На томъ вѣдь деревѣ Христосъ распятъ есть,
— Это есть дерево правое,

— Правое дерево-кипарисное. —
Оны брали дерево кипарисное,
Вырѣзали жеребьи поимянно всѣмъ,
Подписали подпись по отечеству
И бросили жеребьи во синё морё:
Всѣ жеребьи гоголёмъ плывутъ,
А которой жеребей Садки, купца богатаго,
Тотъ пошолъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
— Видно, бѣда пришла мнѣ неминучая:
— Самому Садку, купцу богатому,
— Иттить будетъ во синё морё!
— Насыпьте-ко, братцы, миску чиста серебра,
— Другу насыпьте красна золота,
— А третью насыпьте скатна жемчуга. —
Тутъ онъ взялъ во праву руку
Образъ Миколы Угодника,
А во лѣвую гусли ярòвчаты,
Въ которой наигрыши есть нездѣшніи,
А нездѣшніе наигрыши — сибирскіе.
И приказалъ Садко купецъ, богатый гость,
Мисы класть на дощечечку,
И самъ садился на тую-же,
И быдто въ сонъ заснулъ,
Ушелъ онъ каменемъ ко дну.
А корабли его всѣ въ ходъ пошли.
И принесло дощечку во синёмъ морѣ
Ко той полаты бѣлокаменны,
А онъ пришелъ въ полату бѣлокаменну
Ко тому Царю ко Поддонному.

Онъ ему съ Царицею билъ челомъ,
Челомъ билъ и низко кланялся,
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
— Ай же ты Поддонный Царь!
— Зачѣмъ ты меня сюда требовалъ? —
Говоритъ Поддонный Царь:
— Я затѣмъ тебя сюда требовалъ, —
— Ты скажи-скажи и повѣдай мнѣ,
— Что̀ у васъ на Руси есть дорого:
— У насъ съ Царицею разговоръ идетъ,
— Злато или серебро на Руси есть дорого,
— Или булатъ-желѣзо есть дорого? —
Говоритъ ему Садко купецъ, богатый гость:
— Ай же ты Поддонной Царь!
— Я скажу тебѣ и повѣдаю:
— У насъ злато-серебро на Руси дорого,
— А булатъ-желѣзо не дешевлѣя;
— Потому оно дорого,
— Что безъ злата-серебра сколько можно жить,
— А безъ булату-желѣза жить-то не́ можно,
— А не́ можно жить вѣдь никакому званію. —
Говоритъ ему Поддонной Царь:
— Что̀ у тебя есть во правòй руки
— И что̀ у тебя есть во лѣвой руки? —
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
— Есть у меня во правой руки
— Образъ Миколы Угодника,
— А во лѣвой руки гусли яровчаты. —
Тутъ беретъ Садко купецъ, богатый гость,
Беретъ онъ гуселышки яровчаты:

Тутъ Поддонной Царь распотѣшился
И началъ плясать по полаты бѣлокаменной,
Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ.
Проигралъ Садко ровно три-часа
Говоритъ ему Царица Поддонная:
— Ай же ты Садко купецъ, богатый гость!
— Сломай-ко ты гусли яровчаты:
— Тебѣ кажется, что скачетъ по поламъ Царь,
— А скачетъ Царь по крутымъ берегамъ;
— Отъ его отъ пляски тонутъ-гинутъ
— Безповинныя буйны головы. —
Тутъ сломалъ Садко гусли яровчаты
И прирвалъ струны золочёныя.
Тутъ Поддонной Царь велитъ играть,
Велить играть друго три-часа;
Тутъ отвѣтъ держитъ Садко купецъ, богатый гость:
— У меня сломались гусли яровчаты. —
Говоритъ ему Поддонной Царь:
— У насъ есть слесаря и починятъ ихъ. —
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
— Ай же ты Поддонной Царь!
— Не починить здѣсь моихъ гуселышекъ
яровчатыхъ:
— Надобно починить—на Русь сходить. —
Говоритъ ему Поддонной Царь:
— Не хочешь ли ты здѣсь поженитися? —
Говоритъ ему Садко купецъ, богатый гость:
— Надо бы женитися мнѣ, да невѣсты нѣтъ. —
Тутъ пошелъ Поддонной Царь по хорошихъ дѣвицъ.

Говоритъ ему Царица Поддонная:
— Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
— Первую толпу дѣвицъ приведетъ Поддонной Царь, —
— Такъ въ той толпы княгини ты не выбери,
— А скажи Царю ты Поддонному, —
— Въ этой толпы мнѣ княгини нѣтъ по разуму, —
— Такъ приведетъ Царь толпу дру́гую, —
— И въ другой толпы княгини ты не выбери,
— А третью толпу приведетъ Поддонной Царь, —
— Въ третьей толпы княгиню себѣ выбери,
— Которая идетъ позади всѣхъ,
— Поменьше она и почернѣя всѣхъ:
— Тогда ты будешь на Святой Руси,
— Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,
— Увидишь и солнце красное. —
Тутъ привелъ Царь хорошихъ дѣвицъ
И потребовалъ Садка, купца богатаго
Выбирать себѣ княгиню по разуму.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
— Въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму. —
И привелъ тутъ Поддонной Царь толпу дру́гую,
И говоритъ онъ Садку, купцу богатому:
— Выбирай княгиню ты по разуму. —
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
— И въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму. —
И привелъ тутъ Поддонной Царь
Толпу дѣвицъ третью,
И говоритъ Садку купцу богатому,
— Ай же ты Садко купецъ, богатый гость!

— Выбирай теперь княгиню ты по разуму. —
Въ этой толпы Садко купецъ, богатый гость,
Сталъ выбирать себѣ княгиню по разуму,
И выбралъ дѣвицу по разуму,
Которая шла позади всѣхъ и чернѣе всѣхъ.
И говоритъ тутъ Садко купецъ, богатый гость:
— Ай же ты, Поддонной Царь!
— Эта мнѣ дѣвица полюбилася. —
И тую дѣвицу Царь за него отдалъ,
И далъ ему во приданыихъ
Одну бочку чиста серебра,
Другу бочку красна золота,
Третью бочку скатна жемчуга.
Отвели Садка во ложню спать,
Заспалъ Садко купецъ богатый во крѣпкій сонъ.
Какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго,
И увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное,
И увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ кряжу,
На крутомъ кряжу, у быстрой рѣки,
И бочки съ имѣніемъ лежатъ подли его,
А невѣсты его и въ слыху нѣтъ.
И тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Съ имѣніемъ и домой пошелъ.
По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ...
А гулялъ Садко молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ:
Никакой надъ собой притки и скорби не
видывалъ,
А все молодецъ во здравьи пребывалъ.
Захотѣлось молодцу побывать во Новѣ-городѣ;
Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,

А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
— А спасибо тебѣ, матка Волга рѣка!
— А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
— Никакой я притки-скорби не видывалъ надъ собой,
— И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ;
— А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать. —
Проговоритъ ему матушка Волга рѣка:
— А и гой еси, удалой-доброй молодецъ!
— Когда придешь ты въ Новгородъ,
— А стань ты подъ башню проѣзжую,
— Поклонися отъ меня брату моему,
— А славному озеру Ильменю. —
Втапоры Садко молодецъ отошелъ, поклонился.
Подошелъ къ Нову-городу,
И будетъ у тоя башни проѣзжія,
Подлѣ славнаго озера Ильменя,
Правитъ челобитье великое
Отъ тоя-то матушки Волги рѣки,
Говоритъ таково слово:
— А и гой еси, славной Ильмень озеро!
— Сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ свое. —
Говорилъ самъ и кланялся.
Малое время замѣшкавши,
Приходилъ тутъ отъ Ильмень-озера
Удалой-доброй молодецъ,
Поклонился ему, добру молодцу:
— Гой еси, съ Волги удалъ молодецъ!
— Какъ ты, де, Волгу сестру знаешь мою? —
А и тотъ молодецъ Садко отвѣтъ держитъ:

— Что, де, я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ,
— Со вершины знаю и до устья ее —
— А и нижняго царства астраханскаго. —
А сталъ тотъ молодецъ наказывати,
Которой посланъ отъ Ильмень-озера:
— Гой еси ты, съ Волги удалъ молодецъ!
— Проси бошлыковъ во Новѣ-городѣ,
— Ихъ со тремя неводами
— И съ тѣми людьми со работными,
— И заметывай ты неводъ во Ильмень-озеро;
— Что будетъ тебѣ Божья милость. —
Подходилъ онъ, молодецъ,
Къ тѣмъ бошлыкамъ новогородскіимъ,
А пришелъ онъ самъ кланяется,
Самъ говоритъ таково слово:
— Гой вы еси, бошлыки, добры молодцы!
— А и дайте мнѣ тѣ три невода
— Со тѣми людьми со работными,
— Рыбы половити во Ильменѣ-озерѣ:
— Я вамъ, молодцамъ, за труды заплачу. —
А и втапоры ему бошлыки не отказывалися,
Сами пошли бошлыки со работными людьми,
А закинули три невода во Ильмень-озеро:
Первый неводъ къ берегу пришелъ, —
И тутъ въ немъ рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мелкая;
И другой-то вѣдь неводъ къ берегу пришелъ, —
Въ томъ-то рыба красная;
А и третій неводъ къ берегу пришелъ, —
А въ томъ-то вѣдь рыба бѣлая,

Бѣлая рыба въ три четверти.
Перевозился Садко молодецъ на гостиной дворъ
Со тою рыбою ловленою:
А и перву рыбу перевозили всю,
Клали они рыбу въ погребье;
Изъ другого же невода онъ въ погребъ же возилъ,
Та была рыба вся красная;
Изъ третьяго невода возили они
Въ тѣ же погребы глубокіе,
Запирали они погребы нà-крѣпко,
Ставили караулы на гостинномъ на дворѣ,
А и отдалъ тутъ молодецъ тѣмъ бошлыкамъ
За ихъ за труды сто рублевъ,
А не ходитъ Садко на тотъ на гостинной дворъ по три дни,
На четвертый день погулять захотѣлось;
А и въ первой погребъ заглянетъ онъ, —
А насилу Садко туто двери отворилъ:
Котора была рыба мелкая,
Тѣ-то вѣдь стали деньги дробныя;
И скоро Садко опять запираетъ.
А въ другомъ погребу — заглянулъ онъ —
Гдѣ была рыба красная,
Очутились у Садки — червонцы лежатъ.
Въ третьемъ погребу заглянулъ Садко:
Гдѣ была рыба бѣлая,
А и тутъ у Садки все монеты лежатъ.
Втапоры Садко купецъ, богатый гость,
Сходилъ Садко на Ильмень-озеро,
А бьетъ челомъ поклоняется:

— Батюшко мой, Ильмень-озеро,
— Поучи меня жить во Новѣ-градѣ! —
А и тутъ ему говорилъ Ильмень-озеро:
— А и гой еси, удалой-доброй молодецъ!
— Поводись ты со людьми со таможенными,
— А и только про ихъ ты обѣдъ доспѣй,
— Позови молодцовъ, посадскихъ людей,
— А станутъ тя знать и вѣдати. —
Тутъ молодецъ догадается
Сдѣлать обѣдъ про таможенныхъ людей,
А сталъ онъ водиться съ посадскими людьми.
И будетъ во Новѣ-городѣ,
У того ли Николы Можайскаго,
Тѣ мужики Новгородскіе соходилися
На братчину Никольщину,
Начинаютъ пить канунъ, пива ячныя;
И пришелъ тутъ къ нимъ удалой-доброй молодецъ,
Удалой молодецъ былъ Волгской суръ,
Бьетъ челомъ, поклоняется:
— А и гой вы еси, мужики новгородскіе!
— Примите меня во братчину Никольщину:
— А и я вамъ сыпь плачу немалую. —
А и тѣ мужики новгородскіе
Принимали его во братчину Никольщину:
Далъ молодецъ имъ пятьдесятъ рублевъ.
А и зачали пива пить ячныя,
Напивались молодцы уже до пьяна,
А и съ хмѣлю тутъ Садко захвастался:
— А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
— Припасите вы мнѣ товаровъ во Новѣ-городѣ,

— По три дни и по три уповода:
— Я выкуплю тѣ товары по три дни, по три уповода,
— Не оставлю товаровъ ни на денежку,
— Ни на малу разну полушечку;
— А то коли я товары не выкуплю,
— Заплачу казны вамъ сто тысячей. —
А и тутъ мужики новгородскіе
Тѣ-то, де, рѣчи его записывали.
А и выпили канунъ, пива ячныя,
И заставили Садку ходить по Нову-городу,
Закупати товары во Новѣ-городѣ
Тою ли цѣною повольною.
А и ходитъ Садко по Нову-городу
Закупаетъ онъ товары повольной цѣною:
Выкупилъ товары во Новѣ-городѣ,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
А и шедъ Садко, Божій храмъ сорудилъ
А и во имя Стефана Архидьякона,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по второй день по Нову-городу:
Во Новѣ-градѣ товару больше стараго;
Онъ выкупилъ товары и по второй день,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.

И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:
Шедъ Садко, Божій храмъ сорудилъ
А и во имя Софіи Премудрыя,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по третій день,
По третій день по Нову-городу:
Во Новѣ-городѣ товару больше стараго,
Всякіихъ товаровъ заморскіихъ;
Онъ выкупилъ товары въ половину дня,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Много у Садки казны осталося,
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
Шедъ Садко, Божій храмъ сорудилъ
Во имя Николая Можайскаго,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по четвертой день,
Ходитъ Садко по Нову-городу,
А и цѣлый день онъ до вечера:
Не нашелъ онъ товаровъ во Новѣ-городѣ
Ни на денежку, ни на малу разну полушечку.
Зайдетъ Садко онъ во темной рядъ:
И стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки,
А всѣ горшки уже битые;

Онъ самъ Садко усмѣхается,
Даетъ деньги за тѣ горшки,
Самъ говоритъ таково слово:
— Пригодятся — ребятамъ черепками играть,
— Поминать Садку, гостя богатаго!
— Что не я, Садко, богатъ, — богатъ Новгородъ
— Всякими товарами заморскими
— И тѣми черепанами, гнилыми горшки! —

Какъ перевелись витязи на святой Руси.

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чу́дну образу;
Видитъ онъ, — черезъ Сафатъ рѣку
Переправляется сила басурманская:
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
— Ой ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
— Удалые братья названные! —
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добры́хъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
Бились три часа и три минуточки:

Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
— Не намахалися наши могутныя плечи,
— Не уходилися наши добрые кони,
— Не притупились мечи наши булатные. —
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
— Подавай намъ силу нездѣшнюю:
— Мы и съ тою силою, витязи, справимся! —
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
— А давайте съ нами, витязи, бой держать!
— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро. —
Не узнали витязи воителей;
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей,
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо — и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро — и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе — и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,

Бились три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣетъ:
Какъ подбѣжитъ другой,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣетъ.

Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси.

И на тымъ этыя старинки и покончились...

Ба́скій, баской — хорошій, красивый; рѣчь баска̀, — красивая рѣчь.

Башня проѣзжая — башня надъ воротами.

Бошлыкъ — голова, атаманъ, староста рыболовной артели; правильнѣе — башлыкъ, отъ татарскаго „башъ“ — голова.

Бурнастый — бурый; рыжій.

Валженый — влажный, вымокшій, сыромятный.

Вальявочный, ая (пуговка) — красиво, изящно сдѣланный.

Вальящатый — дешовый; массивный.

Волжа́ный — сдѣланный изъ волжанки (кустарникъ, spiraea).

Гольныя щелья — подводные камни, выступающіе надъ поверхностью рѣки или моря.

До́сталь — остатки, послѣдки.

Жаровое дерево — высокоствольное дерево съ вѣтвями у вершины.

Животъ (описывать) — имѣніе, достояніе.

Займище — топкое мѣсто, „занятое“ водой.

Камка — шелковая ткань съ разводами.

Канунъ — кутья на водѣ съ медомъ; пиво къ празднику.

Ко́долъ — веревка.

Коржина — гнѣздо въ палубѣ, куда вставляется мачта.

Косящатый — обшитый рѣзными досками, „наличниками“.

Крутатный (парусъ) — свертывающійся, извивающійся; скорый.

Куякъ — доспѣхъ изъ круглыхъ или четыреугольныхъ металлическихъ бляхъ, нашитыхъ на бархатѣ, сукнѣ и т. д.

Луды — подводные камни, которые „лудятъ“, обманываютъ плывущихъ.
Манатья — старая, поношеная одежда.
Матица — средній брусъ потолка.
Намистка — головной уборъ.
Настъ — обледенѣлая послѣ оттепели поверхность снѣга.
Обгаляться — издѣваться, осмѣивать.
Обжи — оглобли у сохи.
Однорядочка — кафтанъ.
Омешъ (омешики) — часть сохи, сошникъ.
Пàбѣдье — время около обѣда.
Паленица — вольные молодцы, удалая конница, — отъ „полевать“, „поляковать“ — ѣздить въ поле, охотиться.
Печерски (лисицы) — пещерскія, живущія въ норахъ.
Плаши (золоты) — верхушки (донца) головныхъ уборовъ, вышитыя „плашмя“.
Поправиться — справиться.
Притка — дурная встрѣча; дурное предзнаменованіе.
Пощипка — красивая, частая походка; искусное обхожденіе.
Рàменье — опушка хвойнаго лѣса.
Рыдня — рында, княжескій отрокъ, тѣлохранитель, оруженосецъ.
Рытъ (бархатъ) — пушистый, узорчатый.
Скрянуться — тронуться, сдвинуться съ мѣста.
Скурлатъ — ткань (хлопчатая).
Сохатый — развилистый, вѣтвистый (о рогахъ оленя, лося).
Спичка — спица, на которую вѣшаютъ въ избѣ одежды.
Сукрой — большой ломоть хлѣба.
Сухояловый, ая (кость) — высохшій.
Торыкать — шевелить, касаться; доставать.
Темной рядъ — торговый амбаръ подъ навѣсомъ.
Тиронъ — камень-ѳберегъ, амулетъ.
Тулица — существит. въ значеніи „трусъ“, отъ „тулится“, т. е. прячется за другихъ.
Удробиться — испугаться.
Хрущатый — хрящатый, жесткій, суровый, плотный.

Флаки (камки) — куски, штуки.
Червчатый — багряный, ярко-малиновый; — червленый.
Черепанъ — черепокъ.
Шалыга — здѣсь, въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ, имя собственное, въ другихъ текстахъ шалыга—палка, дубина.
Щепленьице — обходительность, вѣжливость.
Щаски — удача, счастье; милость.
Яровчатыя гусли — яворовыя, яворъ — ива.

— Про Святогора-Богàтыря. — Рыбниковъ, П. „Пѣсни", М., 1861, т. I, стр. 32. Записано въ святозерской вол. олонецкой губ., д. Прятокъ.

— Вольга и Микула.— Ляцкій., Евг. „И. Т. Рябининъ и его былины", Этногр. Обозр., кн. XXIII, М., 1894. Къ этой же былинѣ относится и приложенный къ настоящей книгѣ напѣвъ, записанный А. С. Аренскимъ.

— Волхъ Всеславьевичъ.— Рыбниковъ, П. „Пѣсни", т. I, стр. 11.

— Илья Муромецъ въ селѣ Карачаровѣ. — Рыбниковъ, П. „Пѣсни", т. I, стр. 33. Записано въ петрозаводскомъ уѣздѣ, олонецкой губ., кижскій погостъ, со словъ Леонтія Богданова.

— Илья Муромецъ подъ Черниговымъ. — Кирѣевскій, П. „Пѣсни", М., 1860, т. I, вып. I, стр. 34. Записано въ с. Павловѣ, нижегородской губерніи.

— Илья Муромецъ и Идолище поганое.— Рыбниковъ, П. „Пѣсни", т. I, стр. 85. Записано въ петрозаводскомъ уѣздѣ, олонецкой губ., кижскій погостъ, отъ И. Г. Рябинина.

— Илья и Калинъ-Царь. — Кирѣевскій, П. „Пѣсни", т. I, вып. 1, стр. 66. Записано въ олонецкой губерніи.

— Объ Ильѣ Муромцѣ и Сокольничкѣ-Охотничкѣ. — Рыбниковъ, П. „Пѣсни“, т. I, стр. 75. Записано въ пудожскомъ уѣздѣ, въ дер. Кузнецово, отъ калики Латышева.

— Илья Муромецъ со княземъ Владиміромъ ссорится.— Рыбниковъ, П. „Пѣсни“, т. I, стр. 95. Записано въ пудожскомъ уѣздѣ, купецкой волости, д. Буракова, отъ крестьянина Никифора Прохорова.

— Илья Муромецъ и Станичники.— Кирѣевскій, П. „Пѣсни“, т. I, вып. I, стр. 19. Записано въ селѣ Усть-Урень, симбирской губ., отъ Егора Плотникова, пѣвца „лѣтъ за 50, человѣкъ бывалый“.

— Илья Муромецъ на Соколѣ - кораблѣ. — Миллеръ и Тихонравовъ. „Былины старой и новой записи“. М., 1894, стр. 63. Мѣсто записи неизвѣстно, доставлена была изъ вологодской губ.

— Смерть Ильи. — Рыбниковъ, П. „Пѣсни“, т. III, стр. 53. Записана въ пудожскомъ уѣздѣ, въ Кенозерѣ, отъ „поромскаго старика“.

— Добрыня и Змѣй. — Ляцкій, Евг. „И. Т. Рябининъ и его былины“, Этногр. Обозр., кн. XXIII, М., 1894.

— Добрыня женится. — Рыбниковъ, П. „Пѣсни“, т. I, стр. 127. Записана въ олонецкой губерніи, д. Логмасы.

— Добрыня въ отъѣздѣ; Алеша Поповичъ. — Рыбниковъ, П. „Пѣсни“, т. I, стр. 129. Записана въ олонецкой губерніи, д. Логмасы.

— Добрыня и Смерть. — Рыбниковъ, П. „Пѣсни“ т. II, стр. 36. Записана въ самарскомъ приходѣ вытегорскаго у., олонецкой губерніи.

— Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ.— Рыбниковъ, П. „Пѣсни“ т. III, стр. 95. Записана въ пудожскомъ приходѣ, повѣнецкаго уѣзда, олонецкой губ. со словъ петрозаводскаго сказителя Бутылки.

— Дюкъ Степановичъ.— Кирѣевскій, „Пѣсни“, т. I, вып. 3, стр. 101. Также въ сборникѣ Кирши Данилова.

— Соловей Будиміровичъ.— Рыбниковъ, П. „Пѣсни“, т. I, стр. 325. Записано въ д. Бураково отъ Никифора Прохорова.

— Чурило Пленковичъ.— Кирѣевскій, П. „Пѣсни“, т. I, вып. 4, стр. 78 (Кирша Даниловъ); — 86 (село Павлово нижегор. губ.); — 87.

— Ставръ Годиновичъ.— Рыбниковъ, П. „Пѣсни“, т. I, стр. 241. Записано въ кижской волости, олонецкой губ., отъ И. Г. Рябинина.

— Потокъ Михайло Ивановичъ. „Древнія россійскія стихотворенія“ Кирши Данилова, Спб. 1873.

— Михайло Потыкъ и сорокъ каликъ со каликою.— Рыбниковъ, П. „Пѣсни“, т. I, стр. 237. Записана въ олонецкой губ. отъ Леонтія Богданова.

— Дунай Ивановичъ.— Рыбниковъ, П. „Пѣсни“, т. I, стр. 186. Записана въ олонецкой губ. отъ И. Г. Рябинина.

— Дунай Ивановичъ.— Рыбниковъ, П. „Пѣсни“, т. I, стр. 178. Записана въ дер. Логмасы олонецкой губ., отъ Козьмы Романова.

— Днѣпра Королевична и Донъ Ивановичъ.— Рыбниковъ, П. „Пѣсни“ т. I, стр. 194. Записана въ дер. Бураковой, пудожскаго у., олонецкой губ., отъ Никифора Прохорова.

— Василій Буслаевичъ.— Гильфердингъ, А. „Онежскія былины“. Спб. 1873. Записана въ сѣнногубской волости, олонецкой губ., дер. Конды, отъ Домны Васильевны Суриковой.

— Садко купецъ, богатый гость. — Кирѣевскій, П. „Пѣсни“, т. II, вып. 5, стр. 34. Записана въ олонецкой губ. повѣнецкаго уѣзда, дер. Кяменицъ.

— Какъ перевелись витязи на святой Руси.— Кирѣевскій, П. „Пѣсни“, М., 1862, т. I, вып. 4 (дополн.), стр. 108.

Изъ литературы о былинахъ:

„Очерки по народной словесности“ В. Ѳ. Миллера; ч. I, М. 1892 (важны главы о происхожденіи и строеніи былинъ); ч. II, М. 1909; — его же — „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса“, М. 1892 (по вопросу о соотношеніяхъ русскаго былевого творчества съ Востокомъ); А. Н. Веселовскаго—„Южно-русскія былины“, Спб., 1884 (выходятъ вторымъ изданіемъ въ полномъ собр. соч., изд. И. Ак. Н.; центральный вопросъ — соотношенія съ Западомъ). Полнѣе литература указана въ спеціальныхъ отдѣлахъ „Исторіи литературы“ Пыпина, Порфирьева и др., сверхъ того заключаютъ въ себѣ много библіографическихъ указаній:

— Лобода, А. Русскій богатырскій эпосъ, Кіевъ, 1896.

— Владиміровъ, П. Введеніе въ исторію русской словесности, Кіевъ, 1896.

— Сиповскій, В. Исторія русской словесности, вып. I, Спб., 1910.

Кромѣ упомянутыхъ основныхъ сборниковъ Кирши Данилова, П. Кирѣевскаго, П. Рыбникова, А. Гильфердингъ укажемъ еще цѣнныя собранія новѣйшихъ, сравнительно, записей памятниковъ былевого творчества:

— Марковъ, А. Бѣломорскія былины. М. 1901.

— Ончуковъ, Н. Печорскія былины, Спб. 1902.

— Григорьевъ, А. Архангельскія былины. Изд. И. Акад. Наукъ. Ч. I и II, 1904; т. III, 1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

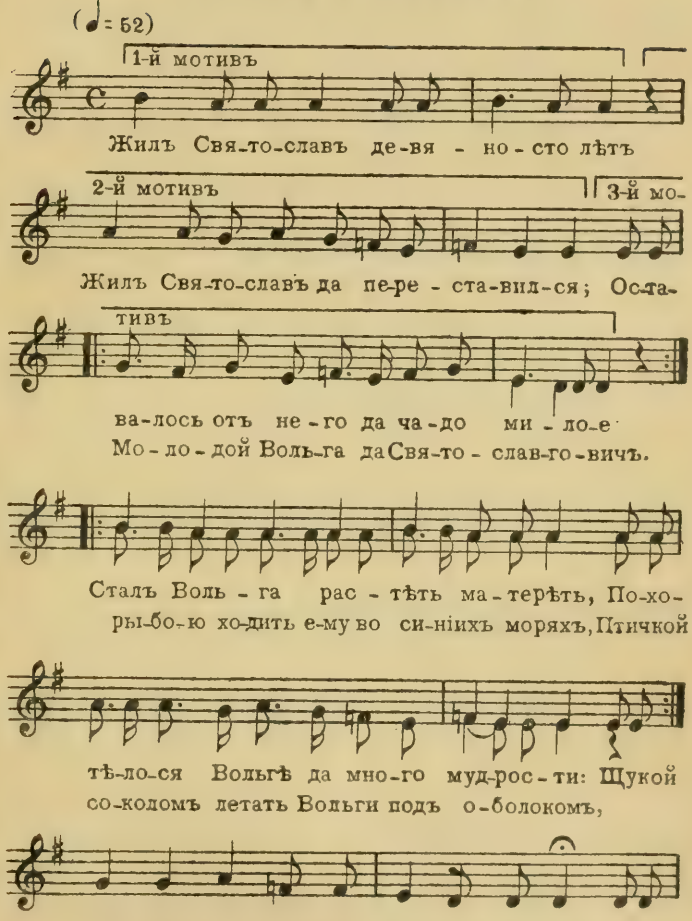
стр.

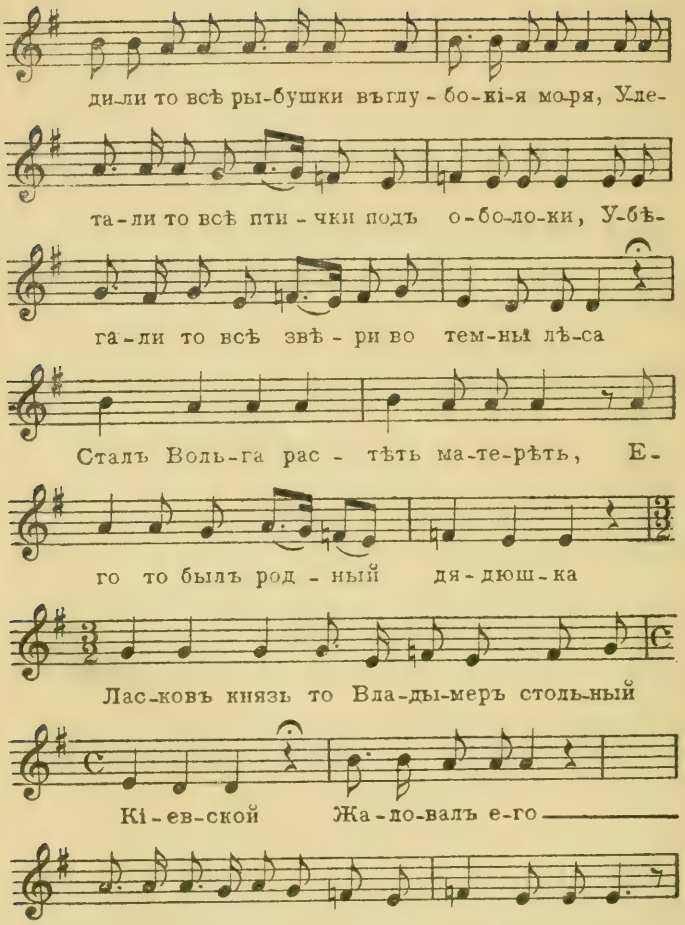
БЫЛИНЫ. Вступительная статья . . . . I—XXX
БОГА́ТЫРИ СТАРШІЕ 5
Про Святогора-богàтыря 7
Вольга и Микула 9
Волхъ Всеславьевичъ 16
БОГА́ТЫРИ КІЕВСКІЕ 23
Илья Муромецъ въ селѣ Корочаровѣ . . 25
Илья Муромецъ у трехъ дорогъ на распутіи 28
Илья Муромецъ подъ Черниговымъ . . . 32
Илья Муромецъ и Идолище поганое . . 41
Илья и Калинъ Царь 44
Богатыри на заставѣ 49
Илья Муромецъ со княземъ Владиміромъ ссорится 56
Илья Муромецъ и станичники. 58
Илья Муромецъ на Соколѣ-кораблѣ . . 60
Смерть Ильи Муромца 63
Добрыня и Змѣй 65
Добрыня женится 73
Добрыня въ отъѣздѣ. Алеша Поповичъ . 75

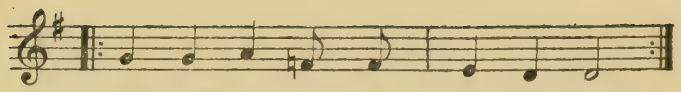
стр.

Добрыня и Смерть 87
Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ . 89
Дюкъ Степановичъ 91
Соловей Будиміровичъ 98
Чурило Пленковичъ 107
Ставръ Годиновичъ 120
Потокъ Михайло Ивановичъ 124
Михайло Потыкъ и сорокъ каликъ со каликою 132
Дунай Ивановичъ 137
Днѣпра королевична и Донъ Ивановичъ. 155
БОГА́ТЫРИ НОВГОРОДСКІЕ 159
Василій Буслаевичъ 161
Садко купецъ, богатый гость 170
КАКЪ ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА СВЯТОЙ РУСИ 185
Объяснительный словарикъ 189
Примѣчанія 191
Изъ литературы о былинахъ 194

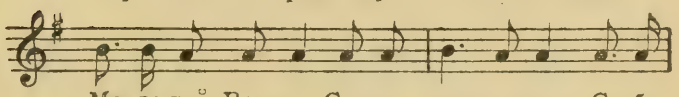
ВОЛЬГА И МИКУЛА.



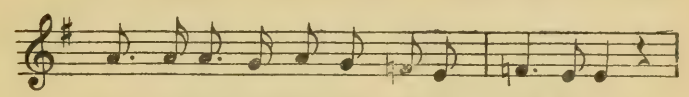

ди-ли то всѣ ры-бушки въглу-бо-кі-я мо-ря, Уле-
та-ли то всѣ пти-чки подъ о-бо-ло-ки, У-бѣ-
га-ли то всѣ звѣ-ри во тем-ны лѣ-са
Сталъ Воль-га рас-тѣть ма-те-рѣть, Е-
го то былъ род-ный дя-дюш-ка
Лас-ковъ князь то Вла-ды-меръ столь-ный
Кі-ев-ской Жа-до-валъ е-го
Тре-ма го-ро-да-ма все кре-стья-нов-ски-ми:



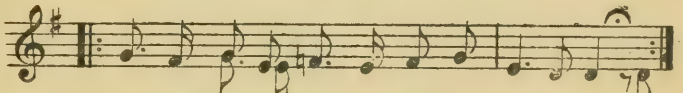
Пер-вый го-родъ а Гур-цо-вецъ,
Дру-гой го-родъ О - рѣ-хо-вецъ,
Тре-тій го-родъ Кре - стья-но-вецъ.



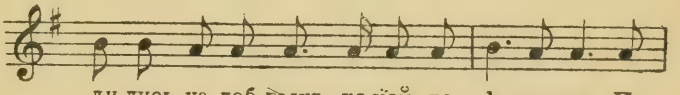
Мо-ло-дой Воль-га Свя-то-слав-го-вичъ Со-би-



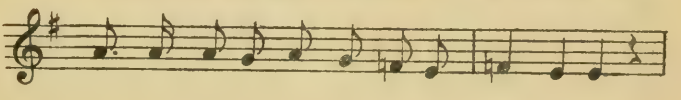
ралъ со-бѣ дру-жи-нуш-ку хо - роб-ру-ю.



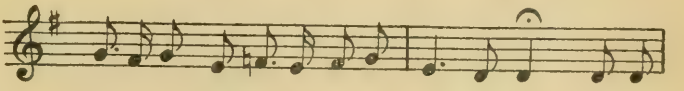
Тридцать молод-цовъ да безъ е - ди-на-го,
Самъ е - ще Вольга дай во трид-ча-тыихъ, Са-



ди-лись на доб-рыхъ ко-ней по - ѣ - ха-ли По



э-тимъ го-ро-дамъ да за по - луч-ко-ю.



Мо-лодой Вольга да Свято-слав-го-вичъ...

ОБЛОЖКА И ВИНЬЕТКИ
ИСПОЛНЕНЫ В. А. НИКОЛЬСКИМЪ
ПО СТАРИННЫМЪ ОБРАЗЦАМЪ. —
НАБРАНО И ОТПЕЧАТАНО ВЪ
ТИПОГРАФІИ АКЦІОНЕРНАГО
ОБЩЕСТВА ТИПОГРАФСКАГО
ДѢЛА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

BINDING SECT. NOV 4 - 1966

PG
3114
L53

Liatskiĭ, Evgeniĭ Aleksandrovich (ed.)
Byliny

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 12 19 03 008 4